

Александръ Дюма.

ТРИ МУШКЕТЕР

Романъ въ четырехъ частяхъ.

Съ рисунками Мориса Лелуара.

Переводъ съ французскаго.

МОСКВА. — Типографія Т-ва И. Д. Сытина. — 1900 г.

Александръ Дюма.

Три мушкетера.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

Съ рисунками Мориса Лелуара.

Переводъ съ французскаго.

Часть первая.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Вазовая ул., св. д.
МОСКВА. — 1909.

Дозволено цензурою. Москва, 16 февраля 1900 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

изъ котораго будетъ очевидно, что имена героевъ той повѣсти, которую мы будемъ имѣть честь представить на судъ публики, несмотря на свои окончанія «осъ» и «исъ», ничего общаго съ миѳологіей не имѣютъ.

Почти уже годъ тому назадъ, я, работая въ Королевской библіотекѣ и дѣлая разныя выписки и замѣтки для задуманной мною „Исторіи Людовика XIV“, совсѣмъ неожиданно напалъ на „Записки д'Артаньяна“, напечатанныя, какъ и многія другія литературныя произведенія той эпохи, когда писатели могли говорить откровенно, не рискуя прогуляться въ Бастилію,—въ Амстердамѣ у Пьера Ружа. Заглавіе меня заинтересовало: я взялъ ихъ на домъ, съ разрѣшенія завѣдующаго библіотекой, и съ жадностью сталъ читать ихъ.

Я не намѣренъ здѣсь дѣлать подробный разборъ этого интереснаго сочиненія и тѣмъ, которые поинтересовались бы той эпохой, я предложилъ бы прочесть его самимъ. Они найдутъ тамъ не мало художественно нарисованныхъ портретовъ и, хотя нравы тамъ затронуты, преимущественно, отдающіе казармой или трактиромъ, все-таки, читатели найдутъ тамъ довольно вѣрныя изображенія Людовика XIII, Анны Австрійской, Ришелье, Мазарини и другихъ великихъ людей того времени, написанныя, по-моему, нисколько не хуже, чѣмъ въ „Исторіи Анкетиля“. Дѣло въ томъ, что публика очень часто совершенно не замѣчаетъ тѣхъ красотъ, которыя иногда останавливаютъ на себѣ пылкую и своенравную фантазію поэта. Такъ случилось и со мной. Мнѣ понравились нѣкоторыя историческія подробности, на которыя до сихъ поръ никто еще не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Въ своихъ запискахъ д'Артаньянъ разсказываетъ, что, желая поступить въ полкъ Королевскихъ Мушкетеровъ и сдѣлавъ по этому поводу визитъ капитану полка де-Тревиллю, онъ встрѣтилъ въ его пріемной трехъ молодыхъ людей, служившихъ въ томъ же полку. Звали ихъ Атосъ, Портосъ и Арамисъ.

Признаюсь, что эти три иностранныя имени невольно обратили мое вниманіе, и сначала мнѣ пришло въ голову, ужъ не псевдонимы ли это какіе-нибудь, подъ которыми д'Артаньянъ скрываетъ, можетъ-быть, весьма извѣстныхъ личностей. Весьма могло случиться, что носители этихъ странныхъ именъ и сами выбрали ихъ себѣ, когда по собственному своему желанію, или въ силу необходимости облеклись въ скромный мундиръ мушкетера.

Разныя предположенія по этому поводу такъ увлекли мою фантазію, что я принялся рыться по всѣмъ литературнымъ произведеніямъ той эпохи, чтобы найти хоть какой-нибудь намекъ на эти таинственныя имена.

Если бы я перечислилъ здѣсь всѣ тѣ книги, которыя я перечелъ по этому поводу, то это заняло бы по крайней мѣрѣ цѣлую главу, что, конечно, было бы, можетъ-быть, весьма поучительно, но врядъ ли было бы интересно моимъ читателямъ. Короче говоря, въ то время, какъ я уже совершенно палъ духомъ, и, нигдѣ не находя ни малѣйшаго намека на интересовавшій меня предметъ, хотѣлъ уже отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ, я, вдругъ, отчасти благодаря моему знаменитому и ученому другу Полену Пари, нашелъ, наконецъ, рукопись in folio, не помню въ точности за номеромъ ли 4772 или 4773.

Вотъ ея заглавіе:

Записки графа де-ла-Феръ. О нѣкоторыхъ событіяхъ, происшедшихъ во Франціи, въ концѣ царствованія короля Людовика XIII и въ началѣ царствованія короля Людовика XIV.

Можно себѣ представить, какъ велика была моя радость, когда, перелистывая эту рукопись, какъ уже послѣдній мой источникъ, на двадцатой страницѣ я увидалъ имя Атоса, на двадцать седьмой Портоса, а на тридцать первой — Арамиса.

Это было почти чудо: найти совершенно незнакомую никому рукопись, описывающую ту эпоху, когда историческая наука достигла своего высшаго развитія. Я поскорѣе выпросилъ себѣ разрѣшеніе издать ее, съ тайной надеждой впослѣдствіи пробраться какъ-нибудь, хоть и съ чужимъ богажомъ, въ Академію словесныхъ наукъ, если бы, что весьма можетъ случиться, мнѣ не удалось проникнуть во Французскую Академію путемъ болѣе законнымъ.

Надо отдать справедливость, что позволеніе издать эту рукопись дано было мнѣ самымъ любезнымъ образомъ. Не могу не воспользоваться при этомъ случаѣ, чтобы не изобличить публично во лжи тѣхъ злонамѣренныхъ людей, которые имѣютъ дерзость увѣрять, что правительство наше весьма несочувственно относится къ писателямъ и ученымъ.

Итакъ, я предлагаю въ настоящее время читателямъ первую часть этой драгоцѣнной рукописи, давши ей подходящее заглавіе. Если, въ чемъ я не сомнѣваюсь, эта часть будетъ имѣть заслуженный успѣхъ, то я обѣщаюсь немедля же издать и вторую.

Пока же, такъ какъ воспріемникъ—второй отецъ, я прошу читателя считать меня, а не графа де-ла-Феръ за виновника его удовольствія или скуки.

Затѣмъ я перехожу къ повѣствованію.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Три подарка отца д'Артаньяна.

Въ 1625 году, въ первый понедѣльникъ апрѣля мѣсяца, въ городѣ Менгѣ, родинѣ автора „Романа Розы“, царило такое смятеніе, какъ будто тутъ собрались гугеноты, чтобы устроить вторую Рошель. Граждане, видя, какъ бѣгутъ женщины со стороны Большой улицы, слыша плачъ и крики дѣтей на порогахъ домовъ, торопливо надѣвали свои доспѣхи и съ мушкетами въ рукахъ спѣшили къ трактиру Франкъ-Менье, передъ которымъ уже кричала и шумѣла все возраставшаяся толпа любопытныхъ. Въ тѣ отдаленныя времена случаи всеобщей паники были очень часты, и рѣдкій день проходилъ, чтобы въ томъ или иномъ городѣ не случилось чего-нибудь подобнаго. То вельможи воевали другъ съ другомъ, то король объявлялъ войну кардиналу, то испанцы возставали на короля. Потомъ, кромѣ этихъ открытыхъ или тайныхъ междоусобицъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, повсюду кишѣли массы воровъ, нищихъ, гугенотовъ, бродягъ и другихъ тому подобныхъ людей, которые вели войну со всякимъ встрѣчнымъ. Граждане вѣчно воевали съ ворами, нищими и бродягами, возставали часто противъ вельможъ и гугенотовъ, иногда поднимали оружіе и на короля; но никогда не вздорили ни съ кардиналомъ ни съ испанцами.

Услыхавъ въ упомянутый день на улицахъ шумъ, не замѣчая ни на комъ изъ бѣгущихъ людей ни желтаго значка ни краснаго, не видя также ливреи герцога Ришелье, граждане Менга толпами стекались къ гостиницѣ Франкъ-Менье.

Только тамъ каждый могъ узнать вѣрную причину общаго смятенія.

Одинъ молодой человѣкъ... но нѣтъ, сначала я постараюсь описать однимъ штрихомъ его портретъ. Представьте себѣ восемнадцатилѣтняго Донъ-Кихота, Донъ-Кихота безъ нагрудника, кольчуги и латъ, одѣтаго въ шерстяной кафтанъ, повидимому, прежде бывшій голубого цвѣта, но теперь цвѣта весьма неопредѣленнаго, напоминавшаго не то небесную лазурь, не то бродящіе винные дрожди. Смуглое, продолговатое лицо этого молодого человѣка, его покраснѣвшія, выдающіяся скулы свидѣтельствовали о его лукавствѣ и хитрости. Если бы даже на немъ не было берета, а на немъ былъ и беретъ, изукрашенный какими-то небывалыми перьями, то по выдающимся и сильно развитымъ скуламъ въ немъ сразу можно бы было узнать гасконца

Глаза его были большіе, открытые, съ умнымъ выраженіемъ. Носъ съ небольшой горбинкой, тонкій и красивый. Незнакомецъ былъ слишкомъ великъ ростомъ, чтобъ его можно было принять за юношу, и въ то же время не такъ ужъ великъ, чтобы его можно было назвать вполнѣ взрослымъ и сложившимся мужчиной. Съ перваго взгляда его можно было принять за какого-нибудь странствующаго сына фермера, но стоило только взглянуть на его длинную шпагу съ кожаной перевязью, бившую ему по ногамъ, когда онъ слезалъ съ лошади, и хлопавшую по бокамъ его коня, когда онъ сидѣлъ верхомъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности подобнаго заключенія.

Для полноты портрета надо прибавить, что и лошадь, на которой сидѣлъ нашъ молодой человѣкъ, въ свою очередь, была такъ оригинальна, что невольно обращала на себя вниманіе. Это была тщедушная беарнская лошаденка, лѣтъ этакъ двѣнадцати, или даже четырнадцати, рыжей масти, съ вылѣзшимъ жидкимъ хвостомъ и съ разбитыми ногами. Вытянувъ свою тощую шею, она держала голову ниже колѣнныхъ суставовъ, благодаря чему ѣздоку и не нужно было употреблять въ дѣло мундштукъ. Однако, она могла безъ особаго труда дѣлать около восьми льё въ день.

Къ несчастью, высокіе достоинства этой лошади было такъ трудно различить подъ ея страннаго цвѣта шерстью и некрасивымъ ходомъ, что появленіе ея въ Менгѣ, гдѣ всѣ тогда понимали толкъ въ лошадяхъ, произвело такое впечатлѣніе, послѣдствія котораго отразились частью и на всадникѣ, хотя не прошло еще и четверти часа, какъ онъ въѣхалъ въ городъ черезъ ворота Божанси.

Д'Артаньянъ (такъ звали Донъ-Кихота, владѣльца новаго Россинанта) въ сущности былъ самъ превосходный наѣздникъ и, къ своему горю, отлично сознавалъ, что долженъ былъ казаться очень смѣшнымъ на подобномъ конѣ. Недаромъ онъ такъ глубоко вздохнулъ, когда принималъ этотъ подарокъ отъ своего отца. Онъ, впрочемъ, хорошо понималъ, что это некрасивое животное во всякомъ случаѣ стоитъ не менѣе двадцати ливровъ, тогда какъ слова, сопровождавшія этотъ подарокъ, не имѣли ровно никакой цѣны, но были безцѣнны.

— Сынъ мой, — говорилъ гасконскій дворянинъ съ тѣмъ особеннымъ „беарнскимъ" акцентомъ, отъ котораго всю жизнь не могъ избавиться Генрихъ IV, — сынъ мой, этотъ конь вскормленъ въ домѣ отца твоего, и вотъ уже 13 лѣтъ какъ не покидалъ его. Надѣюсь, что это уже одно заставитъ тебя съ любовью относиться къ этому благородному животному. Боже тебя сохрани продавать его, ты долженъ дать ему возможность спокойно и съ честью умереть отъ старости! Если судьба кинетъ тебя на войну, береги его и заботься о немъ, какъ о своемъ вѣрномъ, старомъ слугѣ. При королевскомъ дворѣ, — продолжалъ д'Артаньянъ отецъ, — если, разумѣется, ты будешь имѣть честь быть допущеннымъ туда, на что, впрочемъ, ты имѣешь полное право, происходя изъ стариннаго дворянскаго рода, держи себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ дворянину, и съ честью оберегай и для себя и для насъ то имя, которымъ 500 лѣтъ гордились наши предки. Подъ именемъ „насъ" я подразумѣваю твоихъ родныхъ и друзей. Не спускай никому и никогда обиды и склоняйся только передъ королемъ да кардиналомъ. Только собственной своей смѣлостью и храбростью, помни это хорошенько, дворянинъ въ

нашъ вѣкъ можетъ выбиться на дорогу. Если кто колеблется хоть одну секунду, то весьма вѣроятно, что онъ въ эту самую секунду и упускаетъ то счастье, которымъ судьба хотѣла наградить его. Ты молодъ и ты долженъ быть храбрымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что ты гасконецъ, а во-вторыхъ, потому что ты мой сынъ. Не бойся опасностей, а, напротивъ, ищи случаевъ выказать свою храбрость. Я тебя научилъ владѣть шпагой, у тебя ноги сильныя и вѣрная рука; никогда не упускай случая драться на дуэли. Какъ тебѣ извѣстно, дуэли запрещены, и, выходя такимъ образомъ на дуэль, ты этимъ вдвойнѣ выкажешь свою храбрость. Я могу, отпуская тебя въ путь, сынъ мой, предложить тебѣ только пятнадцать экю, коня и тѣ совѣты и наставленія, которыя я сейчасъ сказалъ тебѣ. Твоя мать дастъ тебѣ еще на всякій случай рецептъ одного прекраснаго бальзама, который дала ей какая-то цыганка, и который замѣчательно излѣчиваетъ всевозможныя раны, кромѣ только сердечныхъ. Ты можешь и долженъ, сынъ мой, извлекать себѣ пользу и выгоду изъ всего рѣшительно на свѣтѣ. Теперь мнѣ остается прибавить еще одно слово; мнѣ хочется разсказать тебѣ одинъ примѣръ,—не про себя, нѣтъ, я никогда не былъ при дворѣ, да и всего только одинъ разъ принималъ участіе въ войнѣ за нашу религію,—я говорю о де-Тревиллѣ. Онъ когда-то былъ моимъ сосѣдомъ и еще маленькимъ ребенкомъ удостоился чести играть съ королемъ Людовикомъ VIII, да сохранитъ его Господь на многія лѣта! Игры ихъ иногда переходили въ рукопашную, при чемъ побѣда далеко не всегда оставалась на сторонѣ короля. Удары, которые получалъ онъ отъ своего бойкаго сверстника, внушили ему большое уваженіе и скрѣпили его дружбу съ де-Тревиллемъ. Позднѣе, во время своего перваго путешествія въ Парижъ, де-Тревилль дрался пять разъ, и со времени смерти покойнаго короля и до совершеннолѣтія молодого, не считая тѣхъ случаевъ, когда онъ участвовалъ въ разныхъ войнахъ и осадахъ,—семь разъ, и со дня совершеннолѣтія по сіе время, можетъ-быть, еще сто разъ! И вотъ, несмотря ни на какіе указы, приказы и аресты,

Д'Артаньянъ-отецъ надѣлъ на сына свою собственную шпагу, нѣжно поцѣловалъ его въ обѣ щеки и далъ ему свое отцовское благословеніе.

онъ теперь капитанъ мушкетеровъ, то-есть начальникъ королевскаго легіона. Самъ король цѣнитъ его очень высоко, и даже самъ кардиналъ побаивается его, а ужъ, кажется, всѣмъ извѣстно, что кардиналъ далеко не трусливаго десятка. Помимо всего этого, де-Тревилль получаетъ не больше, не меньше, какъ десять тысячъ экю въ годъ! Вотъ это ужъ настоящій вельможа. А карьеру свою онъ началъ такъ же, какъ и ты, не имѣя ровно ничего! Ты можешь передать ему отъ меня это письмо и всѣми силами старайся поступать такъ же, какъ и онъ, чтобы достигнуть того же, чего достигъ и онъ.

Затѣмъ д'Артаньянъ-отецъ надѣлъ на сына свою собственную шпагу, нѣжно поцѣловалъ его въ обѣ щеки и далъ ему свое отцовское благословеніе.

Распрощавшись съ отцомъ, молодой человѣкъ прошелъ къ своей матери, которая уже приготовила ему свой знаменитый рецептъ, чтобы снабдить имъ его, на всякій случай, въ дорогу.

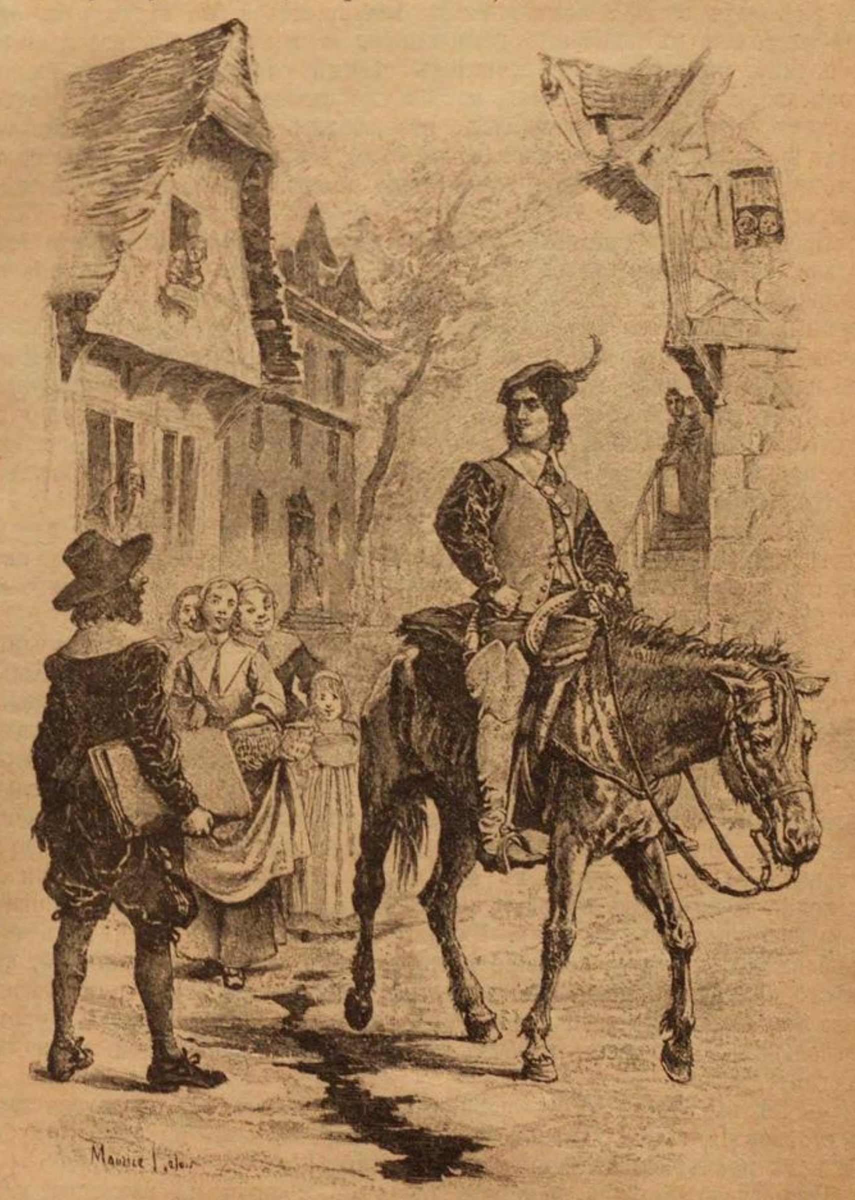
Прощаніе съ матерью было гораздо продолжительнѣе и нѣжнѣе. Это было вовсе не потому, что д'Артаньянъ-отецъ менѣе любилъ своего сына, чѣмъ мать, но потому, что д'Артаньянъ былъ прежде всего мужчина и счелъ бы недостойнымъ своего пола слишкомъ поддаваться сердечнымъ изліяніямъ, тогда какъ госпожа д'Артаньянъ была женщина и къ тому же мать. Она горько плакала, прощаясь со своимъ сыномъ, и нельзя не отдать справедливости доброму сердцу молодого д'Артаньяна, что, несмотря на всѣ его усилія сдерживаться и быть твердымъ, какъ это, можетъ-быть, больше подобало будущему мушкетеру, природа одержала надъ нимъ верхъ, и онъ расплакался, хоть и старался наполовину скрыть свои слезы.

Не медля ни минуты, молодой человѣкъ въ тотъ же день отправился въ путь, увозя съ собой изъ родительскаго дома три подарка, состоявшіе, какъ мы уже знаемъ, изъ коня, пятнадцати экю, и письма къ г. де-Тревиллю. Понятно, что совѣты были даны не въ счетъ, а какъ бы въ придачу къ подаркамъ.

Съ подобнымъ „vade mecum" д'Артаньянъ во всѣхъ отношеніяхъ очутился точной копіей героя Сервантеса, съ которымъ уже мы довольно удачно сравнивали его, когда, по обязанности историка, мы рисовали вамъ его портретъ. Донъ-Кихотъ принималъ вѣтряныя мельницы за великановъ и стада барановъ за полки солдатъ, а д'Артаньянъ въ каждой улыбкѣ видѣлъ себѣ личное оскорбленіе и каждый взглядъ принималъ за вызовъ. Вслѣдствіе этого, пока онъ ѣхалъ отъ Тарба до Менга, его сжатый кулакъ каждую минуту готовъ былъ нанести ударъ, и въ день, по крайней мѣрѣ, разъ по-десяти онъ хватался за эфесъ своей шпаги. До сихъ поръ, впрочемъ, все еще обстояло благополучно; кулакъ его не разбилъ ни одной челюсти, а шпага спокойно оставалась лежать въ своихъ ножнахъ. Это было не потому, что рыжая кляча была такъ красива, что не вызывала никакихъ насмѣшекъ и улыбокъ прохожихъ, а скорѣе, благодаря внушительному виду шпаги, которая хлопала по ея бедру. Да и владѣлецъ ея поглядывалъ на всѣхъ такъ гордо, чтобъ не сказать свирѣпо, что прохожіе старались посдерживать свою веселость, а если ужъ кто былъ черезчуръ смѣшливъ, то старался смѣяться какъ-нибудь одной стороной, въ родѣ античной маски. Такимъ образомъ, д'Артаньянъ вплоть до этого злосчастнаго города Менга пребывалъ бла-

гополучно, и его безмѣрная подозрительность ни разу не переходила предѣловъ благоразумія.

Но тутъ у гостиницы Франкъ-Менье, когда онъ самъ слѣзалъ съ

Д'Артаньянъ во всѣхъ отношеніяхъ очутился точной копіей Донъ-Кихота.

лошади, такъ какъ ни хозяинъ ни конюхъ и, вообще, никто не вышелъ подержать ему стремя, — д'Артаньянъ, вдругъ, замѣтилъ у полуоткрытаго окна нижняго этажа господина высокаго роста и съ надменнымъ взгля-

домъ, разговаривавшаго съ двумя особами, которыя, повидимому, весьма внимательно и почтительно его слушали.

Д'Артаньянъ, весьма естественно, по обыкновенію своему, догадался, что разговоръ шелъ о немъ и сталъ вслушиваться. На этотъ разъ онъ ошибся только въ половину: говорили не о немъ, а объ его лошади. Господинъ, повидимому, перечислялъ своимъ слушателямъ всѣ ея достоинства, а тѣ, относившіеся, какъ я уже сказалъ, съ большимъ почтеніемъ къ разсказчику, ежеминутно разражались смѣхомъ. Чтобы вызвать гнѣвъ молодого человѣка, достаточно было какой-нибудь полуулыбки и, потому легко понять, какое впечатлѣніе произвела на него та шумная веселость.

Прежде всего д'Артаньянъ пожелалъ получше разглядѣть лицо того нахала, который осмѣлился насмѣхаться надъ нимъ. Онъ устремилъ на незнакомца гордый взглядъ и увидалъ человѣка лѣтъ сорока пяти, съ черными проницательными глазами, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ энергичнымъ тонкимъ носомъ и съ прекрасно подстриженными усами. Нижнее платье его и кафтанъ были фіолетоваго цвѣта, равно какъ и шнурки, безъ всякихъ другихъ украшеній, кромѣ развѣ прорѣзовъ, изъ которыхъ виднѣлась его рубашка. Кафтанъ и панталоны, хотя были и совсѣмъ еще новые, но казались измятыми, въ родѣ того, какъ мнется дорожное платье, когда долго полежитъ въ чемоданѣ.

Д'Артаньянъ замѣтилъ всѣ эти подробности съ быстротою весьма опытнаго наблюдателя и какое-то инстинктивное чувство подсказало ему, что этотъ незнакомецъ будетъ непремѣнно имѣть большое значеніе въ его будущей жизни.

Въ ту минуту, когда д'Артаньянъ пронизывалъ взглядомъ господина въ фіолетовомъ кафтанѣ, тотъ какъ-разъ сообщалъ своимъ слушателямъ весьма глубокомысленное и, можно сказать даже, весьма тонкое наблюденіе по адресу беарнскаго коня д'Артаньяна. Оба слушателя разразились громкимъ смѣхомъ и даже на лицѣ самаго разсказчика, противъ обыкновенія, мелькнуло что-то въ родѣ улыбки. На этотъ разъ нельзя было дольше сомнѣваться: д'Артаньянъ былъ, дѣйствительно, оскорбленъ. Онъ надвинулъ на глаза беретъ, подражая манерѣ нѣкоторыхъ придворныхъ вельможъ, которыхъ онъ часто видалъ путешествующими по Гасконіи, и подошелъ къ окну, положивъ одну руку на рукоять шпаги, а другою упираясь въ бокъ. На его горе, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ окну, волненіе и гнѣвъ такъ сильно охватили его, что вмѣсто надменной, полной достоинства рѣчи, которую онъ приготовилъ было для вызова по всей формѣ, онъ не нашелся сказать ничего кромѣ нѣсколькихъ, довольно грубыхъ словъ, сопровождавшихся гнѣвнымъ жестомъ.

— Эй, вы, господинъ, — закричалъ онъ, — чего вы прячетесь тамъ за ставнемъ! Да! Вы! Извольте мнѣ отвѣчать, чего это вы скалите зубы? Мы вотъ посмѣемся съ вами вмѣстѣ сейчасъ!

Господинъ медленно перевелъ глаза съ лошади на всадника, какъ будто бы онъ не сразу могъ понять, что эти грубыя слова были обращены къ нему. Затѣмъ, когда онъ убѣдился, что это говорилось, дѣйствительно, ему, его брови слегка сдвинулись, и, послѣ довольно длинной паузы, онъ отвѣтилъ д'Артаньяну съ такою ироніею, которая скорѣе была даже похожа на дерзость:

— Я не съ вами говорю, милостивый государь!

— Да я-то говорю съ вами, я!—закричалъ молодой человѣкъ, раздраженный въ одно и тоже время и надменностью и хорошими манерами, и гордостью и приличіемъ съ которыми отвѣчалъ ему незнакомецъ.

Поглядѣвъ на него съ легкой усмѣшкой съ минуту, господинъ въ лиловомъ камзолѣ неторопливо всталъ, медленно вышелъ изъ гостиницы и всталъ не больше, какъ въ двухъ шагахъ отъ д'Артаньяна, какъ разъ противъ его лошади. Его спокойный видъ и насмѣшливое выраженіе лица удвоили веселость тѣхъ, съ которыми онъ разговаривалъ, и которые продолжали по-прежнему сидѣть у полуоткрытаго окна.

Д'Артаньянъ, увидавъ приближеніе врага, вынулъ на цѣлый футъ изъ ноженъ свою шпагу.

— Эта лошадь рѣшительно имѣетъ цвѣтъ лютика или, вѣрнѣе, она была такою въ своей молодости,—продолжалъ незнакомецъ, возобновляя свои наблюденія и обращаясь въ окно къ своимъ слушателямъ.

Повидимому, онъ нисколько не замѣчалъ раздражительности д'Артаньяна, который въ гордой позѣ стоялъ какъ разъ между ними.

— Это очень извѣстный цвѣтокъ въ ботаникѣ, но до сихъ поръ весьма рѣдко встрѣчаемый среди лошадей.

— Надъ лошадью смѣется тотъ, кто не посмѣлъ бы смѣяться надъ ея владѣльцемъ,—вскричалъ взбѣшенный послѣдователь де-Тревиля.

— Я смѣюсь не часто, милостивый государь,—сказалъ незнакомецъ,— что уже, быть-можетъ, вы и сами замѣтили по выраженію моего лица, но тѣмъ не менѣе, однако, я сохраняю за собой право смѣяться тогда, когда мнѣ того хочется.

— А я,—вскричалъ д'Артаньянъ,—не желаю, чтобы смѣялись тогда, когда мнѣ это не нравится.

— Въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь?—продолжалъ незнакомецъ, пожалуй, еще спокойнѣе, чѣмъ прежде.—Ну, что же! Это вполнѣ законно!—и, повернувшись на каблукахъ, онъ пошелъ опять въ гостиницу черезъ входную дверь, подлѣ которой стояла совсѣмъ осѣдланная лошадь, что замѣтилъ и д'Артаньянъ, еще подъѣзжая къ гостиницѣ.

Но д'Артаньянъ вовсе былъ не такого характера, чтобы безнаказан отпустить человѣка, имѣвшаго дерзость посмѣяться надъ нимъ. Он совершенно обнажилъ свою шпагу и пустился за нимъ въ погоню, крича

— Обернитесь, обернитесь же, господинъ насмѣшникъ, не то я удар васъ сзади!

— Ударить меня!—сказалъ незнакомецъ, быстро повернувшись н каблукахъ и бросивъ на молодого человѣка взглядъ презрительный и в то же время удивленный.—Послушайте, мой милый, вы, должно быть, с ума сошли!

Потомъ, какъ-будто бы разговаривая самъ съ собой, онъ произнес вполголоса.

— Досадно, вотъ бы была находка для его величества, который н всюду ищетъ храбрыхъ молодцовъ, чтобы завербовать себѣ въ мушкетер

Не успѣлъ онъ кончить своей фразы, какъ д'Артаньянъ нанесъ ем концомъ шпаги такой бѣшеный ударъ, что если бы не удалось е быстро отскочить назадъ, то врядъ ли бы пришлось еще когда-нибу пошутить. Видя, что дѣло выходитъ изъ предѣловъ обыкновенной шутк

незнакомецъ тоже обнажилъ свою шпагу и, поклонясь своему противнику, сталъ въ оборонительное положеніе.

Но въ эту самую минуту оба его слушателя вмѣстѣ съ хозяиномъ гостинницы набросились разомъ на д'Артаньяна и стали бить его чѣмъ попало, палкой, лопатой, щипцами. Это нападеніе дало совсѣмъ неожиданный оборотъ поединку. Противникъ д'Артаньяна, пока тотъ повернулся, чтобы защититься отъ этого града ударовъ, преспокойно вложилъ опять свою шпагу въ ножны и изъ дѣйствующаго лица, которымъ ему такъ и не привелось сдѣлаться, сдѣлался зрителемъ сраженія. Эту роль онъ исполнялъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ, ворча, однако, про себя:

— Чортъ бы побралъ этихъ гасконцевъ! Посадите его лучше на его оранжевую лошадь и пусть онъ убирается по добру по здорову!

— Но не прежде, чѣмъ я убью тебя, трусъ! — кричалъ д'Артаньянъ, ни на шагъ не отступая назадъ и довольно удачно обороняясь отъ трехъ своихъ противниковъ, которые осыпали его ударами.

— Опять хвастовство! — ворчалъ незнакомецъ. — Клянусь честью, эти гасконцы неисправимы! Разъ ужъ онъ самъ того желаетъ, такъ продолжайте свой танецъ. Когда онъ поустанетъ, такъ самъ тогда скажетъ что съ него довольно.

Но незнакомецъ не зналъ еще, видно, съ какимъ упрямцемъ пришлось ему имѣть дѣло. Д'Артаньянъ не былъ изъ тѣхъ людей, которые когда либо просятъ пощады.

Бой еще продолжался нѣсколько времени. Наконецъ, шпага д'Артаньяна сломалась надвое, и онъ, обезсиленный, выпустилъ ее изъ рукъ. Въ тотъ же моментъ сильный ударъ, который попалъ ему прямо по лбу, сшибъ его съ ногъ, и д'Артаньянъ, весь въ крови, упалъ наземь безъ чувствъ.

Вотъ въ эту то самую минуту и сбѣгался со всѣхъ сторонъ народъ на мѣсто побоища. Хозяинъ гостинницы, опасаясь скандала, съ помощью своихъ слугъ отнесъ раненаго въ кухню, гдѣ ему и подана была помощь.

Что касается до незнакомца въ фіолетовомъ костюмѣ, то онъ вернулся на свое прежнее мѣсто у окна и не безъ нѣкотораго нетерпѣнія посматривалъ на собиравшуюся толпу, присутствіе которой, видимо, досаждало ему.

— Ну, что, какъ себя чувствуетъ этотъ бѣшеный? — спросилъ онъ на шумъ отворившейся двери и обращаясь къ хозяину, который пришелъ справиться о его здоровьѣ.

— Ваша свѣтлость цѣлы и невредимы? — спросилъ хозяинъ.

— Моя свѣтлость совершенно цѣла и невредима, мой милый хозяинъ, я спрашиваю васъ, что сталось съ нашимъ молодымъ человѣкомъ.

— Ему теперь лучше, — отвѣчалъ хозяинъ. — Пока онъ въ обморокѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Но прежде, чѣмъ окончательно лишиться чувствъ, онъ напрягъ свои послѣднія силы, чтобы закричать вамъ еще разъ, что онъ вызываетъ васъ на бой.

— Да это, должно-быть, самъ чортъ, этотъ чудакъ, — воскликнулъ незнакомецъ.

— О нѣтъ, ваша свѣтлость, это не чортъ, — возразилъ хозяинъ съ презрительной гримасой; — во время обморока мы обыскали его вещи и въ мѣшкѣ у него оказалась всего на всего одна рубашка, а въ кошелькѣ

всего двѣнадцать экю. Однако, прежде чѣмъ лишиться чувствъ, онъ успѣлъ проговорить, что если бы подобная вещь случилась въ Парижѣ, то вы раскаялись бы въ этомъ сейчасъ же, тогда какъ здѣсь вы раскаетесь только позднѣе.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ серіозно незнакомецъ, — это, должно-быть, какой-нибудь переодѣтый принцъ крови.

— Я сказалъ вамъ это, ваша свѣтлость, для того, чтобы вы, на всякій случай, были бы осторожны

Но въ эту самую минуту оба слушателя вмѣстѣ съ хозяиномъ гостиницы набросились разомъ на д'Артаньяна и стали бить его чѣмъ попало, палкой, лопатой, щипцами.

— И онъ никого не назвалъ, когда говорилъ?

— Да, онъ хлопалъ себя по карману нѣсколько разъ и говорилъ: „посмотримъ, какъ взглянетъ де-Тревиль на оскорбленіе, сдѣланное тому, кому онъ покровительствуетъ".

— Де-Тревиль, — повторилъ незнакомецъ дѣлаясь внимательнѣе, — онъ хлопалъ себя по карману, произнося имя де-Тревиля?.. Послушайте, любезный хозяинъ, ужъ, вѣрно, пока вашъ молодой человѣкъ лежалъ безъ чувствъ, вы не упустили заглянуть и въ его карманъ. Что въ немъ было?

— Одно письмо только, адресованное де-Тревилю, капитану мушкетеровъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Совершенно такъ, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вашей свѣтлости.

Хозяинъ, не одаренный большой проницательностью, совсѣмъ не замѣтилъ того выраженія, которое приняло лицо незнакомца при этихъ послѣднихъ словахъ. Онъ отошелъ отъ окна, у котораго все это время стоялъ, облокотившись на подоконникъ, и хмурилъ брови, какъ человѣкъ, котораго что-то безпокоитъ.

— Чортъ возьми! — пробормоталъ онъ сквозь зубы. — Неужели же де-Тревиль нарочно подослалъ ко мнѣ этого гасконца? Правда, онъ еще очень молодъ. Но ударъ шпаги, все-таки остается ударомъ шпаги, каковы бы ни были года того, кто нанесъ его, а на ребенка еще меньше можно положиться, чѣмъ на иного взрослаго; достаточно бываетъ иногда самаго ничтожнаго случая, чтобы разстроить самый обширный планъ.

И незнакомецъ задумался.

— Послушайте, хозяинъ, — произнесъ онъ, наконецъ, — неужели же вы не избавите меня какъ-нибудь отъ этого сумасшедшаго? Сознательно я не хочу убивать его, а между тѣмъ, — прибавилъ онъ съ выраженіемъ холодной угрозы, — а между тѣмъ, онъ меня стѣсняетъ. Гдѣ онъ?

— Въ первомъ этажѣ, въ комнатѣ моей жены. Ему тамъ перевязываютъ рану.

— Его вещи и дорожный мѣшокъ при немъ? Не снималъ онъ платья?

— Нѣтъ, вещи всѣ тамъ же въ кухнѣ? Но если этотъ сумасшедшій васъ стѣсняетъ...

— Безъ сомнѣнія. Онъ производитъ въ вашей гостинницѣ скандалъ, въ который непріятно вовсе вмѣшиваться порядочнымъ людямъ. Ступайте наверхъ, напишите мой счетъ и предупредите моего лакея.

— Какъ сударь, неужели же вы покидаете уже насъ?

— Вамъ ужъ это должно было быть извѣстно, такъ какъ я уже давно отдалъ вамъ приказаніе осѣдлать мою лошадь. Развѣ вы еще не исполнили этого?

— Въ точности. И вы, ваша свѣтлость, можете видѣть сами, что лошадь стоитъ у главнаго крыльца совсѣмъ готовая.

— Въ такомъ случаѣ исполняйте то, что я вамъ говорю сейчасъ.

„Неужели же, — подумалъ про себя хозяинъ, — онъ испугался мальчишки“?

Повелительный и строгій взглядъ незнакомца быстро прервалъ размышленія хозяина и онъ, почтительно поклонившись, вышелъ изъ комнаты.

— Никакъ нельзя допускать, чтобы этотъ плутъ увидалъ миледи: она сейчасъ должна уже проѣхать, она даже ужъ и опоздала немного. Гораздо будетъ лучше, если я сяду на лошадь и выѣду самъ ей навстрѣчу... Если бы только я могъ знать содержаніе письма, адресованнаго Тревилю!

Незнакомецъ, ворча что-то про себя, пошелъ по направленію къ кухнѣ.

Тѣмъ временемъ хозяинъ, не сомнѣвавшійся нисколько, что именно этотъ мальчикъ побуждаетъ незнакомца покинуть его гостиницу, вернулся наверхъ къ своей женѣ и увидалъ, что д'Артаньянъ уже пришелъ въ чувство. Стараясь всѣми силами убѣдить его, что полиція легко можетъ надѣлать ему много непріятностей за то, что онъ затѣялъ ссору

съ вельможей, такъ какъ, повидимому, незнакомецъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ вельможей, хозяинъ сталъ уговаривать его встать и, пересиливъ свою слабость, продолжать съ миромъ свой путь. Д'Артаньянъ, едва-едва пришедшій въ себя, безъ камзола, съ головой, обернутой тряпками, всталъ и, слушаясь хозяина, сталъ спускаться съ лѣстницы. Но когда онъ пришелъ въ кухню, первое, что бросилось ему въ глаза,—это давешній его обидчикъ, который преспокойно разговаривалъ, стоя у подножки тяжелой кареты, запряженной двумя большими норманскими лошадьми.

Собесѣдница его, головка которой выглядывала изъ дверцы, точно изъ рамки, была не больше, какъ лѣтъ двадцати или двадцати двухъ. Мы уже говорили, что д'Артаньянъ обладалъ способностью съ необыкновенной быстротой замѣчать всѣ черты и особенности на незнакомомъ лицѣ. Онъ съ перваго же взгляда разобралъ, что женщина была молода и красива. Красота ея тѣмъ болѣе поразила его, что подобнаго рода лица почти совсѣмъ не встрѣчались въ южныхъ странахъ, гдѣ до тѣхъ поръ только и жилъ д'Артаньянъ. Лицо этой женщины было удивительно блѣдное, длинные вьющіеся волосы падали густыми прядями на плечи, глаза у ней были большіе, голубые, томные, губки розовыя, а руки бѣлыя, какъ алебастръ. Она оживленно разговаривала съ незнакомцемъ.

— Этотъ дерзкій мальчишка самъ еще накажетъ другихъ!

— Итакъ, его высокопреосвященство приказываетъ мнѣ...—говорила дама.

— Немедленно вернуться въ Англію и тотчасъ же предупредить его, если бы герцогъ надумалъ покинуть Лондонъ.

— А какія мнѣ еще будутъ инструкціи? — спросила прекрасная путешественница.

— Всѣ онѣ заключаются въ этой шкатулкѣ, которую вы можете раскрыть только по ту сторону Ламанша.

— Прекрасно. Ну, а что же вы подѣлываете?

— Я? Да вотъ возвращаюсь въ Парижъ.

— И такъ и не проучили этого дерзкаго мальчишку?—спросила дама.

Незнакомецъ собирался отвѣтить, но въ ту минуту, какъ онъ открылъ ротъ, д'Артаньянъ, слышавшій весь разговоръ, выскочилъ на крыльцо и закричалъ:

— Этотъ дерзкій мальчишка самъ еще накажетъ другихъ и, надѣюсь, что на этотъ разъ тотъ, кого онъ долженъ проучить, не увернется отъ него, какъ въ первый разъ!

— Не увернется отъ него?—повторилъ незнакомецъ, нахмуривъ брови.

— Нѣтъ, на глазахъ у женщины вы не осмѣлитесь бѣжать, я полагаю.

— Подумайте,—вскричала миледи, видя, что ея собесѣдникъ поднесъ уже руку къ шпагѣ,—подумайте, что малѣйшее промедленіе можетъ все испортить.

— Вы правы, — воскликнулъ джентельменъ: — поѣзжайте вы своей дорогой, а я своей!

Многозначительно поклонившись своей дамѣ, онъ вскочилъ на лошадь, а кучеръ кареты сталъ усиленно стегать своихъ лошадей.

И карета и всадникъ пустились галопомъ въ разныя стороны.

— А вашъ счетъ, — завопилъ хозяинъ, расположеніе котораго къ путешественнику смѣнилось глубокимъ презрѣніемъ, когда онъ увидѣлъ, что тотъ удаляется, не расплатившись по счету.

— Заплати! — крикнулъ тотъ, продолжая скакать въ галопъ, своему лакею, который, выкинувъ къ ногамъ хозяина двѣ или три серебряныя монеты, пустился вскачь за своимъ бариномъ.

— О, трусъ! О, негодяй! О, самозванный джентльменъ! — кричалъ д'Артаньянъ, кидаясь вслѣдъ за скакавшимъ лакеемъ. Но онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы перенести такое потрясеніе. Едва только онъ сдѣлалъ какихъ-нибудь десять шаговъ, какъ у него закружилась голова, зазвенѣло въ ушахъ, потемнѣло въ глазахъ, и онъ упалъ среди улицы, крикнувъ только: Трусъ! Трусъ! Трусъ!

— А онъ, дѣйствительно, трусъ, — бормоталъ хозяинъ, подходя къ д'Артаньяну и стараясь уже при помощи лести помириться съ молодымъ человѣкомъ, какъ въ баснѣ цапля съ улиткой.

— Да, ужасный трусъ, — прошепталъ д'Артаньянъ, — но она! Какъ она прелестна!

— Кто она? — спросилъ хозяинъ.

— Миледи...—прошепталъ д'Артаньянъ и снова лишился чувствъ.

— Все равно въ сущности,—подумалъ хозяинъ.—Я упустилъ двухъ, но у меня еще остается этотъ, котораго, я увѣренъ, можно еще будетъ удержать хоть нѣсколько дней. Все-таки я хоть эти одиннадцать экю положу въ карманъ.

Какъ извѣстно, одиннадцать экю составляли какъ разъ ту сумму, которая теперь оставалась въ кошелькѣ д'Артаньяна.

Хозяинъ разсчитывалъ, что онъ проболѣетъ, по крайней мѣрѣ, одиннадцать дней, что по одному экю въ сутки составляетъ ровно одиннадцать экю. Онъ упустилъ только изъ виду, что онъ имѣлъ дѣло не съ обыкновеннымъ путешественникомъ.

На другой же день, въ пять часовъ утра, д'Артаньянъ всталъ, спустился въ кухню, спросилъ, кромѣ другихъ еще снадобій, перечень которыхъ не дошелъ до насъ, вина, масла, размарину, и по рецепту матери составилъ себѣ бальзамъ, помазалъ имъ всѣ свои раны и самъ перемѣнилъ себѣ компрессы, не желая прибѣгать къ помощи доктора. Благодаря, безъ сомнѣнія, цѣлебнымъ свойствамъ цыганскаго бальзама, а весьма можетъ-быть, благодаря и отсутствію всякаго доктора, д'Арта-

ньянъ къ вечеру же почувствовалъ себя лучше, а на слѣдующій день былъ и совсѣмъ здоровъ.

Единственный расходъ молодого человѣка по гостинницѣ, такъ какъ онъ соблюдалъ самую строгую діэту, составляли размаринъ, масло и вино. Но его оранжевый конь, наоборотъ,—конечно, если вѣрить хозяину,— съѣлъ втрое больше того, что можно бы было предположить, судя по его размѣрамъ и силамъ. И вотъ, когда д'Артаньянъ хотѣлъ расплатиться за все это и запустилъ руку въ карманъ своихъ панталонъ, то къ удивленію своему нашелъ тамъ одинъ только маленькій, потертый бархатный кошелекъ и въ немъ свои одиннадцать экю. Что же касается письма къ де-Тревилю, то оно куда-то исчезло.

Молодой человѣкъ весьма терпѣливо принялся искать это письмо; онъ по-двадцати разъ выворачивалъ и вытряхивалъ свои карманы, то обшаривалъ свой дорожный мѣшокъ, то открывалъ и закрывалъ свой кошелекъ, но когда убѣдился, что письма рѣшительно нигдѣ нѣтъ, онъ пришелъ въ неистовую ярость. Еще бы немного и ему, пожалуй бы, снова пришлось обращаться за помощью къ цѣлительному бальзаму, такъ какъ хозяинъ, напугавшись его угрозъ разнести всю гостинницу, если письмо не найдется, благоразумно вооружился рогатиной, жена его ухватилась за метлу, а работники уже стали грозно размахивать тѣми самыми палками, крѣпость которыхъ онъ еще вчера испыталъ на собственной спинѣ.

— Мое рекомендательное письмо! — кричалъ д'Артаньянъ. — Письмо мое! Или, клянусь діаволомъ, я всѣхъ васъ нанижу на эту шпагу, какъ сажаютъ овсянокъ на вертѣлъ.

Но увы! Благодаря одному обстоятельству, молодой человѣкъ никакъ бы не могъ исполнить свою угрозу, а именно благодаря тому, что его шпага, какъ мы уже сказали, еще во время перваго сраженія была сломана пополамъ, о чемъ онъ, повидимому, совсѣмъ забылъ. И вотъ, когда д'Артаньянъ въ самомъ дѣлѣ обнажилъ шпагу, то оказалось, что онъ вооруженъ какимъ-то обломкомъ, не больше, какъ въ восемь или девять дюймовъ длины, который хозяинъ предупредительно вложилъ ему въ ножны еще наканунѣ. Остальная часть клинка показалась хозяину весьма удобною для того, чтобы замѣнить шпиковальную иглу, и потому онъ припряталъ ее до времени. Но врядъ ли бы и это непріятное обстоятельство могло удержать гнѣвъ вспыльчиваго молодого человѣка, если бы хозяинъ самъ не разсудилъ, что вопросъ, съ которымъ обращался къ нему путешественникъ, былъ вполнѣ законный и естественный вопросъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ, опуская рогатину, — гдѣ же можетъ быть это письмо?

— Да, гдѣ это письмо? — вскричалъ д'Артаньянъ. — Предупреждаю васъ, что это письмо адресовано къ де-Тревилю и оно должно быть найдено, а если оно не найдется, такъ онъ самъ сумѣетъ заставить найти его!

Эта угроза окончательно перепугала бѣднаго хозяина. Послѣ короля и кардинала, де-Тревиль былъ человѣкъ, имя котораго, можетъ-быть, всего чаще было на языкѣ не только у военныхъ, но и у всѣхъ гражданъ.

Правда, былъ еще одинъ человѣчекъ, — это отецъ Іосифъ, но его имя не произносилось никогда иначе, какъ шопотомъ, — такъ былъ великъ ужасъ, который внушалъ всѣмъ „сѣрый кардиналъ“, какъ называли эту креатуру кардинала.

Отбросивъ рогатину въ сторону и приказавъ женѣ сдѣлать тоже съ метлой и палками, онъ самъ подалъ всѣмъ примѣръ и принялся за поиски пропавшаго письма.

— Неужели же это письмо заключало въ себѣ что-нибудь драгоцѣнное?—спросилъ хозяинъ, роясь безплодно по всѣмъ угламъ.

— Я думаю! — вскричалъ гасконецъ, который всѣ свои надежды возлагалъ на это письмо. — Въ немъ заключалось все мое состояніе!

— Ужъ не испанскіе ли чеки? — съ тревогой въ голосѣ спросилъ хозяинъ.

— Чеки на полученіе денегъ изъ частнаго казначейства его величества, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

Разсчитывая при помощи этого письма попасть на королевскую службу, онъ по совѣсти считалъ, что не лжетъ, говоря такъ смѣло.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ въ отчаяньи хозяинъ.

— Да это еще не такъ бы важно, — продолжалъ съ гордостью д'Артаньянъ, — деньги ничего не значатъ, а вотъ самое-то письмо мнѣ всего дороже. Я бы скорѣе согласился потерять тысячу пистолей, чѣмъ лишиться этого письма.

Онъ, конечно, рисковалъ бы нисколько не больше, если бы сказалъ и двадцать [illegible]чъ, но какая-то еще юношеская скромность остановила его.

Вдругъ, то[illegible] лучъ свѣта озарилъ хозяина, который, какъ ни посылалъ всѣхъ къ чорту, никакъ не могъ придумать, куда бы могло пропасть это письмо.

— Письмо ва[illegible] потеряно! — съ радостью воскликнулъ онъ.

— Ага, да[illegible]акъ! — молвилъ д'Артаньянъ.

— Оно у ва[illegible] украдено.

— Да кѣмъ же?

— Вчерашнимъ господиномъ. Онъ ходилъ въ кухню, а тамъ лежалъ вашъ камзолъ... Онъ тамъ что-то долго возился. Держу пари, что это онъ укралъ ваше письмо.

— Вы думаете? — отвѣчалъ д'Артаньянъ, далеко неувѣренный еще въ этомъ. Письмо это, какъ онъ отлично зналъ, имѣло значеніе исключительно только для него и ничего такого тамъ не было, на что бы кто-нибудь могъ польститься. Ну, кто бы могъ хоть что-нибудь выиграть, обладая этой бумагой, лакей ли то, или путешественникъ?

— Итакъ, вы говорите, — продолжалъ д'Артаньянъ, — что вы подозрѣваете въ кражѣ этого грубіяна?

— Говорю же вамъ, что теперь я положительно увѣренъ въ этомъ,— отвѣчалъ хозяинъ. — Когда я доложилъ ему, что ваша милость — любимецъ де-Тревиля, и что у васъ есть даже письмо къ этому извѣстному вельможѣ, онъ прямо-таки испугался, сталъ спрашивать меня, не знаю ли я, гдѣ это письмо, и вотъ потомъ спустился въ кухню, гдѣ, какъ онъ уже зналъ, находился вашъ камзолъ.

— Въ такомъ случаѣ, это онъ и укралъ его, — рѣшилъ д'Артаньянъ. — Я пожалуюсь на него де-Тревилю, а де-Тревиль пожалуется королю.

Затѣмъ онъ съ апломбомъ вынулъ два экю изъ кармана, отдалъ ихъ хозяину, который съ поклономъ проводилъ его до двери, и сѣлъ на свою оранжевую лошадь.

Затѣмъ онъ благополучно, безъ всякихъ приключеній, доѣхалъ до самыхъ воротъ Сентъ-Антуанъ въ Парижѣ, гдѣ и продалъ лошадь за три экю, что составляло еще очень хорошую цѣну, если принять во вниманіе, что она весьма-таки потрудилась, везя д'Артаньяна отъ Тарба до Парижа. Барышникъ, которому д'Артаньянъ уступилъ ее, какъ уже сказано, за девять ливровъ, не скрылъ отъ молодого человѣка и того, что онъ даетъ за нее такую чудовищную цѣну исключительно только благодаря ея оригинальной масти. Такимъ образомъ, д'Артаньянъ вошелъ въ Парижъ пѣшкомъ, неся свой маленькій узелокъ подъ мышкой, и бро-

Д'Артаньянъ съ апломбомъ вынулъ два экю изъ кармана, отдалъ ихъ хозяину, который съ поклономъ проводилъ его до двери, и сѣлъ на свою оранжевую лошадь.

дилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ себѣ комнату, какую позволяли ему его скудныя средства. Комната эта скорѣе походила на чердакъ и находилась на улицѣ Могильщиковъ, недалеко отъ Люксембурга.

Отдавши задатокъ и поселившись въ своей новой квартирѣ, д'Артаньянъ цѣлый день провелъ за обшиваньемъ своего камзола и панталонъ галунами, которые тайкомъ дала ему его мать, споровши ихъ предварительно съ совсѣмъ почти новаго камзола д'Артаньяна-отца. Затѣмъ онъ отправился въ желѣзную лавку, чтобы заказать себѣ новый клинокъ для шпаги, и потомъ прошелъ въ Лувръ, чтобы тамъ спросить у какого-нибудь мушкетера, гдѣ находится отель де-Тревиля.

Отель де-Тревиля, какъ оказалось, находился на улицѣ Старой Голубятни, то-есть совсѣмъ по-сосѣдству съ комнатой, занятой д'Артаньяномъ, — обстоятельство, которое показалось ему счастливымъ предзнаменованіемъ.

Вечеромъ, довольный тѣмъ, что онъ не уронилъ своего достоинства въ Менгѣ, нисколько не упрекая себя за прошлое, довольный настоящимъ и вполнѣ надѣясь на счастливое будущее, онъ легъ спать и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Проспалъ онъ до девяти часовъ слѣдующаго утра и, вскочивъ съ постели, рѣшилъ, что теперь пора итти къ знаменитому де-Тревилю, который, какъ сказалъ ему отецъ, теперь третье лицо въ королевствѣ.

Глава II.

Передняя де-Тревиля.

Де-Труавилль, какъ еще произносили его фамилію въ Гасконіи, или де-Тревиль, какъ онъ, въ концѣ-концовъ, самъ сталъ называть себя въ Парижѣ, дѣйствительно, началъ свою карьеру такъ же, какъ и д'Артаньянъ, т.-е. безъ гроша въ карманѣ, но съ большимъ запасомъ смѣлости, ума и смекалки. Въ сущности, съ такимъ наслѣдствомъ самые бѣдные гасконскіе дворяне частенько достигаютъ въ жизни гораздо болѣе, чѣмъ самые богатые и знатные какіе-нибудь беррійцы.

Его беззавѣтная храбрость, его поразительное счастье въ тѣ трудныя времена подняли его на вершину той крутой лѣстницы, которая называется милостью при дворѣ, и на которую онъ взобрался, перескакивая заразъ по нѣскольку ступеней. Онъ былъ другомъ короля, а извѣстно, какъ король высоко чтилъ память своего отца Генриха IV. Отецъ же де-Тревиля былъ когда-то вѣрнымъ слугой этого знаменитаго короля и честно и самоотверженно помогалъ ему въ его многочисленныхъ войнахъ противъ Лиги. За постояннымъ недостаткомъ наличныхъ денегъ у беарнца, умѣвшаго расплачиваться со своими долгами только благодаря своему уму, позаимствоваться которымъ у кого бы то ни было у него не было нужды, Генрихъ IV, послѣ своего вступленія въ Парижъ, разрѣшилъ де-Тревилю, въ награду за его подвиги, взять для своего герба изображеніе золотого льва на красномъ полѣ, съ надписью: „fidelis et fortis". Это былъ весьма цѣнный подарокъ для самолюбія, но мало существенный для кармана, а потому, когда знаменитый сподвижникъ Генриха IV умеръ, онъ оставилъ своему сыну въ наслѣдство только девизъ и шпагу. Благодаря этому двойному дару и незапятнанному имени, де-Тревиль былъ принятъ ко двору молодого принца. Онъ такъ ловко владѣлъ своей шпагой и былъ такъ вѣренъ своему девизу, что Людовикъ XIII, самъ одинъ изъ первыхъ бойцовъ на шпагахъ въ королевствѣ, говаривалъ часто, что если бы у него былъ другъ, которому бы пришла необходимость драться на дуэли, то онъ посовѣтовалъ бы ему взять въ секунданты прежде всего его, потомъ де-Тревиля, и, можетъ-быть, даже де-Тревиля сначала.

Людовикъ XIII, дѣйствительно, питалъ глубокую привязанность къ де-Тревилю, привязанность короля, привязанность эгоиста — это правда.

по тѣмъ не менѣе это все-таки была привязанность. Дѣло въ томъ, что въ тѣ тревожныя времена короли изо всѣхъ своихъ силъ старались окружать себя людьми въ родѣ де-Тревиля. Многіе дворяне могли бы избрать своимъ девизомъ эпитетъ „сильный", составлявшій вторую часть его герба, но мало кто изъ нихъ могъ въ тоже время претендовать на эпитетъ „вѣрный", составлявшій первую половину герба де-Тревиля. Де-Тревиль принадлежалъ именно къ числу этихъ послѣднихъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, съ гибкимъ умомъ, беззавѣтной храбростью, быстрымъ соображеніемъ, дерзкій и смѣлый на руку, у котораго глаза, казалось, и существовали только на то, чтобы наблюдать, когда король бывалъ недоволенъ кѣмъ-нибудь, и готовый нанести этому несчастному ударъ, будь онъ хоть Бесмэ, Мореверъ, Польтро де Мере или Витри. Однимъ словомъ, де-Тревиль ждалъ только удобнаго случая, чтобы ухватиться за него покрѣпче, какъ только онъ представится. Немудрено, что Людовикъ XIII сдѣлалъ де-Тревиля капитаномъ своихъ мушкетеровъ, которые были для короля по своей преданности, или, вѣрнѣе, фанатизму, тѣмъ же, чѣмъ для Генриха III его ординарцы и шотландская гвардія для Людовика XI.

Но въ этомъ отношеніи и кардиналъ, въ свою очередь, не хотѣлъ отставать отъ короля.

Когда онъ увидѣлъ грозное, отборное войско, которымъ окружилъ себя Людовикъ XIII, этотъ второй, или даже, скорѣе, первый король Франціи, захотѣлъ имѣть и у себя подобную же гвардію. Онъ тоже завелъ себѣ мушкетеровъ, какъ и король, и эти двѣ, вѣчно враждующія власти принялись наперерывъ во всѣхъ французскихъ провинціяхъ и даже въ чужихъ государствахъ, вербовать себѣ на службу молодыхъ людей, ловко владѣющихъ шпагой. Случалось часто, что Ришелье и Людовикъ XIII, играя по вечерамъ въ шахматы, горячо принимались спорить о достоинствахъ своихъ слугъ. Каждый изъ нихъ хвастался храбростью, силой и выправкой своихъ, и, хотя оба они вслухъ и порицали всякія драки и дуэли, но частенько сами подговаривали вступать своихъ гвардейцевъ въ рукопашную и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за исходомъ схватокъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ ихъ современниковъ, который самъ не разъ оставался и побѣжденнымъ и побѣдителемъ въ подобныхъ поединкахъ.

Де-Тревиль прекрасно понялъ всѣ слабыя стороны своего повелителя и, только благодаря этому, и пользовался столь долгимъ и непрерывнымъ расположеніемъ короля, который не оставилъ по себѣ репутаціи человѣка, очень постояннаго въ своей дружбѣ. Онъ заставлялъ своихъ мушкетеровъ проходить церемоніальнымъ маршемъ передъ кардиналомъ непремѣнно съ весельемъ и слегка насмѣшливымъ видомъ, отчего сѣдые усы его высокопреосвященства гнѣвно щетинились. Де-Тревиль превосходно понялъ духъ войны того времени, когда военные, если не могли жить на счетъ своихъ враговъ, то принуждены были жить на счетъ своихъ соотечественниковъ. Его офицеры составляли сбродъ разнузданныхъ дворянъ, не слушающихся рѣшительно никого, кромѣ одного де-Тревиля.

Вѣчно одѣтые небрежно, подвыпившіе, исцарапанные, королевскіе мушкетеры, или, вѣрнѣе, мушкетеры де-Тревиля толпились по кабакамъ, на гуляньяхъ, громко кричали на публичныхъ зрѣлищахъ, покручивая усы, позванивая шпорами и побрякивая шпагами, и съ особеннымъ доволь-

ствіемъ не упускали случая давать пинки тѣлохранителямъ кардинала. Порой тутъ же, открыто, по самой срединѣ улицы обнажали свои шпаги, сопровождая это тысячью всякаго рода шутокъ. Иногда и ихъ убивали, но они умирали спокойно, вполнѣ увѣренные, что будутъ отмщены и оплаканы. По большей же части они убивали сами и вполнѣ были увѣрены, что за это имъ никогда не придется зачахнуть въ тюрмѣ: де-Тревиль всегда выручалъ ихъ. Зато и восхваляли же повсюду де-Тревиля эти люди, любившіе его всей душой; отъявленные разбойники и мошенники дрожали передъ нимъ, какъ ученики передъ своимъ учителемъ, послушные малѣйшему его слову и готовые итти на смерть, лишь бы только не заслужить какого нибудь упрека съ его стороны.

Де-Тревиль пользовался этимъ могущественнымъ рычагомъ прежде всего для короля и друзей его, а потомъ уже для себя и своихъ друзей. Впрочемъ, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ мемуаровъ того времени нельзя найти ни малѣйшаго намека на то, чтобы этотъ достойный уваженія человѣкъ когда либо за плату давалъ своихъ солдатъ въ помощь кому нибудь, а ужъ у него ли не было враговъ и среди людей, работающихъ перомъ, и среди людей, владѣющихъ шпагой. Несмотря на то, что онъ былъ, такъ сказать, „геніальный“ интриганъ, онъ все-таки сумѣлъ остаться порядочнымъ человѣкомъ. Несмотря на постоянныя дуэли на шпагахъ, несмотря на массу всевозможныхъ физическихъ утомленій, которымъ подвергался онъ цѣлый день, это былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ ночныхъ гулякъ, одинъ изъ самыхъ изящныхъ поклонниковъ прекраснаго пола и одинъ изъ самыхъ остроумныхъ разсказчиковъ своего времени. Объ успѣхахъ въ свѣтѣ де-Тревиля говорили такъ же, какъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, говорили про Бассомпьера, и это было не преувеличено. Итакъ, капитаномъ мушкетеровъ всѣ любовались, его любили и боялись, а это уже верхъ человѣческаго счастья.

Людовикъ XIV лучами своего ослѣпительнаго сіянія затмилъ всѣ маленькія свѣтила своего двора, но отъ его отца солнца „pluribus impar“, каждый изъ его любимцевъ унаслѣдовалъ частицу его личнаго блеска, каждый изъ его придворныхъ часть его личныхъ заслугъ. Кромѣ торжественныхъ пріемовъ, при пробужденіи короля и кардинала, въ Парижѣ въ то время насчитывали еще около двухсотъ подобныхъ же пріемовъ частныхъ лицъ, попасть на которые болѣе или менѣе добивались тогда всѣ. Изъ такихъ пріемовъ особенною торжественностью и многочисленностью публики отличались выходы де-Тревиля.

Дворъ его отеля на улицѣ Старой Голубятни, лѣтомъ съ шести часовъ утра, а зимою съ восьми, представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ воинственнаго лагеря. Тамъ цѣлый день разгуливали десятковъ пять, шесть мушкетеровъ въ полномъ вооруженіи, готовые на все и постоянно пополнялись все новыми и новыми смѣнами, что производило весьма внушительный видъ. По громаднѣйшей лѣстницѣ, занимавшей такое пространство, на которомъ въ наше время выстроили бы еще цѣлый домъ, то и дѣло спускались и подымались всевозможные просители, городскіе жители, просившіе у вельможи какой нибудь милости и заступничества; попадались тутъ и провинціальные дворяне, пріѣхавшіе изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Франціи, чтобы записаться въ мушкетеры; мелькали такъ же пестрые галуны лакеевъ, носившихъ де-Тревилю письма своихъ господъ. Въ пріемной залѣ, на длинныхъ, полукруглыхъ скамейкахъ сидѣ-

ли тѣ, которые приглашены были въ этотъ день, и дожидались своей очереди. Съ ранняго утра до поздняго вечера въ этой пріемной толпился народъ и слышался говоръ, а де-Тревиль въ своемъ кабинетѣ, смежномъ съ пріемной, принималъ просителей, выслушивалъ жалобы, отдавалъ приказанія. Когда ему вздумается, ему стоило только подойти къ окну, чтобы, подобно королю съ его Луврскаго балкона, произвести смотръ своимъ войскамъ.

Эта игра состояла въ слѣдующемъ: одинъ изъ нихъ, стоя на верхней ступенькѣ, своей шпагой не позволялъ пройти тремъ другимъ.

Въ тотъ день, когда д'Артаньянъ вошелъ въ пріемную де-Тревиля, народу тамъ было особенно много. Пріѣхавшій изъ глуши провинціалъ былъ поражонъ этимъ многолюднымъ собраніемъ, хотя этотъ провинціалъ и былъ гасконецъ, а тѣ пользовались въ то время репутаціей людей,

которыхъ не очень-то легко было чѣмъ нибудь удивить. Тотъ, кто переступалъ порогъ массивныхъ воротъ этого двора, скрѣпленныхъ длинными гвоздями съ четыреугольными шляпками, тотъ сразу попадалъ въ громадную толпу вооруженныхъ людей, которые тутъ же фехтовали другъ съ другомъ, играли, а то и ссорились между собой. Чтобы безпрепятственно пройти сквозь эту воинственную толпу надо было быть офицеромъ, вельможей или, по крайней мѣрѣ, хорошенькой женщиной.

Очутившись среди такой массы военныхъ, шумѣвшихъ и кричавшихъ тутъ безъ всякаго стѣсненія, нашъ молодой человѣкъ, съ бьющимся сердцемъ сталъ осторожно пробираться впередъ, прижимая къ своимъ длиннымъ ногамъ свою длинную рапиру, держа руку у полей своей войлочной шляпы и улыбаясь, какъ смущенный провинціалъ, который всетаки старается быть развязнымъ. Благополучно миновавъ какую нибудь группу, онъ вздыхалъ съ облегченіемъ и, хотя д'Артаньянъ въ сущности былъ о себѣ весьма высокаго мнѣнія, но тутъ, когда многіе стали удивленно оборачиваться на него, онъ впервые почувствовалъ, что видъ его долженъ возбуждать смѣхъ.

Только что приблизился онъ къ главной лѣстницѣ, какъ положеніе его сдѣлалось довольно затруднительнымъ. Внизу, на первыхъ ступеньках стояли четыре мушкетера и забавлялись весьма оригинальнымъ образомъ. Человѣкъ десять, или даже больше, товарищей ихъ стояли на площадкѣ и дожидались очереди, чтобы тоже принять участіе въ игрѣ.

Эта игра состояла въ слѣдующемъ: одинъ изъ нихъ, стоя на верхней ступенькѣ, своей шпагой не позволялъ пройти тремъ другимъ. Эти трое въ свою очередь защищались со шпагами въ рукахъ. Сначала д'Артаньяну показалось, что у нихъ въ рукахъ даже не шпаги, а просто фехтовальныя рапиры съ шариками на концахъ, но скоро онъ убѣдился по нѣкоторымъ царапинамъ, что шпаги эти были отточены и прекрасно заострены. При этомъ всѣ, не только зрители, но и сами дѣйствующія лица, смѣялись, какъ сумасшедшіе, когда кто нибудь наносилъ другому ловкій ударъ.

Тотъ, который въ ту минуту стоялъ на верхней ступени, защищался превосходно и держалъ своихъ противниковъ на почтительномъ разстояніи. Всѣ обступили ихъ кругомъ. По условію, тотъ, кто получалъ ударъ, лишался своей очереди въ аудіенціи въ пользу побѣдителя. Въ какія нибудь пять минутъ всѣ трое были оцарапаны: одинъ былъ раненъ въ кисть руки, другой въ подбородокъ, третій въ ухо, а стоявшій наверху остался нетронутымъ. За такую ловкость онъ получалъ права на аудіенцію къ де-Тревилю ранѣе побѣжденныхъ имъ.

Это времяпрепровожденіе, не столько уже опасное само по себѣ, какъ оно казалось на первый взглядъ, сильно поразило нашего молодого путешественника. Въ своей Гасконіи,—странѣ, гдѣ люди всѣ тоже очень пылкаго темтрамента, онъ не разъ видалъ дуэли, но дуэли строгія, обставленныя всѣми подобающими формальностями, эта же забава показалась ему превосходящей все, о чемъ ему приходилось когда либо слышать даже на своей славной родинѣ. Ему показалось, что онъ, вдругъ, перенесся въ славную страну великановъ, куда попалъ Гулливеръ и натерпѣлся такого страху; а, между тѣмъ, это было только у входной двери. Надо было еще пройти площадку и пріемную.

На площадкѣ занимались всѣ болѣе мирнымъ дѣломъ, а именно разговаривали о женщинахъ; въ пріемной же разговоръ шелъ о придворныхъ дѣлахъ.

На площадкѣ д'Артаньянъ покраснѣлъ, а въ пріемной задрожалъ.

Его молодому, пылкому воображенію, дѣлавшему его въ нѣкоторомъ родѣ опаснымъ въ Гасконіи молодымъ горничнымъ и даже, иногда, ихъ госпожамъ, никогда не снилась даже половина тѣхъ любовныхъ чудесъ, даже четверть тѣхъ удальскихъ подвиговъ, украшенныхъ самыми извѣстными именами и самыми нескромными подробностями, которыя ему пришлось услыхать здѣсь. Но если на площадкѣ скандализировано было его цѣломудріе, то въ пріемной оскорблено было его уваженіе къ кардиналу. Тамъ, къ великому своему удивленію, д'Артаньянъ услыхалъ, какъ всѣ громко осуждали ту политику, которая заставляла тогда дрожать всю Европу. Онъ услыхалъ, какъ всѣ осуждали частную жизнь кардинала, а извѣстно, какъ много знатныхъ и сильныхъ вельможъ поплатились за это. Этотъ великій человѣкъ, передъ которымъ благоговѣлъ отецъ д'Артаньяна, служилъ здѣсь посмѣшищемъ для мушкетеровъ де-Тревиля. Иные смѣялись надъ его кривыми ногами и сгорбленной спиной, другіе тутъ же распѣвали пѣсни, написанныя на г-жу д'Егюильонъ, его любовницу, или на г-жу Комбаль, его племянницу, а нѣкоторые устраивали цѣлые заговоры противъ пажей и гвардейцевъ кардинала. Все, что увидалъ и услыхалъ тутъ д'Артаньянъ, казалось ему чудовищнымъ, невозможнымъ.

Однако, если среди всѣхъ этихъ глупыхъ шутокъ, кто нибудь неожиданно упоминалъ имя короля, то насмѣшки смолкали разомъ. Всѣ при этомъ какъ-то нерѣшительно оглядывались кругомъ, точно здѣсь боялись за нескромность перегородки, за которой помѣщался кабинетъ де-Тревиля. Но только что разговоръ переходилъ на его высокопреосвященство, какъ слышался опять смѣхъ, и шутки, намеки и насмѣшки со всѣхъ сторонъ сыпались на него.

— Ну, всѣ эти господа, навѣрняка, попадутъ въ Бастилію, если не будутъ повѣшены,—подумалъ д'Артаньянъ съ ужасомъ,—да еще, пожалуй, и я попадусь съ ними, такъ какъ меня весьма легко принять за ихъ сообщника, разъ я ихъ продолжаю слушать. Что бы сказалъ мой отецъ, такъ строго внушавшій мнѣ уважать кардинала, если бъ онъ зналъ, что я сейчасъ нахожусь въ обществѣ такихъ богохульниковъ!

Разумѣется, что весьма понятно и безъ моего объясненія, что д'Артаньянъ не смѣлъ вмѣшаться въ подобный разговоръ. Онъ только глядѣлъ и слушалъ, жадно напрягая свои чувства, какъ бы не пропустить чего интереснаго, и въ глубинѣ души, несмотря на всѣ родительскія наставленія, склоненъ былъ скорѣе хвалить, чѣмъ осуждать все то, что въ эту минуту творилось передъ нимъ.

Такъ какъ онъ былъ здѣсь въ первый разъ и тѣмъ самымъ невольно обратилъ на себя вниманіе приближенныхъ де-Тревиля, то къ нему подошли спросить, что ему надо. На этотъ вопросъ д'Артаньянъ скромно назвалъ свое имя, особенно, впрочемъ, упирая на слово „соотечественникъ", и попросилъ слугу, подошедшаго къ нему, испросить ему у де-Тревиля небольшую аудіенцію. Слуга покровительственнымъ тономъ изъявилъ на то свое согласіе и обѣщалъ въ свое время передать его просьбу господину де-Тревилю.

Д'Артаньянъ имѣлъ, такимъ образомъ, время притти въ себя отъ перваго изумленія и нѣсколько приглядѣться къ лицамъ и костюмамъ окружавшихъ его людей.

Центромъ самой оживленной группы былъ одинъ мушкетеръ очень высокаго роста, съ надменной наружностью и въ такомъ странномъ костюмѣ, который обращалъ на себя всеобщее вниманіе.

На немъ не было форменнаго плаща, который, впрочемъ, и не былъ безусловно обязательнымъ въ эту эпоху свободы и самостоятельности, а что-то въ родѣ полукафтана небесно голубого цвѣта, немножко какъ будто потертое и повыцвѣтшее, и поверхъ этой одежды чудная, расшитая золотомъ перевязь, которая блестѣла и переливалась, какъ блещетъ иногда вода при яркомъ, ослѣпительномъ солнцѣ. На плечи накинутъ былъ изящно и небрежно длинный бархатный плащъ малиноваго цвѣта, и только спереди изъ подъ него виднѣлась роскошная перевязь, на которой висѣла громаднѣйшая шпага.

Этотъ мушкетеръ сію только минуту смѣнился съ дежурства. Онъ жаловался, что простудился тамъ и отъ времени до времени покашливалъ, но не натурально. Поэтому-то и завернулся онъ въ свой плащъ, какъ онъ говорилъ всѣмъ, и пока онъ, гордо приподнявъ свою голову и презрительно покручивая свои усы, разсказывалъ это окружающимъ, всѣ любовались его вышитой перевязью, а больше всѣхъ восхищался ею д'Артаньянъ.

— Что дѣлать,—говорилъ мушкетеръ,—это въ модѣ. Сознаюсь, это глупо, но это — мода! Къ тому же надо вѣдь на что-нибудь тратить деньги, полученныя въ наслѣдство!

— Полно, Портосъ,—вскричалъ тутъ кто-то изъ присутствующихъ,— не трудись увѣрять насъ, что эта перевязь досталась тебѣ отъ щедротъ твоего родителя: тебѣ подарила ее та дама подъ вуалью, съ которой, помнишь, я встрѣтилъ тебя въ прошлое воскресенье около воротъ Сентъ-Оноре!

— Неправда! Клянусь честью и словомъ дворянина, я купилъ ее самъ и на собственныя свои деньги, — отвѣчалъ тотъ, котораго только что назвали Портосомъ.

— Такъ же, вѣроятно, какъ и я,— сказалъ тутъ другой мушкетеръ,— купилъ вотъ этотъ новый кошелекъ на тѣ деньги, которыя моя любовница положила мнѣ въ мой старый!

— Вѣрно,—сказалъ Портосъ,—и доказательствомъ тому можетъ служить, что я заплатилъ за нее двѣнадцать пистолей.

Восторги и удивленія удвоились, хотя нѣкоторое сомнѣніе все-таки не исчезло.

— Неправда ли, Арамисъ? — сказалъ Портосъ, обратившись къ стоявшему рядомъ мушкетеру.

Этотъ послѣдній мушкетеръ представлялъ изъ себя полную противоположность тому, кто обратился къ нему съ этимъ вопросомъ и назвалъ Арамисомъ. Это былъ молодой человѣкъ, никакъ не больше двадцати двухъ, двадцати трехъ лѣтъ, съ наивнымъ и добрымъ выраженіемъ лица, съ черными кроткими глазами и съ розовыми щеками, покрытыми легкимъ пушкомъ, точно спѣлый осенній персикъ. Его тонкіе, маленькіе усы обрисовывали на верхней губѣ безукоризненно правильную линію. Онъ какъ будто боялся опустить свои изящныя руки, чтобы жилы не

налились кровью, и по временамъ слегка пощипывалъ кончики своихъ ушей, чтобы поддерживать ихъ прозрачный розоватый оттѣнокъ. Онъ говорилъ мало и растягивая слова, изысканно кланялся, смѣялся тихо, при чемъ показывалъ свои прелестные зубы, о которыхъ, какъ, впрочемъ, и о всей своей особѣ, онъ, видимо, очень заботился.

На вопросъ своего друга онъ отвѣтилъ только утвердительнымъ кивкомъ головы.

Повидимому, одинъ этотъ кивокъ головы разсѣялъ всѣ сомнѣнія относительно перевязи. Всѣ продолжали любоваться ею, но говорить о ней уже перестали, и вскорѣ разговоръ перескочилъ на другую совершенно тему.

— А что вы думаете, насчетъ того, что разсказываетъ конюшій бѣднаго Шале? — спросилъ кто-то изъ мушкетеровъ, не обращаясь ни къ кому въ частности, а говоря это сразу всѣмъ.

— А что такое онъ разсказываетъ? — спросилъ свысока Портосъ.

— А онъ разсказываетъ, что въ Брюсселѣ встрѣтилъ Рошфора, клеврета кардинала, въ костюмѣ капуцина. Этотъ проклятый Рошфоръ, благодаря своему странному костюму, и подцѣлъ на удочку де-Лэга, какъ самаго послѣдняго идіота.

Пока онъ разсказывалъ это окружающимъ, всѣ любовались его вышитой перевязью, а больше всѣхъ восхищался ей д'Артаньянъ.

— Какъ самаго послѣдняго идіота, — повторилъ Портосъ. — Но правда ли еще это?

— Я слышалъ это отъ Арамиса, — отвѣчалъ мушкетеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Э! Вы прекрасно сами это знаете Портосъ, — сказалъ Арамисъ, — я самъ же вамъ вчера объ этомъ разсказывалъ. Довольно объ этомъ говорить!

— Вы думаете, что довольно объ этомъ говорить! — заспорилъ Портосъ. — Довольно объ этомъ говорить! Чортъ возьми! Какъ вы скоро это рѣшили! Какъ! Кардиналъ подсылаетъ шпіоновъ къ дворянину, приказываетъ какому-то измѣннику, разбойнику, висѣльнику, украсть у того его переписку и, на основаніи этихъ краденыхъ писемъ и показаній мерзавца-шпіона казнитъ Шале подъ глупѣйшимъ предлогомъ, будто послѣдній хотѣлъ убить короля и женить старшаго брата короля на королевѣ. Никто не зналъ ни одного слова изъ всей этой загадки, — вы, къ удивленію всѣхъ насъ, вчера сказали намъ объ этомъ и, когда мы не успѣли еще притти въ себя отъ изумленія, вы, вдругъ, говорите намъ сегодня: довольно объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ, будемте говорить объ этомъ, разъ вы этого хотите, — терпѣливо промолвилъ Арамисъ.

— Ужъ этотъ мнѣ Рошфоръ! — вскричалъ Портосъ. — Будь я на мѣстѣ конюшаго бѣдняги Шале, онъ провелъ бы со мной несовсѣмъ пріятную минуту.

— А за это вы не болѣе весело провели бы четверть часа съ краснымъ герцогомъ, — замѣтилъ Арамисъ.

— А! Красный герцогъ! браво! браво! Красный герцогъ, — вскричалъ Портосъ, хлопая въ ладоши и одобрительно кивая головой. — Красный герцогъ! Это прелестно! Я пущу въ ходъ это словечко, милый мой, будьте покойны. Но что за умница этотъ Арамисъ! Какое несчастье, что вамъ не пришлось слѣдовать вашему призванію, мой милый. Какой прелестный аббатъ вышелъ бы изъ васъ!

— О, это только вѣдь ненадолго, — отвѣчалъ Арамисъ. — Когда-нибудь я имъ и буду! Вы знаете сами, Портосъ, что для того-то я и продолжаю изучать богословіе.

— А вѣдь сдѣлаетъ такъ, какъ говоритъ, — подхватилъ Портосъ, — рано или поздно, но сдѣлаетъ!

— И очень скоро! — сказалъ Арамисъ.

— Онъ только дожидается одной вещи, чтобы рѣшить окончательно и открыто надѣть рясу, которая теперь надѣта у него подъ мундиромъ, — замѣтилъ какой-то мушкетеръ.

— А чего же такого онъ дожидается? — спросилъ другой.

— Онъ ждетъ, чтобы королева подарила Франціи наслѣдника престола.

— Не надо шутить, господа, такими вещами, — сказалъ Портосъ. — Благодаря Богу, наша королева еще въ такихъ годахъ, что мы смѣло можемъ надѣяться на это.

— Говорятъ, что Букингамъ во Франціи, — сказалъ Арамисъ съ лукавой усмѣшкой, что придало его простой, повидимому, фразѣ довольно двусмысленный оттѣнокъ.

— Арамисъ, мой другъ, на этотъ разъ вы хватили уже слишкомъ, — остановилъ его Портосъ. — Ваша страсть къ краснымъ словцамъ увлекаетъ васъ всегда за предѣлы дозволеннаго. Ну, что, если бы васъ услыхалъ де-Тревиль. Вѣдь вамъ, пожалуй плохо бы пришлось за эти слова.

— Ужъ не хотите ли вы, Портосъ, давать мнѣ уроки! — вскричалъ Арамисъ, и въ глазахъ его блеснула молнія.

— Мой милый Арамисъ, мнѣ все равно будете ли вы мушкетеромъ, или аббатомъ. Будьте тѣмъ или другимъ, но не будьте и тѣмъ и дру-

гимъ заразъ, — обратился къ нему Портосъ. — Помните вы, какъ на дняхъ сказалъ вамъ Атосъ: Арамисъ, вы кушаете и тамъ и здѣсь! О, не надо ссориться, умоляю васъ, вѣдь это было бы и безполезно: вы знаете хорошо, какого рода условіе заключено между вами, Атосомъ и мной. Вотъ вы бываете у госпожи д'Егильонъ и ухаживаете за нею. Вы бываете также и у госпожи де-Буа-Траси, кузины г-жи де-Шеврезъ, и про васъ ходятъ слухи, что и тутъ вы пользуетесь большими преимуществами предъ другими. О, мой Богъ, не признавайтэсь въ своихъ побѣдахъ, васъ никто не проситъ выдавать вашу тайну :ваша скромность всѣмъ извѣстна. Но разъ ужъ вы обладаете этимъ достоинствомъ, то примѣняйте его и по отношенію къ королевѣ. Пусть говорятъ про короля и кардинала, что и какъ кто хочетъ, но особа королевы должна быть священна и если кому угодно говорить что-либо о ней, то пусть это будетъ только хорошее.

— Портосъ, вы корчите изъ себя какого-то Нарцисса, предупреждаю васъ, — отвѣчалъ Арамисъ. — Вы знаете, что я ненавижу наставленія, исключая тѣхъ, которыя позволяетъ себѣ Атосъ. Что же касается васъ, мой милый, то на васъ черезчуръ уже роскошная перевязь, чтобы подъ ней скрывалось что-нибудь порядочное. Если мнѣ придетъ фантазія, я сдѣлаюсь аббатомъ, а пока я мушкетеръ и, какъ мушкетеръ, говорю все то, что мнѣ вздумается, а въ данную минуту мнѣ хочется сказать вамъ, что вы меня раздражаете!

Я мушкетеръ и, какъ мушкетеръ, говорю все то, что мнѣ вздумается, а въ данную минуту мнѣ хочется сказать вамъ, что вы меня раздражаете!

— Арамисъ!

— Портосъ!

— Э! Господа, господа! — закричали всѣ кругомъ.

— Господинъ де-Тревиль готовъ принять господина д'Артаньяна, — громко произнесъ слуга, отворяя дверь кабинета.

При этомъ возгласѣ, пока двери кабинета оставались открытыми, всѣ смолкли, и молодой гасконецъ среди глубокой тишины прошелъ черезъ всю пріемную и взошелъ въ кабинетъ капитана мушкетеровъ, радуясь въ глубинѣ души, что ему во-время удалось уйти отъ развязки этого страннаго спора.

Глава III.

Аудіенція.

Де-Тревиль въ ту минуту былъ въ очень скверномъ расположеніи духа. Тѣмъ не менѣе онъ очень вѣжливо поклонился молодому человѣку, который отвѣсилъ ему поклонъ чуть не до земли.

Увидавъ это почтительное и искреннее привѣтствіе и услыхавъ беарнскій выговоръ, де-Тревиль улыбнулся. Ему вспомнились при этомъ его родина и молодость, а при этихъ двухъ воспоминаніяхъ рѣдко когда человѣкъ не улыбнется, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ. Сдѣлавши д'Артаньяну рукой знакъ, какъ бы прося у него позволенія покончить съ другими прежде, чѣмъ начать съ нимъ, де-Тревиль быстро подошелъ къ пріемной и крикнулъ три раза, каждый разъ постепенно возвышая голосъ, переходя черезъ всѣ промежуточные тоны отъ повелительнаго до раздражительнаго:

— Атосъ! Портосъ! Арамисъ!

Оба мушкетера, носившіе два послѣднія имени и съ которыми мы уже познакомились, сейчасъ же отдѣлились отъ толпы и взошли въ кабинетъ, дверь котораго сейчасъ же и захлопнулась за ними, какъ только они переступили черезъ порогъ. Ихъ внѣшній видъ, хотя, повидимому, и не совсѣмъ спокойный, но въ то же время гордый, покорный и непринужденный, привелъ въ восторгъ д'Артаньяна. Ему казалось, что передъ нимъ стоятъ какіе-то полубоги, а ихъ начальникъ — самъ Юпитеръ олимпійскій, вооруженный всѣми своими перунами.

Когда оба мушкетера вошли въ кабинетъ; когда дверь захлопнулась за ними; когда шумъ въ пріемной, которому только что случившееся обстоятельство дало новую пищу, поднялся съ новой силой; когда, наконецъ, де-Тревиль, молча, нахмуривъ брови, прошелся три или четыре раза во всю длину своего кабинета, какъ бы не замѣчая ни Портоса, ни Арамиса, стоявшихъ безмолвно на вытяжкѣ, точно на парадѣ,— онъ, вдругъ, остановился прямо передъ ними и сердито оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы.

— Знаете ли вы, что сказалъ мнѣ король, — закричалъ онъ, — и не далѣе какъ вчера вечеромъ! Знаете ли вы что, господа?

— Нѣтъ,— отвѣтили послѣ минутнаго молчанія оба мушкетера,— нѣтъ, капитанъ, намъ это неизвѣстно.

— Но надѣемся, что вы сдѣлаете намъ честь передать это,— прибавилъ Арамисъ самымъ почтительнымъ тономъ и съ безукоризненнымъ поклономъ.

— Онъ мнѣ сказалъ, что съ этихъ поръ онъ будетъ вербовать себѣ мушкетеровъ изъ гвардейцевъ кардинала.

— Изъ гвардейцевъ кардинала? Да почему же это?—спросилъ Портосъ.

— Потому что онъ находитъ, что его плохое вино нуждается въ примѣси болѣе хорошаго.

Оба мушкетера покраснѣли чуть не до бѣлковъ глазъ. Д'Артаньянъ готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Да, да,—продолжалъ де-Тревиль, горячась все больше и больше,— и его величество былъ совершенно правъ, такъ какъ, говоря по чести,

мушкетеры на глазахъ у двора ведутъ себя самымъ постыднымъ образомъ. Г-нъ кардиналъ, играя вчера съ королемъ, разсказывалъ ему съ соболѣзнованіемъ, что мнѣ весьма не понравилось, какъ третьяго дня эти проклятые мушкетеры, эти діаволы, и онъ съ особенной ироніей упиралъ на эти слова, что мнѣ еще больше не понравилось; какъ эти драчуны, прибавилъ онъ, поглядывая на меня своимъ кошачьимъ взглядомъ, долго слишкомъ засидѣлись въ улицѣ Феру въ какомъ-то кабачкѣ, и какъ ночной дозоръ его гвардейцевъ (я думалъ даже, что онъ сейчасъ мнѣ засмѣется въ глаза) принужденъ былъ арестовать всѣхъ

— Знаете ли вы, что сказалъ мнѣ король, — закричалъ онъ, — и не далѣе какъ вчера вечеромъ! Знаете ли вы что, господа?

этихъ нарушителей ночной тишины. Чортъ возьми! Должны же вы что нибудь знать объ этомъ! Арестовать мушкетеровъ! Вы были тамъ, не запирайтесь, господа,—васъ узнали и кардиналъ назвалъ васъ по именамъ. Должно-быть, это ужъ моя ошибка, да, конечно, моя ошибка, такъ какъ я самъ выбираю себѣ людей. Послушайте, Арамисъ, на кой чортъ вы такъ добивались этого мундира, когда къ вамъ такъ идетъ ряса? А вы, Портосъ, неужели же вы носите такую чудную перевязь, чтобы на ней болталась соломенная шпага? А Атосъ? Я не вижу Атоса? Гдѣ же онъ?

— Капитанъ, — грустно отвѣчалъ Арамисъ, — онъ боленъ, онъ очень боленъ!

— Боленъ? Вы говорите, очень боленъ? Но чѣмъ же?

— Доктора опасаются, что это вѣтряная оспа, капитанъ, — отвѣчалъ Портосъ, желая тоже вставить свое слово въ разговоръ. — И всего досаднѣе то, что эта болѣзнь навѣрно испортитъ ему лицо.

— Вѣтреная оспа? Что это за басни мнѣ разсказываете, Портосъ? Въ его года и боленъ вѣтряной оспой? Не можетъ быть!.. Раненъ, конечно, или убитъ, можетъ-быть? Ахъ! Если бы только я зналъ это! Чортъ возьми! Господа мушкетеры, я не допускаю, чтобы вы могли шляться по такимъ отвратительнымъ мѣстамъ, чтобы вы затѣвали драки на улицахъ и позорили свою шпагу на всѣхъ перекресткахъ! Однимъ словомъ, я не позволю, чтобы вы давали пищу насмѣшкамъ гвардейцевъ кардинала, людей храбрыхъ, выдержанныхъ, ловкихъ, которые никогда не поставятъ себя въ такое положеніе, что ихъ нужно арестовать, да которые и не позволятъ еще арестовить себя, я увѣренъ въ этомъ! Они скорѣе умрутъ на мѣстѣ, чѣмъ отступятъ на шагъ! Спасаться, удирать, бѣжать—это только занятіе королевскихъ мушкетеровъ!

Портосъ и Арамисъ дрожали отъ негодованія. Они охотно тутъ же бы задушили де-Тревиля, если бы въ основѣ всего этого потока бранныхъ словъ они не видѣли все-таки искренней любви къ нимъ, которой и руководился только ихъ капитанъ. Оба они нервно постукивали ногой о коверъ, до крови кусали себѣ губы и изо всѣхъ силъ сжимали эфесъ шпаги. Въ пріемной, какъ мы уже сказали, слышали, какъ де-Тревиль позвалъ Атоса, Портоса и Арамиса, и по звуку его голоса всѣ тотчасъ же собразили, что онъ страшно сердитъ. Десять любопытныхъ головъ припали ухомъ къ портьерѣ и слыша каждое слово, которое произносили въ кабинетѣ, блѣднѣли отъ ярости. Отъ времени до времени они передавали все, что слышали, всѣмъ, бывшимъ въ пріемной. Вскорѣ весь домъ отъ самыхъ дверей кабинета до воротъ на дворѣ пришелъ въ страшное волненіе.

— Ага! Королевскіе мушкетеры дозволяютъ гвардейцамъ кардинала брать себя подъ арестъ! — продолжалъ кричать де-Тревиль, взбѣшенный не меньше своихъ подчиненныхъ. Онъ кричалъ, отрывисто произнося слова, какъ будто одинъ за другимъ наносилъ удары стилета въ грудь своихъ слушателей. — Вотъ какъ! шесть гвардейцевъ его высокопреосвященства арестовываютъ шестерыхъ мушкетеровъ его величества! А! Чортъ возьми! Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать! Я немедленно отправляюсь въ Лувръ, подаю просьбу объ увольненіи меня изъ капитановъ королевскихъ мушкетеровъ, поступаю поручикомъ въ гвардію кардинала и, если онъ мнѣ откажетъ... тогда, чортъ возьми, я сдѣлаюсь аббатомъ!

При послѣднихъ словахъ глухой шумъ въ передней перешелъ въ крикъ. Повсюду можно было разобрать только ругательства и проклятія. Въ воздухѣ такъ и носились: „Чортъ возьми!“ „Чортъ побери!“ „Смерть всѣмъ чертямъ!“ Д'Артаньянъ искалъ только, за какой бы портьерой ему спрятаться, и чувствовалъ непреодолимое желаніе залѣзть подъ столъ.

— Ну, что жъ капитанъ,—сказалъ Портосъ, выходя изъ себя,—это, дѣйствительно, правда, что насъ было шестеро противъ шести, но насъ застали измѣннически врасплохъ и прежде, чѣмъ мы успѣли обнажить наши шпаги, двое изъ насъ упали замертво, а Атосъ былъ раненъ такъ

серіозно, что былъ не лучше мертваго. Вы вѣдь знаете Атоса, капитанъ! Онъ два раза пробовалъ встать и два раза падалъ безъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе мы не сдались, нѣтъ! Насъ схватили силой. Дорогой же мы убѣжали. Что касается Атоса, то они сочли его мертвымъ и оставили лежать на полѣ сраженія, полагая, что не стоитъ труда даже унести его. Вотъ какъ было дѣло. Чортъ возьми, капитанъ, не всѣ же вѣдь сраженія выигрываются! Самъ великій Помпей проигралъ битву при Фарсалѣ, а король Францискъ I, который, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать, не уступалъ самому Помпею, проигралъ, однако, сраженіе при Павіи.

— А я имѣю честь доложить вамъ, капитанъ, что прокололъ одного изъ нихъ его же собственной шпагой,—сказалъ Арамисъ,—такъ какъ моя переломилась при первомъ ударѣ. Прокололъ, или убилъ, капитанъ,—какъ вамъ больше нравится.

— Я не зналъ этого,—сказалъ де-Тревиль болѣе мягкимъ голосомъ.— Кардиналъ, какъ я вижу, преувеличилъ.

— Но ради Бога, капитанъ,—продолжалъ Арамисъ, который, видя, что капитанъ успокоивается, осмѣлился обратиться къ нему съ просьбой,—ради Бога, капитанъ, не говорите никому, что Атосъ раненъ: онъ былъ бы въ отчаяніи, если бы это дошло до слуха короля, и такъ какъ рана весьма серіозна, потому что черезъ плечо она проникаетъ въ самую грудь, то надо опасаться...

Въ эту самую минуту приподнялась портьера, и изъ-за бахромы показалось красивое, благородное, но страшно блѣдное лицо.

— Атосъ!—вскричали разомъ оба мушкетера.

— Атосъ!—повторилъ и самъ де-Тревиль.

— Вы требовали меня, капитанъ,—обратился Атосъ къ де-Тревилю ослабѣвшимъ, но совершенно спокойнымъ голосомъ,— вы требовали меня, какъ мнѣ передали товарищи, и я поспѣшилъ выслушать ваши приказанія. Я къ вашимъ услугамъ, капитанъ!

Съ этими словами мушкетеръ, безукоризненно одѣтый, затянутый, какъ всегда, въ своемъ мундирѣ, вошелъ въ кабинетъ твердымъ шагомъ.

Де-Тревиль, до глубины души тронутый этимъ доказательствомъ храбрости, поспѣшилъ ему навстрѣчу.

— Я только что хотѣлъ сказать этимъ господамъ,—сказалъ капитанъ,— что я запрещаю моимъ мушкетерамъ рисковать понапрасну своею жизнью, такъ какъ храбрые люди дороги королю, а король прекрасно знаетъ, что его мушкетеры—самые храбрые люди на свѣтѣ. Вашу руку Атосъ!

И не дожидаясь, чтобы новоприбывшій отвѣтилъ какъ-нибудь на эти привѣтливыя слова, де-Тревиль схватилъ его правую руку и крѣпко пожалъ, не замѣчая, что Атосъ, какъ ни хорошо умѣлъ онъ владѣть собой, сдѣлалъ болѣзненное движеніе и поблѣднѣлъ еще больше, хотя и раньше уже былъ страшно блѣденъ.

Дверь такъ и осталась не закрытою, такъ сильно поразило всѣхъ появленіе Атоса, про рану котораго, несмотря на самую строгую тайну, всѣ мигомъ узнали. Послѣднія слова капитана встрѣчены были всеобщимъ восторгомъ, и двое или трое любопытныхъ стали показываться уже изъза портьеры. Безъ всякаго сомнѣнія де-Тревиль сейчасъ же бы строго наказалъ за такое нарушеніе дисциплины, если бы только, вдругъ, онъ

не почувствовалъ въ это мгновеніе, что рука Атоса судорожно сжимается въ его рукѣ. Взглянувъ на него, онъ замѣтилъ, что тотъ сейчасъ лишится чувствъ. Атосъ пробовалъ собрать всѣ свои усилія, чтобы превозмочь страшную боль, но въ эту самую минуту не могъ уже выдерживать долѣе и, какъ мертвый, свалился на паркетъ.

— Хирурга!—закричалъ де-Тревиль.—Моего, королевскаго, самаго лучшаго хирурга! Или, проклятіе! мой храбрый Атосъ умретъ сейчасъ....

На крикъ де-Тревиля всѣ бросились въ его кабинетъ, и онъ никого не сталъ и останавливать. Хотя вокругъ раненнаго суетилось уже много народу, но врядъ ли всѣ они могли принести ему хоть какую-нибудь пользу если бы хирургъ случайно не оказался поблизости. Раздвинувъ толпу, онъ подошелъ къ Атосу, лежавшему на полу безъ чувствъ, и, такъ какъ эта толпа и шумъ не могли никакъ помочь его паціенту, то прежде всего попросилъ перенести мушкетера въ свободную комнату поближе. Тотчасъ же де-Тревиль отворилъ двери и указалъ Портосу и Арамису комнату, куда они могли унести на рукахъ своего товарища. За ними въ комнату прошелъ де-Тревиль, за де-Тревилемъ хирургъ, а за хирургомъ двери плотно затворились.

Тутъ ужъ кабинетъ де-Тревиля, считавшійся мѣстомъ священнымъ, мгновенно превратился во вторую пріемную. Всѣ судили, рядили, громко кричали, проклиная кардинала и посылая его гвардейцевъ ко всѣмъ чертямъ.

Черезъ минуту въ кабинетъ вошли Портосъ и Арамисъ. Де-Тревиль и хирургъ оставались еще около раненаго.

Наконецъ, вернулся и де-Тревиль. Раненый пришелъ въ себя. Хирургъ объявилъ, что состояніе больного не представляетъ изъ себя ничего такого опаснаго, что бы могло тревожить его друзей, а слабость его происходитъ только отъ слишкомъ большой потери крови.

Де-Тревиль сдѣлалъ знакъ рукой, и всѣ немедленно удалились изъ его кабинета, исключая д'Артаньяна, который во все это время вовсе не забывалъ, что онъ находится на аудіенціи, и съ упорствомъ гасконца продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ.

Когда всѣ вышли, и двери въ пріемную снова затворились, де-Тревиль тутъ только замѣтилъ и вспомнилъ про молодого человѣка. Все случившееся заставило его потерять немного нить своихъ мыслей. Онъ освѣдомился, чего хочетъ отъ него этотъ настойчивый проситель. Д'Артаньянъ назвалъ себя и де-Тревиль, разомъ вернувшись къ дѣйствительности, вспомнилъ въ чемъ дѣло.

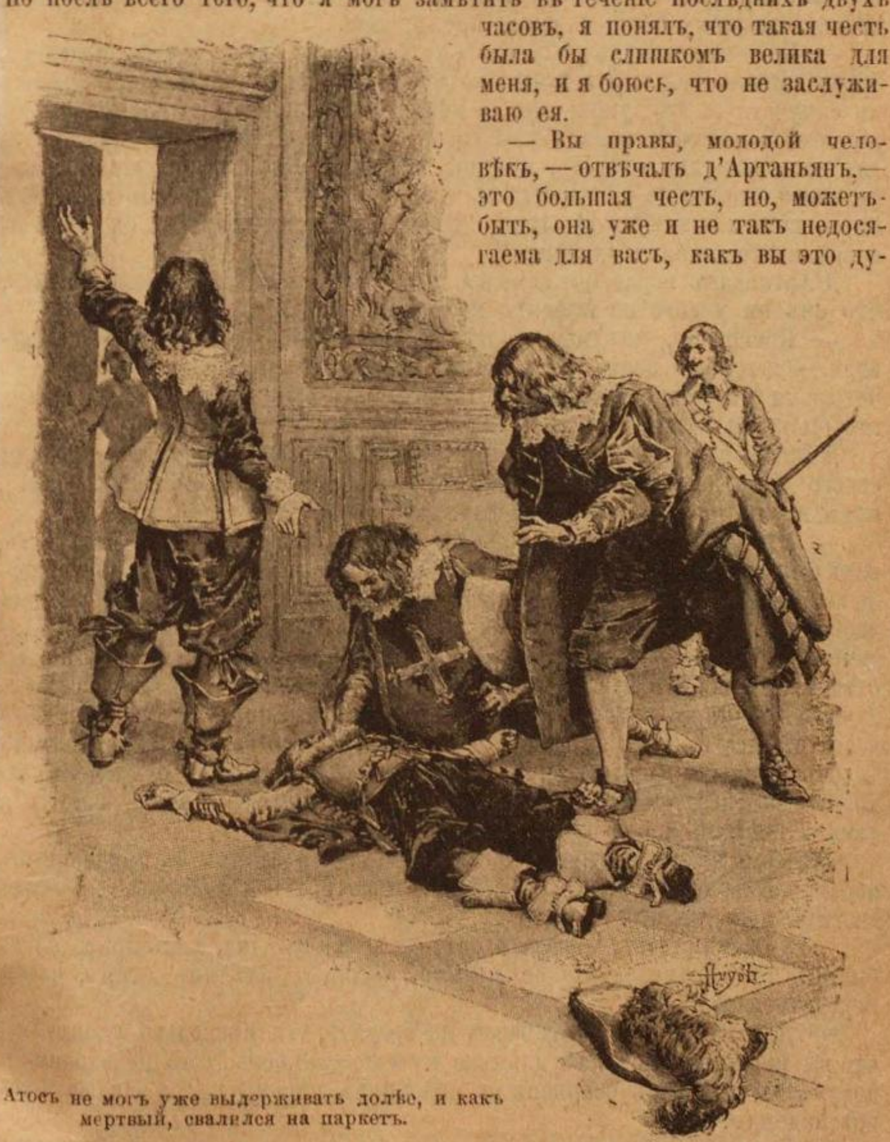
— Простите,—сказалъ онъ, улыбаясь,—простите, мой милый землякъ, я совсѣмъ и позабылъ объ васъ. Что прикажете дѣлать! Капитанъ—это отецъ семейства, на которомъ лежитъ гораздо большая отвѣтственность, чѣмъ на обыкновенномъ отцѣ семейства! Офицеры—это взрослыя дѣти, но такъ какъ я всегда стою за то, чтобы приказы короля, и, въ особенности, кардинала были въ точности исполняемы...

Д'Артаньянъ при этихъ словахъ не могъ сдержать улыбки. По этой улыбкѣ де-Тревиль разсудилъ, что имѣетъ дѣло вовсе не съ дуракомъ, и, прямо переходя къ дѣлу, спросилъ д'Артаньяна:

— Я очень любилъ вашего отца, что же могу я сдѣлать для его сына? Только, пожалуйста, поторопитесь, я не располагаю своимъ временемъ.

— Капитанъ,—сказалъ д'Артаньянъ,—выѣзжая изъ Тарбъ и пріѣхавъ сюда, я намѣревался просить у васъ, въ память вашей дружбы съ моимъ отцомъ, о чемъ вы сохранили еще воспоминаніе, — мундиръ мушкетера. Но послѣ всего того, что я могъ замѣтить въ теченіе послѣднихъ двухъ часовъ, я понялъ, что такая честь была бы слишкомъ велика для меня, и я боюсь, что не заслуживаю ея.

— Вы правы, молодой человѣкъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ,— это большая честь, но, можетъ-быть, она уже и не такъ недосягаема для васъ, какъ вы это ду-

Атосъ не могъ уже выдерживать долѣе, и какъ мертвый, свалился на паркетъ.

маете, или говорите, что думаете. Во всякомъ случаѣ, постановленіе его величества предусмотрѣло и такой случай, и, я къ сожалѣнію моему, принужденъ сообщить вамъ, что въ мушкетеры принимаютъ молодыхъ людей только послѣ предварительнаго испытанія ихъ въ какихъ-нибудь сраженіяхъ, послѣ какихъ-нибудь выдающихся по своей храбрости поступковъ съ ихъ стороны, или же послѣ двухъ лѣтъ службы

въ одномъ изъ другихъ гвардейскихъ полковъ, менѣе блестящихъ, чѣмъ вашъ.

Д'Артаньянъ молча поклонился. Онъ чувствовалъ еще болѣе сильное желаніе надѣть на себя мундиръ мушкетера съ тѣхъ поръ, какъ явились къ тому такія сильныя препятствія.

— Но,—продолжалъ де-Тревиль, устремляя на своего соотечественника такой проницательный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ проникнуть въ самую глубь его души,—но, во вниманіе къ вашему отцу, моему старинному товарищу, какъ я уже говорилъ вамъ, я хотѣлъ бы что-нибудь для васъ все-таки сдѣлать, молодой человѣкъ. Наши беарнскіе молодцы большею частью не очень богаты, и врядъ ли это перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ ту страну. Вѣроятно, и вы привезли съ собой не очень много лишнихъ денегъ.

Д'Артаньянъ гордо выпрямился при этихъ словахъ, показывая этимъ, что онъ ни у кого не проситъ милостыни.

— Прекрасно, молодой человѣкъ, прекрасно, — продолжалъ де-Тревиль, — я хорошо знаю этотъ гордый видъ. Я самъ явился въ Парижъ съ четырьмя всего экю въ карманѣ и готовъ былъ вызвать на дуэль всякаго, кто бы сказалъ мнѣ, что я не въ состояніи купить цѣлый Лувръ.

Д'Артаньянъ выпячивался все болѣе и болѣе. Благодаря продажѣ своего коня, онъ начиналъ свою карьеру, имѣя четырьмя экю болѣе, чѣмъ имѣлъ де-Тревиль, когда начиналъ свою.

— Итакъ,—говорю я вамъ, — вы должны беречь то, что у васъ есть, какъ бы велика ни была эта сумма. Кромѣ того вамъ необходимо усовершенствоваться въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя необходимы для каждаго дворянина. Я сегодня же напишу письмо къ директору Королевской Академіи, и съ завтрашняго дня вы будете приняты туда безплатно. Не отказывайтесь отъ этого маленькаго одолженія. Наши дворяне самыхъ лучшихъ фамилій и весьма богатые добиваются иногда этой чести безъ всякаго успѣха. Тамъ вы заведете хорошія знакомства, вы выучитесь тамъ ѣздить верхомъ, фехтовать, танцовать, а отъ времени до времени заходите ко мнѣ, чтобы разсказать, какъ идутъ ваши занятія, а тогда я увижу, могу ли я что нибудь сдѣлать для васъ.

Какъ ни мало былъ знакомъ еще тогда д'Артаньянъ съ придворнымъ обращеніемъ, онъ все-таки замѣтилъ нѣкоторую холодность въ этихъ словахъ и въ пріемѣ.

— Увы, капитанъ,—сказалъ онъ,—я вижу сегодня, какъ пригодилось бы мнѣ то рекомендательное письмо, которое далъ мнѣ отецъ, чтобы передать вамъ.

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ де-Тревиль,— я нѣсколько удивляюсь, что вы предприняли такое длинное путешествіе безъ этого необходимаго документа, для насъ беарцевъ въ подобномъ письмѣ часто заключаются всѣ надежды.

— У меня и было такое письмо къ вамъ, капитанъ, и, благодаря Бога, написанное, какъ слѣдуетъ, по всей формѣ, но у меня его украли самымъ предательскимъ образомъ.

И тутъ онъ разсказалъ всю исторію, приключившуюся въ Менгѣ, описалъ до малѣйшихъ подробностей незнакомаго господина и все это передалъ съ такимъ увлеченіемъ и правдивостью, что де-Тревиль почувствовалъ къ нему симпатію.

— Вотъ что только странно,—сказалъ де-Тревиль, задумавшись,—вы значитъ упоминали громко мое имя?

— Да, капитанъ, конечно, я сдѣлалъ эту неосторожность. Что вы думаете, вѣдь такое имя, какъ ваше, должно было мнѣ служить щитомъ въ дорогѣ: посудите сами, часто ли я становился подъ его защиту!

Въ тѣ времена лесть была въ большомъ ходу, и де-Тревиль питалъ къ этому такую же слабость, какъ король и кардиналъ. Онъ не могъ удержаться отъ самодовольной улыбки, но скоро эта улыбка исчезла, и онъ вернулся къ происшествію въ Менгѣ.

— Скажите мнѣ, не было ли у этого господина на щекѣ легкаго шрама?

— Да, какъ будто царапина, сдѣланная пулей.

— Онъ былъ красивъ?

— Да.

— Высокаго роста?

— Да.

— Брюнетъ, блѣдный?

— Да, да, все это такъ. Какъ это могло случиться, капитанъ, что вы знаете этого человѣка! Ахъ, если бы только мнѣ какъ нибудь сыскать его, а я сыщу его, клянусь вамъ въ этомъ, будь то, хоть въ аду...

— Не ожидалъ ли онъ женщины?—продолжалъ спрашивать де-Тревиль.

— Онъ только тогда и уѣхалъ, какъ переговорилъ съ той, которой дожидался.

— Не разслышали ли вы, о чемъ они говорили между собой?

— Онъ передалъ ей ящичекъ и говорилъ, что въ ящикѣ этомъ заключаются всѣ инструкціи. Онъ говорилъ ей также, чтобы она вскрыла его въ Лондонѣ.

— Эта женщина была англичанка?

— Онъ называлъ ее „милэди“.

— Это онъ,—прошепталъ де-Тревиль,—это онъ! Я думалъ, что онъ еще въ Брюсселѣ!

— О, капитанъ, если вы знаете этого человѣка, — вскричалъ д'Артаньянъ,—объясните мнѣ, кто и откуда онъ, и за это я избавлю васъ отъ всякихъ просьбъ, даже отъ вашего обѣщанія принять меня въ мушкетеры, потому что прежде всего я хочу отомстить за себя.

— Берегитесь его, молодой человѣкъ,—произнесъ де-Тревиль,—и я совѣтую вамъ, если вы увидите его на одной сторонѣ улицы, переходите поскорѣе на другую! Не кидайтесь лучше на такую скалу: вы разобьетесь о нее, какъ стекло.

— Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ,—сказалъ д'Артаньянъ,—если я когда нибудь только встрѣчу его...

— А покамѣстъ послушайтесь моего совѣта: не ищите его лучше!

Де-Тревиль вдругъ остановился, пораженный внезапнымъ подозрѣніемъ. Эта страшная ненависть, которую молодой путешественникъ такъ открыто высказывалъ къ незнакомцу, похитившему у него отцовское письмо, что само по себѣ уже весьма неправдоподобно,—не скрывалось ли подъ этой ненавистью какого-нибудь вѣроломнаго замысла? Ужъ не подосланъ ли этотъ молодой человѣкъ его высокопреосвященствомъ? Не ловушку ли какую-нибудь разставляетъ онъ ему? Этотъ самозван-

ный д'Артаньянъ не агентъ ли кардинала, котораго задумали ввести къ нему въ домъ и приставить къ нему, чтобы обманомъ вызвать его довѣріе и потомъ вѣрнѣе погубить, какъ это уже практиковалось тысячу разъ.

Де-Тревиль посмотрѣлъ на д'Артаньяна во второй разъ еще пристальнѣе, чѣмъ въ первый, но видъ этого лукаваго лица съ выраженіемъ ума и почтительности мало успокоилъ его.

„Я прекрасно понимаю, — подумалъ онъ, — что это гасконецъ, но гасконецъ вѣдь одинаково можетъ быть полезенъ и мнѣ и кардиналу. Надо сначала поиспытать его“.

— Другъ мой, — сказалъ онъ внушительно, — я хочу, какъ сыну моего стараго друга, — такъ какъ я вѣрю вамъ относительно этой исторіи съ пропавшимъ письмомъ, — я хочу, повторяю, чтобы нѣсколько загладить холодность моего пріема, что вы уже и замѣтили, открыть вамъ тайны нашей политики. Король и кардиналъ — это лучшіе друзья. Они ссорятся между собой только для вида, чтобы обмануть глупцовъ. Я не допускаю, чтобы мой землякъ, красивый молодой человѣкъ и храбрый мужчина, созданный, чтобы сдѣлать карьеру, повѣрилъ бы всѣмъ этимъ росказнямъ и попался бы въ сѣти, какъ идіотъ, по слѣдамъ многихъ, уже погибшихъ на этомъ пути. Подумайте хорошенько о томъ, что я всей душой преданъ этимъ двумъ всемогущимъ лицамъ, и что всѣ мои поступки никогда не будутъ имѣть другой цѣли, кромѣ служенія королю и кардиналу, одному изъ самыхъ славныхъ геніевъ Франціи. Теперь, молодой человѣкъ, сообразите все это и, если вы, благодаря или какимъ-нибудь фамильнымъ преданіямъ, или частнымъ отношеніямъ, или даже просто такъ, инстинктивно, питаете по отношенію къ кардиналу какія-нибудь непріятныя чувства, какъ это мы сплошь и рядомъ видимъ теперь среди нашей благородной молодежи, то простимся теперь же и разстанемся навсегда. Я постараюсь вамъ быть полезнымъ въ тысячѣ другихъ случаевъ, но при себѣ васъ не оставлю. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что моя откровенность не сдѣлаетъ мнѣ изъ васъ врага, такъ какъ вы еще единственный молодой человѣкъ, съ которымъ мнѣ приходится говорить подобнымъ образомъ.

Де-Тревиль въ тоже время думалъ про себя:

„Если кардиналъ подослалъ ко мнѣ эту молодую лисицу, то, разумѣется, зная, какъ я ненавижу его, онъ не преминулъ научить своего шпіона, что лучшее средство поддѣлаться ко мнѣ, — это поносить его на чемъ свѣтъ стоитъ, а потому, несмотря на всѣ мои увѣренія, мой хитрый землякъ, безъ всякаго сомнѣнія отвѣтитъ мнѣ сейчасъ, что онъ ненавидитъ его высокопреосвященство“.

Случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ того де-Тревиль. Д'Артаньянъ сказалъ самымъ естественнымъ тономъ:

— Капитанъ, я явился въ Парижъ съ такими же точно взглядами на кардинала. Отецъ мой училъ меня никому не спускать обиды, кромѣ короля, кардинала и васъ, которыхъ онъ считаетъ тремя первыми лицами Франціи.

Д'Артаньянъ къ двумъ первымъ именамъ прибавилъ еще имя де-Тревиля, какъ можно замѣтить, но онъ полагалъ, что такая прибавка не можетъ ничего испортить.

— Я питаю величайшее благоговѣніе къ кардиналу, — продолжалъ онъ, — и самое глубокое уваженіе ко всѣмъ его дѣйствіямъ. Для меня тѣмъ лучше, капитанъ, если вы, какъ вы признались, говорите со мной откровенно, потому что, въ такомъ случаѣ вы сдѣлаете мнѣ честь и оцѣните во мнѣ это сходство нашихъ вкусовъ. Если же вы относитесь ко мнѣ съ недовѣріемъ, что, впрочемъ, весьма и естественно, я чувствую, что гублю себя, говоря вамъ правду. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, надѣюсь, вы тоже не перестанете уважать меня, а этимъ я дорожу болѣе всего на свѣтѣ.

— А, чортъ возьми! Ну ужъ на этотъ разъ онъ отъ меня не улизнетъ!

Де-Тревиль удивленъ былъ въ высшей степени. Столько проницательности, такая, наконецъ, откровенность, удивила его, но не разсѣяла его сомнѣній. Чѣмъ умнѣе казался ему этотъ молодой человѣкъ, тѣмъ больше онъ былъ, разумѣется, и опасенъ, если онъ былъ шпіонъ. Тѣмъ не менѣе, онъ пожалъ руку д'Артаньяну и сказалъ.

— Вы благородный молодой человѣкъ, но въ настоящую минуту я не могу для васъ сдѣлать ничего, кромѣ того, что только вамъ предложилъ. Мой домъ всегда будетъ открытъ для васъ. Впослѣдствіи, имѣя возможность ко мнѣ явиться во всякій часъ и, слѣдовательно, не упускать ни одного удобнаго случая, вамъ, вѣроятно, и удастся добиться того, чего вы желаете.

— Иначе говоря, капитанъ, — возразилъ д'Артаньянъ, — вы желаете подождать, чтобы я выказалъ себя достойнымъ этой чести. Въ такомъ случаѣ будьте покойны, — прибавилъ онъ съ фамильярностью гасконца, — вамъ не придется долго ждать.

И онъ уже поклонился, чтобы уйти съ такимъ видомъ, какъ будто съ этихъ поръ уже все остальное зависѣло отъ него одного.

— Подождите еще, — сказалъ де-Тревиль, останавливая его, — я обѣщалъ вамъ письмо къ директору академіи. Или вы уже настолько горды, молодой человѣкъ, что не хотите принять и его?

— Капитанъ, — сказалъ д'Артаньянъ, — ручаюсь вамъ, что съ вашимъ письмомъ не случится того же, что съ письмомъ моего отца. Я буду беречь его, и оно дойдетъ, клянусь вамъ, по адресу, и горе тому, кто попытается похитить его у меня!

Де-Тревиль улыбнулся слегка при этихъ хвастливыхъ словахъ и, оставивъ своего молодого земляка въ амбразурѣ окна, гдѣ они разговаривали стоя, онъ сѣлъ за столъ и сталъ писать обѣщанное рекомендательное письмо.

Въ это время д'Артаньянъ отъ нечего дѣлать принялся выбивать маршъ на стеклѣ окна и разглядывать мушкетеровъ, которые ходили передъ окномъ другъ за другомъ. Тѣмъ временемъ де-Тревиль, написавъ письмо, запечаталъ его, всталъ и подошелъ къ молодому человѣку, чтобы вручить ему конвертъ. Но въ ту самую минуту, какъ д'Артаньянъ протянулъ уже руку, чтобы взять его, де-Тревиль, къ удивленію своему замѣтилъ, что его протеже сдѣлалъ какой-то странный скачокъ, покраснѣлъ отъ гнѣва и стремительно бросился вонъ изъ кабинета, крича во все горло.

— А, чортъ возьми! Ну, ужъ на этотъ разъ онъ отъ меня не улизнетъ!

— Да кто это? — успѣлъ лишь спросить де-Тревиль.

— Онъ, мой воръ! — крикнулъ д'Артаньянъ. — А! Мошенникъ!

И съ этими словами онъ исчезъ.

— Вотъ сумасшедшій — проворчалъ де-Тревиль. — Не уловка ли уже это какая-нибудь, — прибавилъ онъ про себя. — Увидалъ, что промахнулся и улизнулъ!

Глава IV.

Плечо Атоса, перевязь Портоса, платокъ Арамиса.

Д'Артаньянъ, какъ сумасшедшій, въ три прыжка перескочилъ пріемную и бросился на лѣстницу, собираясь скакнуть черезъ нѣсколько ступенекъ заразъ, какъ, вдругъ, не замѣчая передъ собой ничего, съ размаха, онъ налетѣлъ на какого-то мушкетера, выходившаго какъ-разъ въ эту минуту отъ де-Тревиля черезъ потайную дверь. Онъ сильно ударился головой прямо въ плечо мушкетера, отчего тотъ глухо вскрикнулъ.

— Извините, — проворчалъ д'Артаньянъ, собираясь было уже бѣжать дальше. — Извините, я спѣшу...

Но едва только успѣлъ онъ занести ногу, чтобы спуститься съ первой ступеньки, какъ желѣзная рука ухватилась за его шарфъ и потянула къ себѣ.

— Вы спѣшите! — закричалъ мушкетеръ, блѣдный, какъ саванъ. — Подъ этимъ предлогомъ вы можете меня толкать? И, сказавъ мнѣ „извините“, вы воображаете, что этого достаточно? Ну, не совсѣмъ это такъ, молодой человѣкъ. Вы думаете, что если де-Тревиль позволилъ себѣ при васъ сегодня говорить съ нами немного рѣзко, то и вы можете съ нами также обращаться. Сообразите, молодой человѣкъ, вѣдь вы не де-Тревиль.

— Честное слово, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, узнавъ Атоса, который, послѣ перевязки, сдѣланной ему докторомъ, возвращался теперь домой. — Даю вамъ честное слово, что я сдѣлалъ это нечаянно и, такъ какъ это было нечаянно, то я и извинился передъ вами. Мнѣ кажется, что этого вполнѣ достаточно. Но я, впрочемъ, еще разъ, что, можетъ-быть, уже слишкомъ, извиняюсь передъ вами, такъ какъ я, честное слово, спѣшу и ужасно спѣшу. Отпустите же меня, я васъ прошу, и позвольте мнѣ итти туда, куда мнѣ надо.

— Милостивый государь, вы невѣжа! — сказалъ Атосъ, выпуская его изъ рукъ. — Видно, что вы пріѣхали издалека.

Д'Артаньянъ перескочилъ уже было три или четыре ступени, но при послѣднихъ словахъ Атоса, вдругъ, остановился.

— Чортъ возьми, — сказалъ онъ, — какъ бы ни было далеко то мѣсто откуда я пріѣхалъ, ужъ никакъ не вы будете давать мнѣ уроки хорошихъ манеръ, предупреждаю васъ.

Но едва только успѣлъ онъ занести ногу, чтобы спуститься съ первой ступеньки, какъ желѣзная рука ухватилась за его шарфъ, и потянула къ себѣ.

— А, можетъ-быть, и я, — сказалъ Атосъ.

— Ахъ, если бы только я не такъ спѣшилъ, — вскричалъ д'Артаньянъ, — и если бы мнѣ не нужно было догонять того господина.

— Слушайте вы, поспѣшный господинъ, меня вамъ никогда не придется догонять, вы всегда можете найти меня, слышите?

— А гдѣ же это, осмѣлюсь спросить?

— Около монастыря „Босоногихъ Кармелитовъ“.

— Въ которомъ часу?

— Около двѣнадцати.

— Около двѣнадцати? Хорошо, я тамъ буду.

— Постарайтесь не заставить меня васъ ждать, потому что иначе, въ двѣнадцать съ четвертью, я уже вамъ обрѣжу уши, пока вы бѣгаете.

— Хорошо, — крикнулъ въ отвѣтъ д'Артаньянъ, — безъ девяти минутъ въ двѣнадцать я буду тамъ.

И онъ пустился бѣжать во весь духъ, точно его подгонялъ діаволъ, все еще надѣясь настичь своего незнакомца, который, впрочемъ, не могъ уйти очень далеко, если онъ шелъ все той же медленной походкой, какъ это замѣтилъ д'Артаньянъ.

Внизу лѣстницы, у самой двери на улицу, стоялъ Портосъ и разговаривалъ съ какимъ-то гвардейцемъ. Между разговаривавшими было пространство, какъ разъ только въ ширину одного человѣка. Д'Артаньянъ, думая, что этого пространства ему будетъ достаточно, чтобы проскочить между разговаривавшими, бросился, какъ стрѣла, — но онъ не совсѣмъ хорошо разсчиталъ, онъ зацѣпилъ за плащъ Портоса. Плащъ распахнулся и покрылъ д'Артаньяна съ головой. Безъ сомнѣнія, Портосъ имѣлъ свои причины не снимать съ себя этой части своей одежды, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы отпустить полу, которую онъ придерживалъ рукой, и такимъ образомъ высвободить д'Артаньяна, онъ еще крѣпче притянулъ ее, такъ что д'Артаньянъ, благодаря этому движенію упрямаго Портоса, очутился плотно завернутымъ въ бархатный плащъ.

Слыша надъ собой проклятія мушкетера, д'Артаньянъ попробовалъ было высвободиться изъ-подъ плаща и разыскать дорогу въ темнотѣ. Всего же больше онъ опасался не попортить какъ-нибудь прекрасную перевязь, которую мы уже видѣли на красивомъ мушкетерѣ, но, вдругъ, открывъ робко глаза, онъ разобралъ, несмотря на потемки, что уткнулся носомъ прямо между плечъ Портоса, то-есть какъ разъ въ самую перевязь...

Увы и ахъ! Какъ и большинство вещей на нашемъ свѣтѣ, обладающихъ исключительно красивою внѣшностью, перевязь, чудная вышитая золотомъ перевязь, была золотая только спереди, сзади же изъ простой буйволовой кожи. Портосъ, какъ настоящій щеголь, рѣшилъ, что, не имѣя средствъ носить перевязь всю изъ золота, все-таки лучше имѣть ее хотя бы только спереди вышитой. Съ этой минуты становились понятными необходимость бархатнаго плаща и, какъ объясненіе плащу, необходимость насморка.

— Проклятіе! — закричалъ Портосъ, стараясь освободиться отъ д'Артаньяна, который копошился у него на спинѣ подъ плащемъ. — Взбѣсились вы, что ли, что бросаетесь на людей очертя голову.

— Извините, — сказалъ д'Артаньянъ, вылѣзая, наконецъ, изъ-подъ плеча гиганта, — я очень спѣшу, я страшно спѣшу, мнѣ нужно догнать кой-кого...

— Гдѣ же у васъ глаза, когда вы бѣгаете? Забываете что ли вы ихъ гдѣ нибудь? — спросилъ Портосъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, задѣтый за живое, — совсѣмъ нѣтъ, и, благодаря моимъ глазамъ, я иногда даже вижу то, что сокрыто отъ другихъ.

Понялъ ли Портосъ намекъ, или нѣтъ — неизвѣстно. Только онъ пришелъ въ сильное раздраженіе:

— Предупреждаю васъ, что когда-нибудь ужъ васъ отдуютъ хорошенько, если будете такъ толкаться съ мушкетерами.

— Отдуютъ? — вскричалъ д'Артаньянъ. — Какое грубое слово!

— Это слово говоритъ человѣкъ, который привыкъ смотрѣть своимъ врагамъ прямо въ глаза.

— А, чортъ возьми, я прекрасно теперь знаю, что вашимъ врагамъ вы своей спины не покажете.

И д'Артаньянъ, въ восторгѣ отъ своей шутки, пустился было бѣжать дальше, смѣясь во все горло.

Портосъ пришелъ въ страшную ярость и бросился вслѣдъ за нимъ.

— Послѣ, послѣ,— закричалъ д'Артаньянъ,—когда на васъ не будетъ уже вашего плаща.

— Итакъ, въ часъ, позади Люксенбурга.

— Прекрасно, въ часъ, такъ въ часъ!— крикнулъ д'Артаньянъ, поворачивая за уголъ.

Онъ пробѣжалъ всю улицу, окинулъ взглядомъ другую, но нигдѣ онъ не замѣтилъ своего незнакомца. Хотя и тотъ шелъ тихо, но все-таки успѣлъ скрыться изъ виду, а, можетъ-быть, онъ вошелъ въ какой - нибудь домъ. Д'Артаньянъ спрашивалъ о немъ всѣхъ встрѣчныхъ, спустился къ парому, поднялся по улицѣ Сены и Краснаго Креста вверхъ, но нигдѣ, рѣшительно нигдѣ, ни малѣйшаго слѣда. Между тѣмъ быстрая ходьба оказала на него хорошее дѣйствіе, такъ какъ потъ выступалъ у него на лбу, онъ самъ успокоивался, и гнѣвъ его проходилъ.

Плащъ распахнулся и покрылъ д'Артаньяна съ головой.

Тутъ д'Артаньянъ сталъ перебирать въ своей памяти все то, что только-что произошло съ нимъ. Въ это утро случилось много событій, и всѣ пренепріятнаго свойства. Нѣтъ еще и одиннадцати часовъ, а онъ успѣлъ ужъ навлечь на себя неудовольствіе де-Тревиля, который, разумѣется, нашелъ весьма грубымъ и неприличнымъ. какъ д'Артаньянъ выскочилъ изъ его пріемной.

Сверхъ того онъ успѣлъ уже наткнуться на двѣ дуэли съ двумя та-кими господами, которымъ ничего не стоило убить каждому трехъ д'Ар-таньяновъ, однимъ словомъ, съ двумя мушкетерами, съ людьми, которыхъ, въ сущности, онъ глубоко уважалъ и въ мысляхъ и въ душѣ ставилъ выше всѣхъ на свѣтѣ. Обстоятельства складывались неутѣшительно. Вполнѣ увѣренный, что онъ будетъ убитъ Атосомъ, понятно, что молодой чело-вѣкъ не очень безпокоился относительно Портоса. Однакожъ, такъ какъ надежда только съ жизнью оставляетъ человѣка, онъ все еще въ глу-бинѣ души надѣялся, что ему, можетъ-быть, и удастся пережить обѣ эти дуэли, само собою разумѣется, съ ужасными ранами, но, кто знаетъ, можетъ-быть, и удастся! Въ этой надеждѣ, онъ сталъ мучиться угрызе-ніями совѣсти, такъ какъ считалъ себя виновнымъ.

— Какой же я, въ самомъ дѣлѣ, безмозглый дуралей! Этотъ храбрый, бѣдный Атосъ раненъ былъ въ то именно плечо, въ которое я, какъ ба-ранъ, хватилъ головой. Удивляюсь я одному, какъ это онъ не убилъ меня тутъ же на мѣстѣ,— онъ имѣлъ полное право, такъ какъ, должно быть, я причинилъ ему нестерпимую боль! Что касается Портоса, — о! относительно Портоса дѣло обстоитъ, право, много веселѣе!

И молодой человѣкъ не могъ удержаться отъ смѣха, оглядываясь, на этотъ разъ, чтобы кто-нибудь изъ прохожихъ не обидѣлся бы на него, принявъ этотъ смѣхъ на свой счетъ.

— Относительно Портоса дѣло обстоитъ много веселѣе, но тѣмъ не менѣе я все-таки несчастный ротозѣй. Ну, можно ли такъ бросаться на людей, не сказавши имъ даже посторониться! нѣтъ! Ну, развѣ можно за-глядывать такъ подъ плаща и глядѣть, что тамъ есть и чего нѣтъ! Онъ, навѣрняка, извинилъ бы меня! Разумѣется, извинилъ бы, если бы только я не сказалъ ему про эту проклятую перевязь, намекомъ, правда, но весьма прозрачнымъ намекомъ. Ахъ, я несчастный гасконецъ, я, кажется, сидя даже на горячей сковородѣ буду острить. Послушай мой другъ, д'Артаньянъ,—говорилъ онъ самъ себѣ съ любезностью, къ которой онъ считалъ теперь себя обязаннымъ даже по отношенію къ своей особѣ,— если ты избѣжишь смерти, что весьма невѣроятно, то на будущее время ты долженъ быть совсѣмъ безукоризненно вѣжливымъ. Надо будетъ тебѣ постараться, чтобы тебѣ удивлялись, чтобы тебя ставили въ при-мѣръ. Быть вѣжливымъ и предупредительнымъ — это вѣдь не значитъ еще быть трусомъ. Пока возьми вотъ въ примѣръ себѣ Арамиса: Ара-мисъ это сама кротость, сама грація. И что же? Рѣшится ли хоть кто-нибудь сказать, что Арамисъ—трусъ? Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ, и съ этой минуты я хочу во всѣхъ отношеніяхъ брать его за образецъ. Ба! Да вотъ и онъ самъ!

Д'Артаньянъ, идя и разговаривая самъ съ собою вслухъ, не замѣтилъ, какъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отеля д'Эгильона, а передъ самымъ отелемъ увидѣлъ Арамиса, оживленно разговаривавшаго съ тремя офицерами королевской гвардіи. Арамисъ тоже замѣтилъ д'Артаньяна, но такъ какъ онъ не забылъ, что именно передъ этимъ молодымъ чело-вѣкомъ де-Тревиль такъ сильно погорячился сегодня утромъ, и такъ какъ ему никакимъ образомъ не могло быть непріятно встрѣчаться со свидѣтелемъ этой сцены,—онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ д'Арта-ньяна. А д'Артаньянъ, напротивъ, желая быть какъ можно миролюбивѣе и учтивѣе, подошелъ къ четыремъ молодымъ людямъ и съ самой обворо-

жительной улыбкой низко раскланялся съ ними. Арамисъ въ отвѣтъ на это привѣтствіе слегка наклонилъ голову, но не улыбнулся. Всѣ четверо, при приближеніи посторонняго, замолчали.

Д'Артаньянъ былъ вовсе не такъ глупъ, чтобы не замѣтить, что онъ тутъ лишній, но въ то же время онъ былъ еще мало знакомъ съ пріемами большого свѣта. Онъ не сумѣлъ ловко выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое, обыкновенно, попадаетъ человѣкъ, вступающій въ разговоръ, который совершенно его не касается, да еще съ людьми, которыхъ онъ почти не знаетъ вовсе. Онъ напрягалъ всѣ свои мысли, чтобы подыскать какой-нибудь предлогъ и отойти, не теряя своего достоинства, какъ, вдругъ, замѣтилъ, что Арамисъ уронилъ носовой платокъ и, должно-быть, нечаянно наступилъ на него ногой. Ему показалось, что настала самая удобная минута, чтобы загладить свою неловкость. Онъ нагнулся и съ самымъ непринужденнымъ и любезнымъ видомъ выдернулъ платокъ изъ подъ ноги мушкетера, который, видимо, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы придавить его сильнѣе, выдернулъ и, подавая его Арамису, сказалъ:

— Я думаю, милостивый государь, что вамъ несовсѣмъ было бы пріятно потерять такой прекрасный платокъ.

Платокъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ богатый, и въ одномъ углу его красовался красивый гербъ съ короной. Арамисъ сильно покраснѣлъ и чуть не вырвалъ его изъ рукъ гасконца.

— Ба! Ба! — вскричалъ одинъ изъ гвардейцевъ. — Будешь ли ты, скромница Арамисъ, и теперь утверждать, что ты въ дурныхъ отношеніяхъ съ госпожею де-Буа-Траси, разъ она такъ любезна, что одолжаетъ тебѣ свои платки.

Арамисъ кинулъ на д'Артаньяна такой взглядъ, который даетъ человѣку сразу понять, что онъ нажилъ себѣ смертельнаго врага. Затѣмъ тотчасъ же, принявъ свой прежній кроткій видъ, онъ мягко произнесъ.

— Господа, вы ошибаетесь, платокъ этотъ не мой и не понимаю, почему этому господину пришла фантазія вручить его мнѣ, а не кому-либо изъ васъ, и въ доказательство моихъ словъ я вамъ покажу, что мой лежитъ въ моемъ карманѣ.

При этихъ словахъ онъ вынулъ свой собственный платокъ, очень тоже изящный, изъ тонкаго батиста, хотя батистъ въ тѣ времена былъ страшно дорогъ, но безъ герба, а только съ вензелемъ своего владѣльца.

Тутъ ужъ д'Артаньянъ не сказалъ ничего. Онъ понялъ свою ошибку. Но друзья Арамиса, казалось, нисколько не повѣрили его словамъ, и одинъ изъ нихъ обратился къ молодому мушкетеру весьма серіозно:

— Если это такъ, мой милый Арамисъ, то я буду принужденъ взять у тебя этотъ платокъ, такъ какъ, самъ ты знаешь, де-Буа-Траси одинъ изъ самыхъ моихъ близкихъ друзей, и я не позволю, чтобы кто-нибудь дѣлалъ себѣ трофеи изъ вещей его жены.

— Мнѣ не нравится, какъ ты этого требуешь, — отвѣчалъ Арамисъ, — и хотя въ сущности ты, можетъ-быть, требуешь совершенно основательно, я все-таки отказываю тебѣ, такъ какъ мнѣ не нравится форма твоего требованія.

— Дѣло въ томъ, — робко вмѣшался въ разговоръ д'Артаньянъ, — что я не видалъ, выпалъ ли этотъ платокъ именно изъ кармана господина Арамиса. Я видѣлъ только, что онъ наступилъ на него ногой, вотъ

и все. Я думалъ, что разъ платокъ этотъ подъ его ногой, значитъ, онъ и принадлежитъ ему.

— И вы ошиблись, — холодно отвѣчалъ Арамисъ, не замѣчая старанія д'Артаньяна поправить ошибку.

Затѣмъ, обращаясь къ гвардейцу, который назвалъ себя другомъ де-Буа-Траси, Арамисъ продолжалъ:

— Впрочемъ, я передумалъ, интимный другъ де-Буа-Траси, такъ какъ я ему не менѣе тебя другъ, то, строго говоря, платокъ этотъ могъ выпасть одинаково, какъ изъ твоего кармана, такъ и изъ моего.

— Нѣтъ, клянусь честью! — закричалъ гвардеецъ.

— Ты будешь клясться своей честью, а я моей, и тогда, очевидно, одинъ изъ насъ совретъ. Знаешь что, Монтаранъ, сдѣлаемъ лучше такъ, раздѣлимъ его пополамъ?

— Платокъ?

— Да!

— Превосходно! — вскричали оба другіе гвардейца. — Это судъ царя Соломона. Положительно, Арамисъ, ты мудрый человѣкъ.

Молодые люди расхохотались и, какъ легко догадаться, дѣло тѣмъ и кончилось. Черезъ минуту разговоръ прекратился и всѣ три гвардейца и Арамисъ, пожавъ дружески другъ другу руки, разошлись въ разныя стороны.

„Вотъ удобная минута помириться съ этимъ изящнымъ господиномъ“, — подумалъ д'Артаньянъ, который отошелъ нѣсколько поодаль въ концѣ описаннаго разговора. Съ этимъ благимъ намѣреніемъ д'Артаньянъ погнался за Арамисомъ, который шелъ своей дорогой, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія.

— Милостивый государь, — сказалъ д'Артаньянъ, догнавъ его, — надѣюсь, что вы меня извините?

— А, — перебилъ его Арамисъ, — позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что вы сейчасъ вели себя не такъ, какъ подобаетъ воспитанному человѣку.

— Какъ вы сказали, милостивый государь? — вскричалъ д'Артаньянъ. — Не предполагаете ли уже вы...

Онъ нагнулся и съ самымъ непринужденнымъ и любезнымъ видомъ выдернулъ платокъ изъ-подъ ноги мушкетера.

— Я предполагаю только, что вы не дуракъ и что вы прекрасно знаете, хоть вы и пріѣхали изъ Гасконіи, что безъ причины не ходятъ по носовымъ платкамъ. Чортъ возьми, Парижъ еще не вымощенъ батистомъ.

— Милостивый государь, вы совершенно не имѣете права унижать меня, — вспылилъ д'Артаньянъ, въ которомъ природная наклонность къ спорамъ стала брать верхъ надъ его мирными намѣреніями. — Я, правда, изъ Гасконіи, а разъ ужъ вы это знаете, то мнѣ нечего говорить вамъ, что гасконцы нетерпѣливы, такъ что, если ужъ они одинъ разъ извинились, хотя бы и въ глупости, они убѣждены, что сдѣлали наполовину больше того, что должны были сдѣлать.

— Все, что я сказалъ, — отвѣчалъ Арамисъ, — я сказалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы искать ссоры съ вами. Слава Богу, я не забіяка, да и мушкетеръ я только на время, а потому и дерусь только тогда, когда это необходимо, но всегда съ большимъ отвращеніемъ. На этотъ разъ дѣло обстоитъ много серіознѣе, потому что вами скомпрометирована женщина.

— То-есть, нами?

— Зачѣмъ вы имѣли неловкость подать мнѣ этотъ платокъ?

— А зачѣмъ вы имѣли неловкость уронить этотъ платокъ?

— Я сказалъ вамъ, что онъ вовсе не падалъ изъ моего кармана, а теперь я вамъ повторяю это.

— Ну что же? Значитъ только, что вы солгали два раза, потому что я видѣлъ, какъ вы уронили его.

— Ага! Вотъ вы какимъ тономъ говорили, господинъ гасконецъ! Ну, что жъ, я научу васъ вѣжливости!

— А я верну васъ въ монастырь, господинъ аббатъ! Сейчасъ же извольте обнажить вашу шпагу!

— Ну, нѣтъ, пожалуйста, только не здѣсь, мой милый другъ. Развѣ вы не видите, что мы стоимъ передъ самымъ отелемъ д'Эгилльонъ, а онъ кишитъ всякими креатурами кардинала. Кто поручится мнѣ, что это не его высокопреосвященство поручило вамъ доставить мою голову? Къ тому же, я до смѣшного дорожу своей головой, такъ какъ, мнѣ кажется, она довольно прилично сидитъ на плечахъ. Будьте покойны, я хочу васъ убить, но убить тихо, безъ огласки, въ укромномъ, глухомъ мѣстѣ, гдѣ никто не увидитъ, какъ вы будете умирать.

— Я согласенъ, но не будьте ужъ такъ увѣрены въ этомъ. Кстати, захватите съ собой платокъ, вашъ ли онъ или нѣтъ, это все равно. Можетъ-быть, очень скоро онъ вамъ пригодится.

— Вы гасконецъ? — спросилъ Арамисъ.

— Да, гасконецъ, который не станетъ откладывать свиданій изъ предосторожности.

— Осторожность — добродѣтель довольно безполезная для мушкетера, я это прекрасно знаю, но необходимая для людей, принадлежащихъ къ Церкви, а такъ какъ я мушкетеръ только случайно, я придерживаюсь правила быть осторожнымъ. Въ два часа я буду имѣть честь ждать васъ въ отелѣ господина де-Тревиля. Тамъ я укажу вамъ удобное мѣсто.

Молодые люди раскланялись и Арамисъ пошелъ вверхъ по улицѣ, къ Люксембургу, а д'Артаньянъ, чтобы не пропустить условленнаго срока, пошелъ по направленію къ монастырю Босоногихъ Кармелитовъ.

— Жребій брошенъ, выхода нѣтъ, — думалъ онъ, — одно только немного утѣшаетъ меня: если я буду убитъ, то, по крайней мѣрѣ, мушкетеромъ.

Глава V.

Королевскіе мушкетеры и гвардейцы кардинала.

У д'Артаньяна въ Парижѣ не было ни души знакомыхъ, поэтому онъ отправился на свиданіе съ Атосомъ безъ секунданта, рѣшивъ ограничиться тѣми, которыхъ выберетъ его противникъ. Къ тому же онъ твердо рѣшилъ принести храброму мушкетеру почтительнѣйшее извиненіе, извиненіе по всей формѣ и, разумѣется, безъ оттѣнка малодушія. Онъ боялся, чтобы эта дуэль не кончилась такъ же непріятно, какъ обыкновенно кончаются всѣ дуэли въ родѣ той, которая ему предстояла съ Атосомъ. Когда молодой, сильный и здоровый человѣкъ дерется съ противникомъ, уже ослабѣвшимъ отъ ранъ, то, если онъ будетъ побѣжденъ — побѣда его врага будетъ двойнымъ тріумфомъ, если же онъ самъ выйдетъ побѣдителемъ, то на него посыплются со всѣхъ сторонъ упреки и обвиненія въ безчестности и легкости побѣды.

Или мы плохо описали характеръ нашего искателя приключеній, или же нашъ читатель долженъ былъ уже замѣтить, что д'Артаньянъ былъ человѣкъ далеко не обыкновенный. Продолжая повторять себѣ, что смерть для него теперь неизбѣжна, онъ вовсе не покорился необходимости умереть безропотно, какъ то бы сдѣлалъ на его мѣстѣ другой, менѣе храбрый и менѣе хладнокровный. Онъ обсудилъ всесторонне характеры тѣхъ, съ кѣмъ ему предстояло драться, и ясно представилъ себѣ настоящее положеніе вещей. Онъ надѣялся, чистосердечно извинившись, сдѣлаться даже другомъ Атоса, который своимъ величественнымъ и строгимъ видомъ ему нравился больше всѣхъ. Онъ разсчитывалъ запугать Портоса приключеніемъ съ перевязью, которое онъ могъ, въ случаѣ, если не будетъ убитъ, разсказать всѣмъ, а если этотъ разсказъ половчѣе пустить въ ходъ, то надъ Портосомъ всѣ будутъ долго потѣшаться. Относительно же угрюмаго Арамиса онъ мало тревожился. Онъ разсчитывалъ, что такъ или иначе, ему удастся отправить на тотъ свѣтъ этого третьяго своего врага, или въ крайнемъ случаѣ, нанести ему ударъ шпагой въ лицо, какъ нѣкогда Цезарь приказывалъ поступать съ солдатами Помпея и тѣмъ навсегда испортить его красивое лицо, которымъ онъ такъ гордится.

Со всѣмъ тѣмъ, д'Артаньянъ въ глубинѣ души рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не отступать ни на шагъ отъ принятаго, внушеннаго еще ему отцомъ, рѣшенія: никому, кромѣ короля, кардинала и де-Тревиля, не спускать никакой обиды.

Онъ скорѣе летѣлъ, чѣмъ шелъ по направленію къ монастырю Босоногихъ Кармелитовъ. Этотъ монастырь былъ громадное зданіе безъ оконъ, окруженное безлюдной, пустынной мѣстностью вплоть до самого Pré-aux-Clercs. Это уединенное мѣсто и служило, обыкновенно, для свиданій тѣмъ, которые не имѣли возможности терять даромъ свое время.

Когда д'Артаньянъ подходилъ къ небольшому уединенному мѣстечку около самыхъ стѣнъ монастыря, Атосъ уже ждалъ его тамъ. Впрочемъ, онъ ждалъ всего пять минутъ, такъ какъ било уже двѣнадцать часовъ. Д'Артаньянъ на этотъ разъ былъ пунктуаленъ, какъ Самаритянка, и самый строгій судья въ дѣлѣ поединковъ, не могъ бы ничего сказать тутъ.

Атосъ, невыносимо страдавшій отъ раны, хотя хирургъ де-Тревиля еще разъ перевязалъ ее заново, сидѣлъ въ это время на межѣ и дожидался своего противника со своимъ всегда спокойнымъ и величественнымъ видомъ. При видѣ д'Артаньяна, онъ всталъ и изъ вѣжливости сдѣлалъ ему навстрѣчу нѣсколько шаговъ. Послѣдній въ свою очередь счелъ долгомъ снять передъ своимъ противникомъ шляпу, такъ что перо почти волочилось по землѣ.

— Милостивый государь, — сказалъ Атосъ, — я предупредилъ двухъ своихъ друзей, которые обѣщались быть моими секундантами, но пока ихъ еще нѣтъ. Я крайне удивленъ, что они заставляютъ себя ждать; это не въ ихъ правилахъ.

— А у меня, милостивый государь, совсѣмъ нѣтъ секундантовъ, — сказалъ д'Артаньянъ. — Я только вчера пріѣхалъ въ Парижъ, знакомыхъ у меня нѣтъ никого, кромѣ развѣ г. де-Тревиля, которому рекомендовалъ меня мой отецъ, бывшій когда-то однимъ изъ его друзей.

Атосъ задумался на минуту.

— Такъ что у васъ никого знакомыхъ, кромѣ де-Тревиля, нѣтъ? — спросилъ онъ.

— Кромѣ его — никого.

— Но, — продолжалъ Атосъ, не то обращаясь къ д'Артаньяну, не то говоря самъ съ собой, — но если я убью васъ, я буду имѣть видъ какого-то изверга, дѣтоубійцы!

— Не совсѣмъ такъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, отвѣшивая поклонъ, не лишенный достоинства, — не совсѣмъ такъ! Вѣдь вы, дѣлая мнѣ честь и обнажая на меня вашу шпагу, по всей вѣроятности, сильно страдаете отъ вашей раны.

При видѣ д'Артаньяна, онъ всталъ и изъ вѣжливости сдѣлалъ ему навстрѣчу нѣсколько шаговъ.

— Честное слово, страдаю сильно; надо признаться, что вы мнѣ причинили діавольскую боль. Впрочемъ, я возьму шпагу въ лѣвую руку, я всегда такъ поступаю въ подобныхъ случаяхъ. Не подумайте, что я помилую васъ, я одинаково хорошо владѣю и правой и лѣвой рукой. Это будетъ даже для васъ невыгодно: для людей неприготовившихся очень трудно бываетъ бороться съ лѣвшей. Я очень сожалѣю, что не имѣлъ времени раньше сообщить вамъ объ этомъ обстоятельствѣ.

— Милостивый государь, — сказалъ д'Артаньянъ, дѣлая новый поклонъ, — вы такъ любезны, что я даже затрудняюсь выразить вамъ должную благодарность.

— Вы конфузите меня, — отвѣчалъ Атосъ со своимъ джентльменскимъ видомъ, — если только это вамъ причиняетъ малѣйшую непріятность, перемѣнимте, пожалуйста, разговоръ. А! Чортъ возьми! Какъ вы мнѣ сдѣлали больно! Плечо горитъ!

— Если бы только вы позволили мнѣ,—робко замѣтилъ д'Артаньянъ.

— Что?

— У меня есть превосходный бальзамъ противъ всякихъ ранъ,—бальзамъ, который дала мнѣ моя мать и цѣлебныя свойства котораго я уже испыталъ на себѣ.

— И что же?

— А то, что я увѣренъ, что этотъ бальзамъ васъ исцѣлилъ бы меньше, чѣмъ въ три дня! А тамъ, когда вы будете себя чувствовать хорошо, тогда я почту за большую честь для себя снова быть къ вашимъ услугамъ.

Д'Артаньянъ произнесъ эти слова съ такой простотой, которая нисколько не умаляла его храбрости, а, наоборотъ, дѣлала честь только его великодушію.

— Честное слово,—сказалъ Атосъ,—вотъ предложеніе, которое мнѣ, дѣйствительно, нравится не потому, что я хочу принять его, а потому что въ немъ за версту чувствуется джентльмэнъ. Такъ именно говорили и поступали рыцари временъ Карла Великаго, съ которыхъ каждый порядочный человѣкъ долженъ бы брать примѣръ. Къ несчастью, мы больше уже не живемъ подъ великой властью императора. Настали времена кардинала, и я увѣренъ, что черезъ три дня, какъ бы тщательно мы ни старались скрывать, узнаютъ, что мы должны драться и намъ непремѣнно помѣшаютъ. А что же это такое, въ самомъ дѣлѣ, почему не идутъ эти гуляки?

— Если вы спѣшите, — обратился д'Артаньянъ къ Атосу такъ же просто, какъ только что передъ тѣмъ предлагалъ отложить дуэль на три дня, — если вы спѣшите и если вамъ угодно отправить меня на тотъ свѣтъ сію минуту, то прошу васъ, не стѣсняйтесь!

— Эти слова мнѣ тоже очень нравятся, — сказалъ себѣ Атосъ, одобрительно посматривая на д'Артаньяна,—видно, что вы человѣкъ не безъ мозга и, по всей вѣроятности, не безъ сердца.—Милостивый государь! Я очень уважаю людей съ такими взглядами, какъ ваши, и думаю, что если мы не заколемъ другъ друга сейчасъ, то впослѣдствіи я буду находить истинное удовольствіе въ разговорѣ съ вами. Подождемте же, прошу васъ, моихъ секундантовъ, время у меня есть и этакъ будетъ гораздо вѣжливѣе. А вотъ, кажется, одинъ и идетъ.

Дѣйствительно, вдали, на улицѣ Вожираръ, показался гигантъ Портосъ.

— Какъ! — вскричалъ д'Артаньянъ. — Вашъ первый секундантъ — г. Портосъ?

— Да, а развѣ вы недовольны этимъ?

— Нѣтъ, нисколько.

— А вотъ и другой мой секундантъ.

Д'Артаньянъ обернулся въ ту сторону, куда показывалъ ему Атосъ, и увидалъ Арамиса.

— Какъ!—закричалъ онъ еще болѣе изумленнымъ голосомъ,—второй вашъ секундантъ — г. Арамисъ?

— Конечно, онъ! Развѣ же вы не знаете, что насъ всѣ постоянно видятъ вмѣстѣ, и мушкетеры и гвардейцы, и при дворѣ, и въ городѣ, насъ и не зовутъ иначе, какъ Атосъ, Портосъ и Арамисъ—три неразлучные пріятеля! Впрочемъ, вѣдь вы пріѣхали изъ Дакса, или изъ По...

— Изъ Тарбъ, — поправилъ д'Артаньянъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ простительно не знать этихъ подробностей.

— Честное слово, — сказалъ д'Артаньянъ, — васъ вполнѣ правильно называютъ такъ, и мое приключеніе, если оно когда-нибудь огласится, будетъ служить тому лишнимъ подтвержденіемъ.

Тѣмъ временемъ Портосъ успѣлъ уже подойти совсѣмъ близко и рукой привѣтствовалъ Атоса. Обернувшись на д'Артаньяна, онъ, казалось, пришелъ въ изумленіе.

Скажемъ мимоходомъ, что онъ перемѣнилъ перевязь и снялъ свой плащъ.

— Ба! — воскликнулъ онъ, — что это такое значитъ?

— Я дерусь съ этимъ господиномъ,— сказалъ Атосъ, показывая рукой на д'Артаньяна и дѣлая ему въ то же время поклонъ.

— Я тоже съ нимъ долженъ драться, — сказалъ Портосъ.

— Да! Но только въ часъ пополудни,— отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Я тоже буду драться съ этимъ господиномъ, — сказалъ Арамисъ, подойдя въ это время къ говорившимъ.

— Совершенно вѣрно, но только въ два часа пополудни,—спокойно отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Да изъ-за чего ты, Атосъ, съ нимъ дерешься?—спросилъ Арамисъ.

— Честное слово, я самъ не знаю хорошенько; онъ толкнулъ меня въ больное плечо, а ты, Портосъ?

— Дерусь, потому что дерусь,— отвѣчалъ Портосъ, краснѣя.

Атосъ, ничего не упускавшій изъ виду, замѣтилъ, какъ легкая улыбка скользнула на губахъ гасконца.

— У насъ вышла размолвка изъ-за туалета, — сказалъ молодой человѣкъ.

— А ты, Арамисъ? — спросилъ Атосъ.

— Я поспорилъ съ нимъ относительно нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ,—отвѣчалъ Арамисъ, прося знаками д'Артаньяна держать въ тайнѣ настоящую причину дуэли.

Атосъ замѣтилъ, какъ д'Артаньянъ опять улыбнулся.

— Въ самомъ дѣлѣ? — переспросилъ Атосъ.

— Да, мы не сошлись во взглядахъ относительно св. Августина, — отвѣчалъ гасконецъ.

— Положительно онъ очень не глупъ,— прошепталъ Атосъ.

— А теперь, господа, разъ уже всѣ вы собрались вмѣстѣ,—сказалъ д'Артаньянъ, — позвольте мнѣ вамъ принести мои почтительнѣйшія извиненія.

При словѣ „извиненія" легкая тѣнь пробѣжала по лицу Атоса, на лицѣ Портоса заиграла насмѣшливая улыбка, а Арамисъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы не такъ поняли меня, господа, — сказалъ д'Артаньянъ, подымая голову. Лучъ солнца какъ разъ въ эту минуту упалъ на его лицо и освѣтилъ смѣлыя и благородныя его черты.—Я прошу васъ извинить

меня на тотъ случай, если я не буду имѣть возможности удовлетворить васъ всѣхъ троихъ, такъ какъ г. Атосъ имѣетъ первый право убить меня, что значительно уменьшаетъ возможность того же съ вашей стороны, г. Портосъ, и что совсѣмъ почти лишаетъ возможности васъ, г. Арамисъ. Въ настоящую минуту, господа, прошу еще разъ васъ извинить меня, но только въ этомъ отношеніи, и приглашаю встать въ позицію.

Съ этими словами д'Артаньянъ замѣчательно ловко обнажилъ свою шпагу.

Кровь прилила въ голову д'Артаньяна, и въ ту минуту онъ готовъ былъ итти на бой противъ всѣхъ мушкетеровъ королевства разомъ, а не только противъ Атоса, Портоса и Арамиса.

Было двѣнадцать часовъ съ четвертью. Солнце было въ зенитѣ, мѣсто же для дуэли было открытое, и въ настоящую минуту всѣ четверо были освѣщены лучами.

— Какъ жарко, — замѣтилъ Атосъ, обнажая, въ свою очередь, свою шпагу,—а я не могу снять плаща, такъ какъ сію минуту я опять почувствовалъ, что изъ моей раны идетъ кровь, а мнѣ неловко смущать моего противника видомъ крови, которую не онъ и пустилъ мнѣ.

— Совершенно вѣрно,— подхватилъ д'Артаньянъ,— и, увѣряю васъ, что кто бы ни сдѣлалъ вамъ эту рану, я, или другой,— всегда съ особеннымъ сожалѣніемъ буду видѣть кровь на такомъ храбромъ джентльменѣ, какъ вы. Я буду, какъ и вы, тоже драться въ плащѣ.

— Послушайте, послушайте, господа,— сказалъ Портосъ,— довольно уже всѣхъ этихъ любезностей, подумайте, что и мы тоже ждемъ своей очереди.

— Говорите, Портосъ, только отъ своего имени, когда вамъ придетъ желаніе говорить такія глупости,—остановилъ его Арамисъ.—Я нахожу, что эти господа говорятъ вполнѣ хорошо и ведутъ себя, какъ настоящіе джентельмены.

— Угодно вамъ начинать, милостивый государь, — сказалъ Атосъ, становясь въ позицію.

— Я ждалъ вашихъ приказаній,— отвѣчалъ д'Артаньянъ, скрещивая оружіе.

Но только что шпаги ихъ скрестились въ воздухѣ, какъ изъ-за угла монастыря показалась группа гвардейцевъ его высокопреосвященства, съ господиномъ де-Жюссакомъ во главѣ.

— Гвардейцы кардинала!— закричали вмѣстѣ Портосъ и Арамисъ.— Шпаги въ ножны, господа! Шпаги въ ножны!

Но было уже слишкомъ поздно. Обоихъ сражавшихся замѣтили въ такихъ позахъ, которыя не допускали никакого сомнѣнія въ намѣреніяхъ мушкетеровъ.

— Ей! — закричалъ Жюссакъ, приближаясь къ нимъ и давая своимъ людямъ знакъ слѣдовать за собой, — вотъ какъ, господа мушкетеры, вы здѣсь изволите драться? А указы? Вы, кажется, забыли указы?

— Вы очень великодушны, господа гвардейцы,— отвѣчалъ Атосъ, сдерживая свою злобу, такъ какъ Жюссакъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ драки, случившейся третьяго дня.— Если бы мы замѣтили васъ во время дуэли, то, ручаюсь вамъ, мы не стали бы вамъ мѣшать. Оставьте

же и насъ въ покоѣ и, оставаясь только зрителями, будете имѣть не меньшее удовольствіе.

— Господа, — сказалъ Жюссакъ, — я съ величайшимъ сожалѣніемъ принужденъ сообщить вамъ, что это дѣло невозможно. Вашъ долгъ — прежде всего вложить ваши шпаги въ ножны и потрудиться слѣдовать за нами.

— Милостивый государь, — отвѣтилъ Арамисъ, передразнивая Жюссака, — мы съ особеннымъ удовольствіемъ послѣдовали бы вашему лю-

Изъ-за угла монастыря показалась группа гвардейцевъ его высокопреосвященства, съ господиномъ де-Жюссакомъ во главѣ.

безнѣйшему приглашенію, если бы это только зависѣло отъ насъ. Но, къ великому нашему огорченію, это совершенно невозможно: намъ запретилъ это г. де-Тревиль. Проваливайте же по добру, по здорову, куда шли, это самое лучшее, что вы можете сдѣлать.

Этотъ насмѣшливый тонъ вывелъ изъ себя Жюссака.

— Въ такомъ случаѣ, мы силой возьмемъ васъ, если вы сейчасъ же не послушаетесь меня.

— Ихъ пятеро, — сказалъ вполголоса Атосъ, — а насъ только трое. Мы опять будемъ побѣждены и должны будемъ умереть на мѣстѣ, такъ какъ я объявляю, что я не могу снова показаться на глаза капитану побѣжденнымъ.

Атосъ, Портосъ и Арамисъ подошли другъ къ другу, пока Жюссакъ ровнялъ свою команду.

Одной этой минуты достаточно было д'Артаньяну, чтобы рѣшиться окончательно. Ему предстояло теперь сдѣлать тотъ рѣшительный шагъ, который навсегда затѣмъ рѣшаетъ судьбу человѣка, — ему предстоялъ выборъ между королемъ и кардиналомъ. Выбравъ того или другого, ему уже не было отступленія. Вступить теперь въ сраженіе, т.-е. поступить противъ закона — это значило, рискуя своей головой, сдѣлаться разъ навсегда врагомъ человѣка, который въ настоящее время сильнѣе, пожалуй, самого короля. Вотъ что подумалъ въ эту минуту молодой человѣкъ и, надо отдать ему справедливость, онъ не поколебался нисколько. Обращаясь къ Атосу и его друзьямъ, онъ сказалъ:

— Господа, я позволю себѣ поправить кое-что изъ вашихъ словъ. Вы сейчасъ сказали, что васъ только трое, но мнѣ кажется, что насъ четверо.

— Но вѣдь вы же не нашъ? — сказалъ Портосъ.

— Это правда, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — я не вашъ по платью, но я вашъ душой. У меня сердце мушкетера, я чувствую это, и оно влечетъ меня къ мушкетерамъ.

— Молодой человѣкъ! — закричалъ ему въ это время Жюссакъ, догадавшійся, должно-быть, по выраженію его лица о его намѣреніи, — отойдите лучше, мы согласны на то, чтобы вы удалились. Спасайте свою шкуру, уходите скорѣе.

Д'Артаньянъ не двигался съ мѣста.

— Положительно вы славный малый, — сказалъ Атосъ, пожимая руку молодого человѣка.

— Послушайте, рѣшайтесь же скорѣе! — кричалъ ему Жюссакъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказали Портосъ и Арамисъ, — рѣшимся же на что-нибудь.

— Этотъ господинъ очень великодушенъ, — сказалъ Атосъ.

Всѣ трое боялись только его молодости и не были еще увѣрены въ его опытности.

— Все-таки, — сказалъ Атосъ, — насъ будетъ только трое, изъ которыхъ одинъ раненъ, а четвертый совсѣмъ ребенокъ, потомъ же всѣ будутъ разсказывать, что насъ было четверо.

— Да, но въ такомъ случаѣ надо отступать! — рѣшилъ Портосъ.

— Это трудно, — сказалъ Атосъ.

Д'Артаньянъ понялъ ихъ колебаніе.

— Господа, — сказалъ онъ, — все-таки испытайте меня, и я, клянусь честью, не уйду отсюда, если мы будемъ побѣждены.

— Какъ ваше имя, мой храбрый юноша? — спросилъ Атосъ.

— Д'Артаньянъ.

— Итакъ, Атосъ, Портосъ, Арамисъ и д'Артаньянъ, впередъ! — скомандовалъ Атосъ.

— Ну, что же, господа, рѣшили вы, наконецъ, что-нибудь? — закричалъ имъ въ третій разъ Жюссакъ.

— Мы рѣшили,— отвѣчалъ ему Атосъ.

— Что же вы рѣшили? — спросилъ Жюссакъ.

— Мы сейчасъ будемъ имѣть честь напасть на васъ, — сказалъ Арамисъ, одной рукой вѣжливо снимая шляпу, а другой обнажая свою шпагу.

— А! Вы сопротивляетесь! — вскричалъ Жюссакъ.

— Чортъ возьми, неужели же это васъ удивляетъ?

И девять человѣкъ бросились другъ на друга съ яростью, что, впрочемъ, не помѣшало въ то же время имъ соблюдать извѣстныя правила.

И девять человѣкъ бросились другъ на друга съ яростью, что, впрочемъ, не помѣшало въ то же время имъ соблюдать извѣстныя правила.

Атосъ выбралъ себѣ нѣкоего Каюзака, любимца кардинала, Портосъ — Бикара, а Арамисъ очутился сразу передъ двумя противниками.

Д'Артаньяну пришлось драться съ самимъ Жюссакомъ.

Сердце молодого гасконца билось такъ, что, казалось, готово были выскочить изъ груди, но не отъ смѣха, слава Богу, этого не было и тѣни, а отъ желанья одержать верхъ. Онъ нападалъ, какъ бѣшеный тигръ, десятки разъ обходя своего противника, двадцать

разъ мѣняя положеніе и движенія. Жюссакъ былъ, какъ говорили тогда, лакомка до клинка, и въ этомъ дѣлѣ былъ большой знатокъ. А между тѣмъ ему стоило неимовѣрныхъ трудовъ обороняться отъ своего прыгавшаго ловкаго противника, который ежеминутно уклонялся отъ принятыхъ правилъ, нападалъ чуть не со всѣхъ сторонъ сразу и въ то же время, такъ осторожно, какъ человѣкъ, очень дорожащій своею жизнью.

Наконецъ, эта борьба вывела Жюссака изъ терпѣнія. Взбѣшенный тѣмъ, что не можетъ совладать съ такимъ ребенкомъ, онъ сталъ горячиться и дѣлать ошибки. Д'Артаньянъ, не особенно много практиковавшійся, но основательно изучившій теорію, удвоилъ ловкость. Жюссакъ, желая скорѣе покончить съ нимъ, нанесъ ужасный ударъ своему противнику, растянувшись на землѣ. Но д'Артаньянъ успѣлъ отразить ударъ и, пока Жюссакъ поднимался, онъ, проскользнувъ какъ змѣя у него подъ клинкомъ, прокололъ его своей шпагой насквозь. Жюссакъ упалъ какъ пластъ.

Д'Артаньянъ снесъ на паперть монастыря Жюссака, Каюзака и того изъ двухъ противниковъ Арамиса, который былъ только раненъ.

Д'Артаньянъ быстро окинулъ взглядомъ поле сраженія.

Арамисъ успѣлъ уже убить одного изъ своихъ противниковъ, но другой сильно тѣснилъ его. Все-таки, Арамисъ былъ еще въ хорошихъ условіяхъ и могъ защищаться свободно.

Бикара и Портосъ только что ранили другъ друга. Портосъ раненъ былъ въ руку, а Бикара — въ бедро. Раны не были тяжелы, и оба они принялись драться еще съ большимъ ожесточеніемъ.

Атосъ, во второй уже разъ раненый Каюзакомъ, видимо, блѣднѣлъ, но не отступалъ ни на іоту. Онъ взялъ теперь шпагу въ другую руку и защищался лѣвой рукой.

Д'Артаньянъ по правиламъ дуэли того времени могъ притти на помощь кому либо изъ своихъ товарищей. Оглядѣвъ всѣхъ, кто бы могъ нуждаться въ его помощи, онъ поймалъ быстрый взглядъ Атоса. Взглядъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе краснорѣчивъ. Атосъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ самъ позвалъ бы на помощь, глядѣть же онъ имѣлъ право и взглядомъ просить поддержки. Д'Артаньянъ мигомъ сообразилъ это, сдѣлалъ быстрый скачокъ и напалъ на Каюзака съ фланга, закричавъ ему:

— Ко мнѣ, г. гвардеецъ, я убью васъ!

Каюзакъ обернулся, и во-время. Атосъ, который уже перемогался черезъ силу, упалъ на колѣно.

— Чортъ возьми! — крикнулъ онъ д'Артаньяну. — Не убивайте его, молодой человѣкъ, прошу васъ. Мнѣ нужно еще свести съ нимъ счеты, когда я буду здоровъ. Обезоружьте его только, вышибите у него шпагу. Вотъ такъ! Хорошо! Очень хорошо!

Они шли посреди улицы, обнявшись, загораживая встрѣчнымъ дорогу и забирая съ собой каждаго мушкетера, попадавшагося навстрѣчу, такъ что скоро образовалось цѣлое тріумфальное шествіе

Это восклицаніе вырвалось у Атоса при видѣ того, какъ шпага Каюзака отлетѣла отъ него шаговъ на двадцать. Д'Артаньянъ и Каюзакъ оба стремглавъ бросились за ней, но д'Артаньянъ, какъ болѣе легкій, успѣлъ предупредить Каюзака и наступилъ на нее ногой.

Каюзакъ тѣмъ временемъ бросился къ убитому Арамисомъ гвардейцу, схватилъ валявшуюся около него шпагу и хотѣлъ вернуться къ д'Артаньяну, но по дорогѣ встрѣтилъ Атоса, который, отдохнувъ немного, благодаря вмѣшательству д'Артаньяна, снова уже былъ готовъ вступить въ бой со своимъ старымъ врагомъ. Д'Артаньянъ понялъ, что помѣшать теперь Атосу убить противника, значило бы оскорбить его. Спустя нѣсколько секундъ, дѣйствительно, Каюзакъ упалъ замертво съ проколотымъ горломъ.

Въ ту же минуту и Арамисъ, приставивъ шпагу къ груди своего лежавшаго навзничъ противника, заставлялъ его просить пощады.

Портосъ и Бикара одни только продолжали еще бороться. Портосъ все время издѣвался надъ своимъ соперникомъ. Спрашивалъ его, который можетъ быть теперь часъ, поздравлялъ его съ назначеніемъ, которое только что получилъ его братъ въ Наварскомъ полку, но, несмотря на всѣ эти шутки, онъ все-таки ничего не выигрывалъ. Бикара былъ одинъ изъ тѣхъ желѣзныхъ людей, которые падаютъ только мертвыми.

Между тѣмъ пора была уже все это и кончить. Могъ притти обходъ и забрать всѣхъ сражающихся, и раненыхъ и не раненыхъ, и роялистовъ и кардиналистовъ.

Атосъ, Арамисъ и д'Артаньянъ окружили Бикара и требовали, чтобы онъ сдался. Хотя Бикара былъ одинъ противъ четырехъ, да къ тому же еще былъ раненъ въ бедро, онъ все-таки не хотѣлъ ни за что отступать. Тутъ Жюссакъ, приподнявшись на локтѣ, крикнулъ ему, чтобы онъ сдавался. Бикара былъ гасконецъ, какъ и д'Артаньянъ. Онъ притворился, что не слышитъ, и только усмѣхнулся немного. Улучивъ между двумя выпадами моментъ, онъ концомъ своей шпаги ткнулъ въ землю и сказалъ, пародируя библейскій стихъ:

— Здѣсь умретъ Бикара, единый изъ тѣхъ, которые съ нимъ.

— Да вѣдь ихъ четверо противъ тебя, кончай же,—я тебѣ приказываю.

— А! Если приказываешь, это другое дѣло: ты мой бригадиръ и я долженъ слушаться, — сказалъ Бикара.

Отскочивъ ловко назадъ, онъ переломилъ свою шпагу о колѣно, чтобы она не досталась побѣдителямъ, перебросилъ обломки ея черезъ стѣну монастыря и, скрестивъ на груди руки, сталъ насвистывать кардиналистскую пѣсенку.

Храбрость всегда заслуживаетъ уваженіе, даже въ непріятелѣ. Мушкетеры отдали честь Бикару своими шпагами и вложили ихъ въ ножны. Д'Артаньянъ сдѣлалъ то же самое, затѣмъ, съ помощью Бикара, единственнаго изъ партіи кардинала, оставшагося на ногахъ, онъ снесъ на паперть монастыря Жюссака, Каюзака и того изъ двухъ противниковъ Арамиса, который былъ только раненъ. Другой, какъ мы уже сказали, былъ мертвъ. Затѣмъ они позвонили въ колоколъ, и, унося съ собой четыре непріятельскія шпаги, всѣ весело направились къ отелю де Тревиля.

Они шли посреди улицы, обнявшись, загораживая встрѣчнымъ дорогу и забирая съ собой каждаго мушкетера, попадавшагося навстрѣчу, такъ что скоро образовалось цѣлое тріумфальное шествіе. Сердце д'Артаньяна такъ и прыгало отъ радости въ груди у него. Онъ шелъ между Атосомъ и Портосомъ, нѣжно обнявшись съ ними.

— Если я еще и не мушкетеръ, — говорилъ онъ теперь своимъ новымъ друзьямъ, отворяя дверь въ отель де-Тревиля, — то, по крайней мѣрѣ, я уже принятъ къ нимъ ученикомъ, не такъ ли?

Глава VI.

Его величество король Людовикъ XIII.

Эта исторія надѣлала много шуму. Де-Тревиль при всѣхъ громко бранилъ своихъ мушкетеровъ, а наединѣ потихоньку поздравлялъ ихъ съ побѣдой; но такъ какъ нельзя было терять времени даромъ и надо было скорѣе предупредить о томъ короля, то де-Тревиль поспѣшилъ навѣдаться въ Лувръ.

Но было уже слишкомъ поздно. Король заперся въ одной комнатѣ съ кардиналомъ, и де-Тревилю сказали, что король занятъ и не можетъ въ эту минуту принять его. Де-Тревиль пришелъ еще разъ вечеромъ и засталъ короля за игрой. Его величество выигрывалъ, а такъ какъ онъ былъ довольно-таки скупъ, то и былъ въ эту минуту въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа. Замѣтивъ еще издали де-Тревиля, король закричалъ ему:

— Идите сюда скорѣе, господинъ капитанъ, идите сюда, я хочу васъ побранить. Знаете ли вы, что его высокопреосвященство сегодня жаловался мнѣ на вашихъ мушкетеровъ и такъ взволновался при этомъ, что къ вечеру даже заболѣлъ. Однако, что же это такое въ самомъ дѣлѣ, это какіе-то діаволы, висѣльники, эти ваши мушкетеры!

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣтилъ де-Тревиль, который съ перваго взгляда уже увидалъ, какой оборотъ стало принимать дѣло. — Нѣтъ, совсѣмъ наоборотъ, государь, это все очень хорошіе люди, добрые, кроткіе, какъ агнцы, и нѣтъ у нихъ другого желанія, въ томъ я порукой, какъ только служить своему королю и за него лишь обнажать свою шпагу. Но, что дѣлать, гвардейцы господина кардинала безпрестанно ищутъ ссоры съ ними, и прямо только изъ-за собственной безопасности они принуждены бываютъ защищать себя.

— Послушайте, де-Тревиль, — сказалъ король, — послушайте! Можно, право, подумать, что онъ говоритъ не про своихъ мушкетеровъ, а про какую-нибудь религіозную общину! Вы знаете, мой милый капитанъ, мнѣ иногда, право, хочется снять съ васъ вашъ мундиръ и надѣть его на дѣвицу Шемероль, которой я обѣщалъ аббатство. Не думайте, пожалуйста, что я такъ и повѣрю вамъ на слова. Меня называютъ Людовикомъ Справедливымъ, господинъ де-Тревиль, и сейчасъ, сейчасъ мы это увидимъ.

— Именно потому, государь, что я полагаюсь на вашу справедливость, я буду спокойно и терпѣливо ждать рѣшенія вашего величества.

Счастье въ игрѣ стало измѣнять королю и, такъ какъ онъ началъ уже снова проигрывать то, что выигралъ передъ тѣмъ, то онъ былъ вовсе не прочь найти подходящій предлогъ, чтобы оставить игру. Положивъ въ карманъ лежавшія на столѣ деньги, изъ которыхъ большая часть была имъ, дѣйствительно, выиграна, король быстро всталъ и сказалъ:

— Ла-Віевиль, сядьте за меня, мнѣ надо поговорить съ де-Тревилемъ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ. Тутъ лежало, кажется, восемьдесятъ луидоровъ, выложите и вы такую же сумму, чтобы тѣ, кто проигралъ, не могли бы жаловаться. Справедливость прежде всего.

Затѣмъ онъ повернулся къ де-Тревилю и отошелъ съ нимъ въ амбразуру окна.

— Итакъ, капитанъ, — сказалъ онъ, — вы говорите, что это гвардейцы его высокопреосвященства искали ссоры съ вашими мушкетерами?

— Да, государь, какъ и всегда.

— Разскажите же, какъ все это произошло? Потому что, сами вы знаете, мой милый капитанъ, судья долженъ выслушать обѣ стороны.

— Ахъ, Боже мой, все это произошло самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Трое моихъ лучшихъ офицеровъ, которыхъ ваше величество уже знаетъ по именамъ, преданность которыхъ не разъ уже приходилось испытать вамъ и которые, я имѣю смѣлость утверждать это, очень дорожатъ службой у вашего величества, — Атосъ, Портосъ и Арамисъ отправились на прогулку съ однимъ молодымъ гасконцемъ, котораго я имъ отрекомендовалъ въ то самое утро. Эту прогулку они, кажется, намѣревались совершить въ окрестностяхъ Сенъ-Жермена, для чего назначили другъ другу свиданіе у монастыря Босоногихъ Кармелитовъ. Вотъ тутъ-то они, вдругъ, были потревожены господами Жюссакомъ, Каюзакомъ и Бикара и еще двумя гвардейцами, которые, надо полагать, въ такой большой компаніи шли туда не съ совсѣмъ законными намѣреніями, если вспомнить указы.

— А! а! Вы наводите меня на мысль, — сказалъ король. — Безъ сомнѣнія, они пришли туда драться.

— Я не обвиняю ихъ, государь, но представляю вашему величеству судить самому, зачѣмъ могутъ собраться пятеро вооруженныхъ людей въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ, какъ окрестности монастыря Кармелитовъ?

— Да, вы правы, де-Тревиль, вы правы.

— Тогда, увидя моихъ мушкетеровъ, они перемѣнили намѣреніе и ради полковой вражды забыли свои личные счеты. Вашему величеству, вѣроятно, извѣстно, что мушкетеры короля, служащіе единственно одному только королю, — естественные враги гвардейцевъ, состоящихъ при особѣ кардинала.

— Да, Тревиль, да, — сказалъ король грустнымъ тономъ, — и повѣрьте мнѣ, это очень печально, видѣть какія-то двѣ партіи во Франціи, двѣ главы въ королевствѣ; но всему этому будетъ конецъ, Тревиль, будетъ конецъ. Такъ вы говорите, что гвардейцы искали ссоры съ мушкетерами?

— Я говорю только, что дѣло, вѣроятно, произошло такъ, государь, но я, разумѣется, не могу въ этомъ поклясться. Вамъ извѣстно, какъ трудно иногда бываетъ разгадать истину. Надо развѣ только обладать тѣмъ удивительнымъ инстинктомъ, за который Людовикъ XIII получилъ прозваніе „Справедливаго“.

— И вы совершенно правы, Тревиль, но ваши мушкетеры, оказывается, были не одни: съ ними еще былъ какой-то ребенокъ.

— Да, государь, а одинъ еще былъ раненъ, такъ что три мушкетера его величества, изъ которыхъ одинъ раненый, да еще четвертый —

ребенокъ, не только не уступили пяти самымъ отчаяннымъ гвардейцамъ кардинала, а еще четверыхъ изъ нихъ положили на мѣстѣ.

— Но это настоящая побѣда! — вскричалъ король, весь сіяя, — полная побѣда!

— Да, государь, такая же полная, какъ у моста Сэ.

— Четыре человѣка, изъ которыхъ одинъ раненый, а другой—ребенокъ, говорите вы?

— Совсѣмъ еще молодой человѣкъ; однако, онъ такъ удивительно велъ себя въ этомъ дѣлѣ, что я беру смѣлость особенно рекомендовать его вашему величеству.

— Какъ его зовутъ?

— Д'Артаньянъ, государь. Это сынъ одного изъ моихъ пріятелей, сынъ того самаго д'Артаньяна, который еще съ блаженной памяти королемъ, отцомъ вашимъ, участвовалъ въ партизанской войнѣ.

— И вы говорите, что онъ удивительно велъ себя, этотъ молодой человѣкъ? Разскажите-ка мнѣ объ этомъ поподробнѣе, вы знаете, какъ я люблю эти разсказы о войнахъ, да о сраженіяхъ.

При этомъ король Людовикъ XIII гордо покрутилъ свои усы и локтемъ уперся въ колѣно.

— Государь, какъ я уже говорилъ вамъ, д'Артаньянъ совсѣмъ еще ребенокъ и, такъ какъ пока онъ еще не имѣетъ чести быть мушкетеромъ, то и былъ въ гражданскомъ платьѣ. Гвардейцы господина кардинала, видя, какъ онъ еще молодъ, видя притомъ по костюму, что онъ не принадлежитъ къ военнымъ, предложили ему сначала удалиться, прежде чѣмъ они сдѣлаютъ нападеніе.

Затѣмъ Людовикъ XIII повернулся къ де-Тревилю и отошелъ съ нимъ въ амбразуру окна.

— Въ такомъ случаѣ, Тревиль, — перебилъ его король, — ясно, что они первые напали.

— Совершенно ясно, государь, не можетъ быть никакого въ томъ сомнѣнія. И вотъ они потребовали, чтобы онъ удалился, но юноша отвѣтилъ имъ, что онъ въ душѣ мушкетеръ, что онъ глубоко преданъ его величеству, и вслѣдствіе этого онъ остается вмѣстѣ съ господами мушкетерами.

— Какой храбрый молодой человѣкъ! — прошепталъ король.

— Дѣйствительно, онъ присоединился къ нимъ, и я могу только поздравить ваше величество съ новымъ искуснѣйшимъ борцомъ, такъ какъ это именно онъ нанесъ Жюссаку тотъ ловкій ударъ шпагой, который привелъ въ такой сильный гнѣвъ господина кардинала.

— Такъ это онъ ранилъ Жюссака? — вскричалъ король, — онъ, этотъ ребенокъ? Но, Тревиль, это невозможно!

— Однако, это именно такъ, какъ я имѣлъ честь доложить вашему величеству.

— Жюссака, лучшаго бойца во всемъ королевствѣ!

— Ну, что жъ, государь! Видно нашла коса на камень.

— Я хочу видѣть этого молодого человѣка, Тревиль, я непремѣнно хочу его видѣть и, если можно будетъ для него что-нибудь сдѣлать, ну, что же, мы займемся имъ!

— Когда ваше величество удостоите принять его?

— Завтра въ полдень, Тревиль.

— Одного лишь его приводить?

— Нѣтъ, ужъ приведите ихъ всѣхъ четырехъ. Я хочу отблагодарить ихъ всѣхъ заразъ. Преданные люди очень рѣдки, Тревиль, а преданность надо вознаграждать.

— Итакъ, въ полдень, государь, мы будемъ въ Луврѣ.

— Да! Только по маленькой лѣстницѣ, Тревиль, по маленькой лѣстницѣ! По-моему, совершенно лишне, чтобы кардиналъ зналъ...

— Слушаю-съ, государь.

— Вы понимаете, Тревиль, какъ тамъ не говори, а указъ все будетъ указомъ. Въ концѣ концовъ, драться вѣдь все-таки воспрещено...

— Но вѣдь этотъ случай, государь, совершенно не подходитъ подъ условія обыкновенной дуэли, это какая-то бойня, посудите сами: пятеро гвардейцевъ господина кардинала нападаютъ на троихъ моихъ мушкетеровъ и д'Артаньяна!

— Это, дѣйствительно, нехорошо, — согласился король, — но все равно, Тревиль, приходите по маленькой лѣстницѣ.

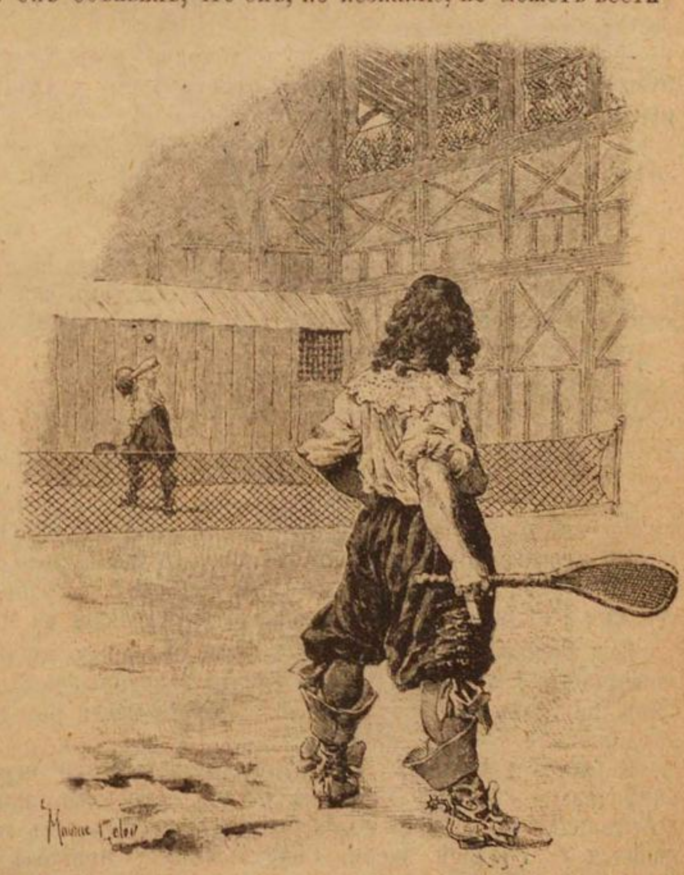
Де-Тревиль улыбнулся. Онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что успѣлъ, хотя немного, возстановить этого ребенка противъ своего наставника. Почтительнѣйше поклонившись и получивъ разрѣшеніе удалиться, де-Тревиль вышелъ отъ короля.

Всѣ три мушкетера въ тотъ же самый вечеръ были оповѣщены о той чести, которой они удостоились. Такъ какъ всѣ трое давно уже знали короля и видали его много разъ, то эта честь не такъ уже сильно удивила ихъ, но д'Артаньянъ въ своемъ гасконскомъ воображеніи представлялъ себѣ, что въ этомъ уже заключено все его будущее счастье и всю ночь промечталъ, не смыкая глазъ. Въ восемь часовъ утра онъ уже былъ у Атоса.

Д'Артаньянъ засталъ мушкетера уже одѣтымъ. Тотъ тоже собирался уже выходить. Такъ какъ аудіенція у короля назначена была еще только въ двѣнадцать часовъ, то онъ сговорился съ Портосомъ и Арамисомъ сыграть партію въ мячъ въ игорномъ домѣ, бывшемъ неподалеку отъ Люксембургскихъ конюшенъ. Атосъ предложилъ д'Артаньяну отправиться туда вмѣстѣ. Д'Артаньянъ, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ

этой игрѣ, принялъ охотно это предложеніе, не зная, какъ убить время, остававшееся до полудня.

Портосъ и Арамисъ были уже тамъ и играли вдвоемъ. Атосъ, большой знатокъ во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, всталъ съ д'Артаньяномъ противъ нихъ и попробовалъ поиграть тоже. Но при первомъ же движеніи, хотя онъ игралъ лѣвой рукой, онъ почувствовалъ, что рана его еще слишкомъ свѣжа для такихъ упражненій. Д'Артаньянъ остался одинъ, а такъ какъ онъ объявилъ, что онъ, по незнанію, не можетъ вести игру по всѣмъ правиламъ, то вся компанія занялась перекидываніемъ мяча безъ счета очковъ. Случилось тутъ, что мячъ, пущенный геркулесовской рукой Портоса, пролетѣлъ такъ близко отъ лица д'Артаньяна и съ такой силой, что если бы случайно мячъ пролетѣлъ не мимо, а попалъ бы д'Артаньяну въ физіономію, то, навѣрное, послѣднему не пришлось бы воспользоваться дарованною ему аудіенціею, такъ какъ невозможно бы было предстать передъ королемъ въ подобномъ видѣ. Въ пылкомъ же воображеніи молодого гасконца отъ этой аудіенціи зависѣла вся будущность его и потому онъ, вѣжливо поклонившись Портосу и Арамису, объявилъ имъ, что онъ только тогда станетъ еще разъ играть съ ними, когда выучится кидать и ловить мячъ не хуже ихъ, и съ этими словами прошелъ на галлерею и сталъ за веревкой. Къ несчастью для д'Артаньяна, среди свидѣтелей этой сцены находился одинъ изъ гвардейцевъ его высокопреосвященства, который, находясь еще подъ впечатлѣніемъ происшедшаго наканунѣ пораженія своихъ товарищей, далъ себѣ слово при первомъ же удобномъ случаѣ

Мячъ, пущенный геркулесовской рукой Портоса, пролетѣлъ такъ близко отъ лица д'Артаньяна...

отомстить мушкетерамъ. Рѣшая, что теперь насталъ благопріятный случай, онъ обратился къ своему сосѣду съ такими словами:

— Неудивительно, что этотъ мальчишка испугался мячика: очевидно, что онъ ученикъ мушкетеровъ.

Д'Артаньянъ обернулся, какъ ужаленный, и пристально посмотрѣлъ на гвардейца проговорившаго эту дерзкую фразу.

— Чортъ возьми! — продолжалъ послѣдній. — Вы можете смотрѣть на меня сколько угодно, мой крошечный господинъ, я сказалъ именно то, что хотѣлъ сказать.

— А такъ какъ вы сказали достаточно ясно, чтобы ваши слова не нуждались въ объясненіи, — тихо отвѣтилъ ему д'Артаньянъ, — то я попросилъ бы васъ слѣдовать за мной.

— Когда же прикажете? — спросилъ гвардеецъ все съ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Да сію же минуту, если угодно.

— Вы, конечно, знаете, кто я такой?

— Нѣтъ, совершенно не знаю, да и нисколько не интересуюсь этимъ.

— И совершенно напрасно это дѣлаете, такъ какъ, если бы вы услыхали мое имя, то, вѣроятно, не такъ бы уже торопились.

— Какъ же ваше имя?

— Бернажу, къ вашимъ услугамъ.

— Ну, и прекрасно, господинъ Бернажу, я буду ждать васъ у выходной двери.

— Идите, я сейчасъ же приду.

— Только не торопитесь уже очень, господинъ гвардеецъ, вовсе не нужно чтобы всѣ видѣли, какъ мы выйдемъ вмѣстѣ. Надѣюсь вы понимаете, что лишній народъ въ данномъ случаѣ только стѣснитъ насъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ гвардеецъ, нѣсколько удивленный тѣмъ, что его имя не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на молодого человѣка.

Имя Бернажу было извѣстно чуть не всѣмъ въ Парижѣ, исключая, можетъ-быть, какъ разъ только одного д'Артаньяна. Это былъ одинъ изъ тѣхъ постоянныхъ драчуновъ, котораго не могли обуздать никакіе указы кардинала.

Портосъ и Арамисъ были такъ заняты своей игрой, а Атосъ такъ внимательно слѣдилъ за ходомъ партіи, что никто и не замѣтилъ, какъ д'Артаньянъ вышелъ и, согласно условію своему съ гвардейцемъ, остановился у выходной двери. Спустя минуту пришелъ туда и Бернажу. Такъ какъ д'Артаньяну нельзя было терять много времени въ виду предстоящей аудіенціи у короля, то, замѣтивъ, что улица была въ ту минуту совсѣмъ пуста, онъ обратился къ своему противнику съ такою рѣчью:

— Вы очень счастливы, разумѣется, что имѣете теперь дѣло только съ ученикомъ мушкетеровъ, хоть вы и называете себя тамъ какимъ-то Бернажу. Все-таки, будьте покойны, я приложу все свое умѣнье. Защищайтесь!

— Но, — сказалъ въ отвѣтъ на это Бернажу, — мнѣ кажется, что вы выбрали мѣсто не совсѣмъ удачно, и что намъ было бы гораздо лучше сойтись гдѣ-нибудь за Сенъ-Жерменскимъ аббатствомъ или гдѣ-нибудь въ Пре-о-Клеркъ.

— Ваше возраженіе весьма благоразумно, но, къ сожалѣнію,— отвѣчалъ д'Артаньянъ,— у меня слишкомъ мало свободнаго времени, такъ какъ ровно въ полдень у меня назначено свиданіе. Итакъ, становитесь и защищайтесь!

Бернажу былъ вовсе не таковъ, чтобы заставлять нѣсколько разъ повторять себѣ подобныя предложенія. Въ ту же минуту шпага сверкнула въ его рукѣ, и онъ напалъ на своего противника, думая напугать его, благодаря его неопытности и молодости.

Но д'Артаньянъ наканунѣ взялъ хорошій урокъ фехтованія и подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ своей недавней побѣды, вѣря въ свою блестящую будущность, рѣшилъ твердо не отступать ни на шагъ. Шпаги такъ и сверкали въ рукахъ противниковъ; д'Артаньянъ твердо держался на своемъ мѣстѣ и заставилъ своего противника отступить на шагъ. Улучивъ моментъ, когда шпага Бернажу отклонилась нѣсколько въ сторону, д'Артаньянъ выпалъ

Услышавъ эти крики, выбѣжали всѣ, бывшіе въ отелѣ, и бросились на четверыхъ противниковъ, которые, въ свою очередь, стали звать себѣ на помощь мушкетеровъ.

и ловкимъ ударомъ поранилъ своего противника въ плечо. Затѣмъ онъ сейчасъ же самъ отступилъ на шагъ и поднялъ шпагу, но Бернажу закричалъ ему, что это еще ровно ничего не значитъ и, сдѣлавъ отчаянный выпадъ, самъ наткнулся на шпагу д'Артаньяна. Д'Артаньянъ, не зная, насколько тяжела рана, которую онъ нанесъ своему противнику, не переставалъ наступать на Бернажу, который сталъ понемногу ретироваться къ отелю де-ла-Тремулля, гдѣ служилъ одинъ изъ его родственниковъ. Впрочемъ, гвардеецъ все еще держался на ногахъ и не хотѣлъ признавать себя побѣжденнымъ. Безъ сомнѣнія, д'Артаньянъ уложилъ бы его на мѣстѣ при третьемъ ударѣ, но шумъ, поднявшійся уже на улицѣ, достигъ до игорнаго дома, и два другіе гвардейца, слышавшіе ихъ разговоръ и видѣвшіе, какъ они вслѣдъ за тѣмъ куда-то вышли, бросились изъ игорнаго дома на улицу со шпагами въ рукахъ и напали на побѣдителя. Но тутъ подоспѣли Атосъ, Портосъ и Арамисъ и заступились за своего молодого товарища, на котораго вдвоемъ напали было гвардейцы кардинала. Въ эту самую минуту Бернажу упалъ на землю, а такъ какъ у обоихъ гвардейцевъ враговъ оказалось теперь уже четверо, то они принялись звать себѣ на помощь изъ отеля де-ла-Тремулля.

Услышавъ эти крики, выбѣжали всѣ, бывшіе въ отелѣ, и бросились на четверыхъ противниковъ, которые, въ свою очередь, стали звать къ себѣ на помощь мушкетеровъ.

На крикъ: „мушкетеры, сюда!“ сбиралось всегда много народу. Всѣ знали прекрасно, что мушкетеры заклятые враги его высокопреосвященства, и всѣ ихъ любили за эту ненависть къ кардиналу. Гвардейцы другихъ полковъ, кромѣ полка „Краснаго Герцога“, какъ называлъ кардинала Арамисъ, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ принимали сторону мушкетеровъ. Какъ разъ въ ту минуту проходили по улицѣ трое гвардейцевъ полка г. Дезессара. Двое изъ нихъ сейчасъ же бросились на выручку мушкетеровъ, а третій побѣжалъ къ отелю де-Тревиля и сталъ сзывать мушкетеровъ на помощь своимъ товарищамъ. Какъ и всегда, въ отелѣ де-Тревиля толпилась масса мушкетеровъ, которые сейчасъ же и побѣжали спасать своихъ товарищей. Произошла общая свалка, но сила, очевидно, была на сторонѣ мушкетеровъ. Гвардейцы кардинала и всѣ, прибѣжавшіе изъ отеля де-ла-Тремулля, принуждены были отступить и спасаться въ отелѣ, захлопнувъ за собой ворота какъ разъ во-время, чтобы ихъ враги не успѣли ворваться за ними. Раненый былъ заблаговременно перенесенъ въ отель и былъ въ очень плохомъ состояніи.

Мушкетеры и ихъ союзники были такъ возмущены дерзостью слугъ г. де-ла-Тремулля, осмѣлившихся открыто напасть на мушкетеровъ короля, что нѣкоторые посовѣтовали даже поджечь отель. Это предложеніе всѣми было принято съ восторгомъ, какъ, вдругъ, башенные часы громко пробили 11. Д'Артаньянъ и его товарищи сейчасъ же вспомнили о томъ, что имъ сейчасъ предстоитъ аудіенція у короля, и такъ какъ имъ было бы очень досадно, если бы этотъ прекрасный планъ былъ приведенъ въ исполненіе безъ нихъ, то и стали всѣхъ отговаривать и успокоивать. Въ концѣ-концовъ, дѣло обошлось только тѣмъ, что бросили нѣсколько камней въ ворота отеля, но ворота выдержали. Тѣмъ все и кончилось. Всѣ утомились, да, кромѣ того, сами главные виновники всей этой свалки

уже отдѣлились отъ толпы и шагали къ отелю де-Тревиля, который уже нетерпѣливо ждалъ ихъ, извѣщенный о всей этой исторіи.

— Скорѣе идемъ въ Лувръ, — сказалъ онъ, — не надо терять ни минуты. Намъ непремѣнно надо увидѣть короля раньше, чѣмъ это успѣетъ сдѣлать кардиналъ. Мы разскажемъ его величеству, что вся сегодняшняя исторія была не больше, какъ послѣдствіе вчерашней стычки, и оба дѣла сойдутъ за одно.

Де-Тревиль съ четырьмя молодыми людьми отправился въ Лувръ. Но тамъ, къ большому удивленію капитана, имъ объявили, что король сегодня утромъ отправился на оленью охоту въ Сенъ-Жерменскіе лѣса. Де-Тревиль заставилъ дважды повторить себѣ эту новость, и съ каждымъ разомъ лицо его омрачалось все больше и больше.

— Развѣ его величество, — спросилъ онъ, — уже со вчерашняго дня имѣлъ намѣреніе отправиться на охоту?

— Никакъ нѣтъ, г-нъ капитанъ, — отвѣчалъ королевскій камердинеръ, — только сегодня утромъ оберъ-егермейстеръ увѣдомилъ его величество, что сегодня ночью спеціально для него устроили облаву на оленя. Сначала его величество отвѣтилъ, что не поѣдетъ, но затѣмъ не могъ устоять противъ удовольствія, которое обѣщала ему эта охота, и уѣхалъ.

— А видѣлъ король кардинала до своего отъѣзда?

— По всей вѣроятности да, — отвѣчалъ камердинеръ, — такъ какъ сегодня я уже замѣтилъ запряженную карету его высокопреосвященства и, когда я спросилъ, куда онъ ѣдетъ, мнѣ сказали, что въ Сенъ-Жерменъ.

— Насъ предупредили, — сказалъ де-Тревиль. — Господа, я увижу короля сегодня вечеромъ, но вамъ не совѣтую стараться сдѣлать то же.

Совѣтъ былъ очень благоразуменъ и притомъ данъ былъ такимъ человѣкомъ, который слишкомъ хорошо зналъ короля, чтобы молодымъ людямъ пришло въ голову его ослушаться. Де-Тревиль посовѣтовалъ имъ итти теперь по домамъ и ждать отъ него извѣстій.

Вернувшись въ свой отель, де-Тревиль рѣшилъ, что прежде, чѣмъ объяснять дѣло королю, не мѣшаетъ подготовить къ тому почву. Съ однимъ изъ своихъ слугъ онъ немедленно же послалъ къ де-ла-Тремуллю письмо, гдѣ онъ предлагалъ ему, во-первыхъ, не укрывать въ своемъ отелѣ гвардейца кардинала, а, во-вторыхъ, сдѣлать своимъ людямъ строжайшій выговоръ за то, что они осмѣлились сдѣлать такую дерзкую выходку противъ мушкетеровъ. Тремулль, который зналъ уже обо всей этой исторіи отъ своего конюшаго, родственника Бернажу, отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ слѣдовало бы жаловаться не де-Тревилю и, тѣмъ болѣе, уже не его мушкетерамъ; а скорѣе ему, де-ла-Тремуллю, такъ какъ мушкетеры первые напали на его людей и собирались даже поджечь его отель. Такъ какъ подобный споръ между двумя вельможами могъ затянуться слишкомъ надолго, то де-Тревиль рѣшилъ покончить все сразу: онъ лично отправился къ де-ла-Тремуллю.

Пріѣхавъ къ нему въ отель, онъ велѣлъ доложить о себѣ и немедленно же былъ принятъ.

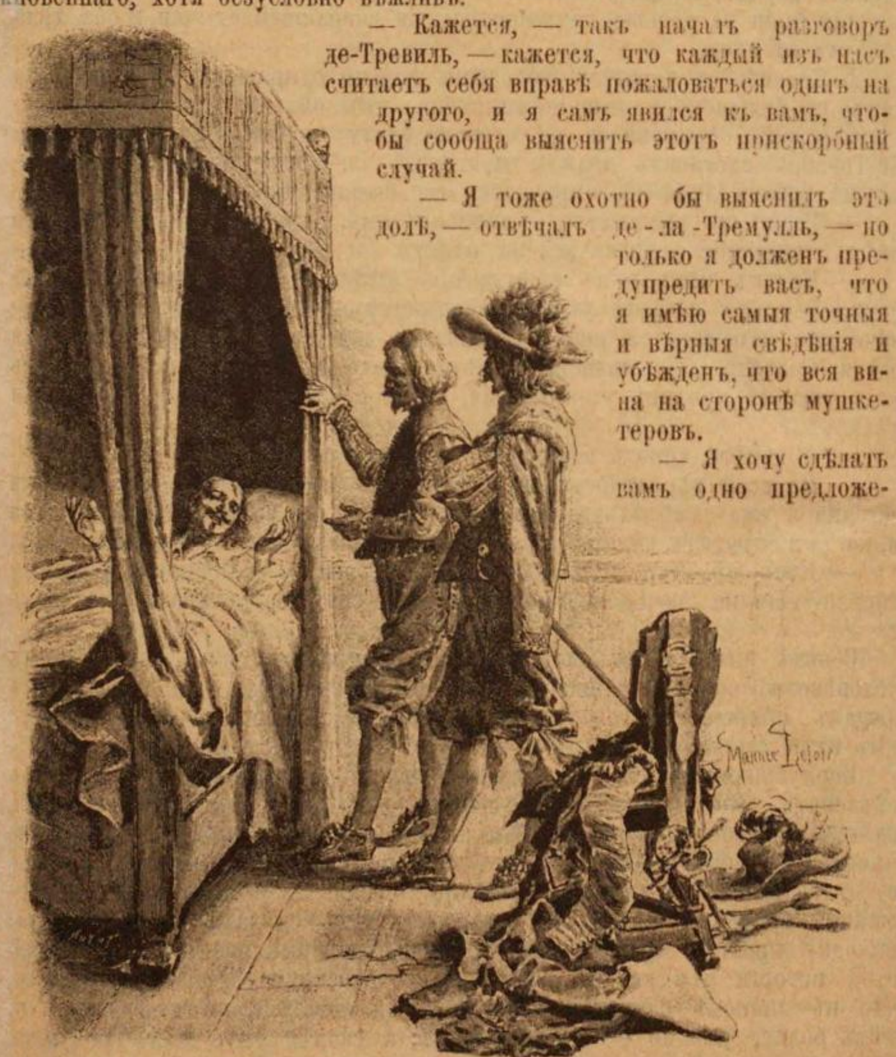
Вельможи раскланялись другъ съ другомъ самымъ вѣжливымъ образомъ, такъ какъ они оба въ душѣ уважали другъ друга, хотя особенной дружбы между ними не было. Оба были люди безусловно честные и до-

брые, а такъ какъ де-ла-Тремулль былъ протестантъ, видался съ королемъ рѣдко и не принадлежалъ ни къ какой политической партіи, то ему не было никакой причины относиться къ кому-либо съ предубѣжденіемъ. Тѣмъ не менѣе на этотъ разъ пріемъ его былъ холоднѣе обыкновеннаго, хотя безусловно вѣжливъ.

— Кажется, — такъ началъ разговоръ де-Тревиль, — кажется, что каждый изъ насъ считаетъ себя вправѣ пожаловаться одинъ на другого, и я самъ явился къ вамъ, чтобы сообща выяснить этотъ прискорбный случай.

— Я тоже охотно бы выяснилъ это долѣ, — отвѣчалъ де-ла-Тремулль, — но только я долженъ предупредить васъ, что я имѣю самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія и убѣжденъ, что вся вина на сторонѣ мушкетеровъ.

— Я хочу сдѣлать вамъ одно предложе-

Находясь почти на порогѣ смерти, Бернажу, не задумываясь, разсказалъ всю исторію такъ, какъ она дѣйствительно происходила.

ніе и зная васъ за человѣка благоразумнаго и справедливаго, думаю, что вы примете его, — сказалъ де-Тревиль.

— Говорите, я васъ слушаю.

— Какъ чувствуетъ себя г. Бернажу, родственникъ вашего конюшаго?

— Очень плохо. Кромѣ раны въ руку, онъ получилъ еще сильный ударъ въ легкое, такъ что докторъ мало надѣется на его выздоровленіе.

— Но все-таки теперь онъ въ памяти?

— Да, въ полной памяти.

— А говоритъ?

— Съ трудомъ, но говоритъ.

— Въ такомъ случаѣ, отправимтесь къ нему и именемъ Бога, передъ Которымъ ему, можетъ-быть, суждено скоро предстать, возьмемъ съ него клятву разсказать всю правду. Я беру его судьею въ собственномъ его дѣлѣ и повѣрю всему, что онъ скажетъ.

Де-ла-Тремулль задумался на минуту, но, разсудивъ, что предложеніе это весьма добросовѣстно и законно, согласился.

Они вмѣстѣ прошли въ комнату, гдѣ лежалъ раненый. Бернажу, при видѣ двухъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ, попробовалъ было приподняться на постели, но онъ былъ еще слишкомъ слабъ и снова упалъ на подушки почти безъ чувствъ. Де-ла-Тремулль подошелъ къ нему и далъ ему понюхать спирту, отчего больной пришелъ въ себя.

Де-Тревиль, чтобы снять съ себя всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ вліялъ какимъ-нибудь образомъ на отвѣты Бернажу, предложилъ самому де-ла-Тремуллю задавать больному вопросы. Случилось именно то, что и ожидалъ де-Тревиль.

Находясь почти на порогѣ смерти, Бернажу, не задумываясь, разсказалъ всю исторію такъ, какъ она дѣйствительно происходила. Де-Тревиль ничего и не желалъ большаго. Онъ пожелалъ Бернажу скораго выздоровленія, простился съ де-ла-Тремуллемъ и, вернувшись въ свой отель, тотчасъ же послалъ сказать четыремъ пріятелямъ, что онъ ждетъ ихъ къ обѣду.

У де-Тревиля собралось все очень хорошее и веселое общество, состоявшее, однако, исключительно изъ враговъ кардинала. Понятно, что въ теченіе цѣлаго обѣда разговоръ шелъ о пораженіяхъ, которыя уже дважды понесли гвардейцы его высокопреосвященства. Такъ какъ за эти два послѣдніе дня д'Артаньянъ сталъ настоящимъ героемъ, то за него и было поднято масса тостовъ. Атосъ, Портосъ и Арамисъ скромно уступили своему новому товарищу всю славу послѣднихъ побѣдъ, тѣмъ болѣе, что и имъ самимъ не разъ уже приходилось принимать подобныя почести. Около шести часовъ де-Тревиль объявилъ, что имъ пора итти въ Лувръ. Теперь уже можно было имъ пройти и по большой лѣстницѣ, такъ какъ часъ аудіенціи, назначенный королемъ, давно уже прошелъ. Придя съ молодыми людьми въ пріемную, де-Тревиль узналъ, что король еще не возвращался съ охоты. Но не прошло и получаса, пока они стояли въ толпѣ придворныхъ, ожидавшихъ короля, какъ, вдругъ, отворились всѣ двери и возвѣстили, что король пріѣхалъ.

При этомъ извѣстіи д'Артаньянъ почувствовалъ дрожь во всѣхъ членахъ. Предстоящая минута должна была, вѣроятно, рѣшить его участь, а потому глаза его въ томительномъ ожиданіи устремились на дверь, въ которую долженъ былъ войти король.

Наконецъ, впереди толпы своихъ придворныхъ показался самъ король Людовикъ XIII. Онъ былъ въ охотничьемъ костюмѣ, весь въ пыли, въ высокихъ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Съ перваго же взгляда даже д'Артаньянъ рѣшилъ, что король былъ сердитъ. Какъ ни мраченъ былъ на видъ его величество, придворные все-таки выстроились шпалерами на его пути: въ пріемныхъ короля считалось лучше быть замѣченнымъ

хотя и сердитымъ окомъ, чѣмъ быть вовсе незамѣченнымъ. Трое мушкетеровъ, не колеблясь ни минуты, выступили впередъ, а д'Араньянъ старался спрятаться позади ихъ. Хотя король зналъ въ лицо и Атоса, и Портоса, и Арамиса, онъ прошелъ мимо нихъ, даже не взглянувъ на нихъ и не сказавши имъ ни слова, какъ будто вовсе и не замѣтилъ ихъ. Де-Тревиль же, когда глаза короля на одну минуту остановились на немъ, выдержалъ этотъ взглядъ съ такою твердостью, что король первый отвернулся. Его величество, бормоча что-то себѣ подъ носъ, прошелъ во внутренніе апартаменты.

— Дѣло дрянь, — замѣтилъ улыбнувшись Атосъ, — на этотъ разъ, я полагаю, насъ еще не наградятъ орденами.

— Подождите, господа, меня здѣсь десять минутъ, — сказалъ де-Тревиль, — и если черезъ десять минутъ я не выйду къ вамъ, вернитесь ко мнѣ въ отель, такъ какъ будетъ совершенно безполезно ждать меня дольше.

Молодые люди прождали его десять минутъ, четверть часа, двадцать минутъ и, не дождавшись де-Тревиля, ушли, не понимая, что такое могло съ нимъ приключиться.

А де-Тревиль смѣло вошелъ въ кабинетъ короля и нашелъ его величество въ весьма недовольномъ настроеніи. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и ручкой хлыстика постукивалъ себѣ о сапоги. Несмотря на все это, де-Тревиль самымъ спокойнымъ и невозмутимымъ тономъ спросилъ о его здоровьи.

— Плохо, сударь, плохо, — отвѣчалъ король, — скучаю.

Это, дѣйствительно, была, пожалуй, самая тяжелая болѣзнь Людовика XIII. Эта болѣзнь, обыкновенно, начиналась тѣмъ, что король подзывалъ кого-нибудь изъ придворныхъ, подводилъ его къ окну и говорилъ: „Ну-съ, будемте скучать вмѣстѣ".

— Какъ, ваше величество, вы скучаете! — сказалъ де-Тревиль. — Развѣ ваша сегодняшняя охота не доставила вамъ удовольствія?

— Нечего сказать, хорошо удовольствіе. Право же, я сталъ замѣчать, что на свѣтѣ все выродилось. Дичь ли вся перевелась, собаки ли потеряли чутье, — не знаю, право. Выгнали мы матераго, десятирогаго оленя, гонялись за нимъ шесть часовъ и только что стали настигать его, Сенъ-Симонъ въ рогъ ужъ хотѣлъ трубить, чтобы отозвать собакъ, какъ вдругъ—разъ! и вся свора мѣняетъ направленіе и кидается за какимъ-то годовалымъ оленемъ. Теперь мнѣ ничего не остается, какъ бросить конскую охоту, какъ я уже и сдѣлалъ съ птичьей. Ахъ, де-Тревиль, я очень, очень несчастный король. У меня оставался всего только одинъ порядочный кречетъ, да и тотъ околѣлъ третьяго дня.

— Да, государь, я искренно и глубоко сочувствую вашему горю, но мнѣ помнится, что у васъ есть еще достаточное количество кречетовъ, ястребовъ, соколовъ.

— Да, и ни одного человѣка, чтобы выдрессировать ихъ. Нѣтъ больше соколиныхъ охотниковъ, одинъ только я понимаю кое-что въ охотничьемъ дѣлѣ. Послѣ меня охота выродится, и будутъ охотиться съ капканами, западнями, ловушками. Если бы у меня было хоть сколько-нибудь свободнаго времени, чтобы обучить нѣсколько учениковъ! Но кардиналъ ни на минуту не оставляетъ меня въ покоѣ и только и дѣлаетъ,

что твердитъ мнѣ или про Испанію, или про Австрію, или про Англію. Ахъ, кстати о кардиналѣ: я недоволенъ вами, де-Тревиль!

Де-Тревиль такъ и зналъ, что король непремѣнно кончитъ этимъ. Онъ изучилъ короля до тонкости. Все это нытье было только вступленіемъ, чтобы придать себѣ самому побольше храбрости и въ заключеніе высказать то, что вертѣлось у него въ головѣ цѣлый день.

— Чѣмъ же это я имѣлъ несчастіе прогнѣвить ваше величество? — спросилъ де-Тревиль, притворяясь крайне удивленнымъ.

— Развѣ такъ, сударь, нужно исполнять свои обязанности?—продолжалъ король, не отвѣчая прямо на вопросъ де-Тревиля.—Для того развѣ я назначилъ васъ капитаномъ моихъ мушкетеровъ, чтобы эти господа рѣзали людей, возмущали цѣлый кварталъ, поджигали дома, а вы бы укрывали ихъ? Но, впрочемъ, — прибавилъ король, — безъ сомнѣнія, я слишкомъ поторопился обвинить васъ. Я надѣюсь, что бунтовщики уже въ тюрьмѣ, и вы явились донести мнѣ, что правосудіе удовлетворено.

— Государь, — спокойно отвѣтилъ де-Тревиль, — напротивъ, я пришелъ просить правосудія у васъ.

— Но противъ кого же?

— Противъ клеветниковъ!

— Ага, вотъ это забавно!—вскричалъ король.—Такъ неужели же вы будете отрицать, что ваши проклятые мушкетеры Атосъ, Портосъ и Арамисъ, да еще вашъ молодой беарнецъ бросились какъ бѣшеные на бѣднаго Бернажу и избили его такъ, что въ настоящую минуту онъ, по всей вѣроятности, уже умеръ. Неужели же вы станете утверждать, что они потомъ не кидали каменьями въ ворота де-ла-Тремулля и не собирались поджечь его отель? Все это, можетъ-быть, и не было бы уже такимъ особенно большимъ преступленіемъ, будь это въ военное время, такъ какъ отель этотъ—извѣстное гнѣздо гугенотовъ, но въ мирное время этотъ поступокъ не долженъ служить примѣромъ для другихъ. Такъ какъ же, неужели же вы имѣете дерзость отрицать все это?

— И кто только могъ сочинить вамъ, государь, такую забавную басню? — спокойно спросилъ де-Тревиль.

— Какъ басню, милостивый государь? Кто же могъ мнѣ разсказать все это, какъ не тотъ, который бодрствуетъ, когда я сплю, который работаетъ, когда я веселюсь, который защищаетъ всѣ интересы королевства, какъ внутри его, такъ и по всей Европѣ?

— Его величество, безъ сомнѣнія, говоритъ о Богѣ, такъ какъ я не знаю никого, кромѣ Бога, кто бы стоялъ настолько выше французскаго короля.

— Нѣтъ, милостивый государь, я говорю про опору государства, про моего единственнаго друга и про моего единственнаго слугу — я говорю о кардиналѣ.

— Его высокопреосвященство — не папа.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что одинъ только папа непогрѣшимъ, и что эта непогрѣшимость не распространяется на кардиналовъ.

— Вы хотите, значитъ, сказать, что онъ меня обманываетъ, вы хотите сказать, что онъ мнѣ измѣняетъ? Вы, слѣдовательно, обвиняете его? Ну, скажите же мнѣ откровенно, признайтесь, вы обвиняете его?

— Вовсе нѣтъ, государь! Я говорю только, что онъ получилъ не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія. Я говорю, что онъ поспѣшилъ обвинить мушкетеровъ вашего величества, почерпнувъ свои свѣдѣнія изъ плохихъ источниковъ.

— Обвиненіе идетъ отъ самого де-ла-Тремулля, и передано было мнѣ со словъ самого герцога. Что можете вы возразить на это?

— Я могъ бы возразить, государь, что де-ла-Тремулль слишкомъ заинтересованъ въ этомъ вопросѣ, чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ. Но я далекъ отъ этого, государь. Я знаю де-ла-Тремулля за вполнѣ честнаго джентльмена и во всемъ этомъ дѣлѣ положусь на его совѣсть, но только съ однимъ условіемъ, государь!

— Съ какимъ же?

— Съ тѣмъ условіемъ, что ваше величество призовете его къ себѣ, разспросите его сами наединѣ, безъ свидѣтелей, и что ваше величество разрѣшитъ мнѣ прибыть тотчасъ же послѣ этого свиданія.

— Что же, хорошо! — сказалъ король. — И вы во всемъ полагаетесь на де-ла-Тремулля?

— Совершенно, государь.

— И примете его рѣшеніе?

— Безусловно, государь.

— И дадите ему удовлетвореніе, которое онъ отъ васъ потребуетъ?

— Безъ всякаго возраженія, государь.

— Ла-Шене, — закричалъ король, — ла-Шене!

Приближенный камердинеръ Людовика XIII, дежурившій постоянно у дверей, вошелъ въ ту же минуту.

— Ла-Шене, — сказалъ король, — пошлите сію же минуту за де-ла-Тремуллемъ. Мнѣ необходимо переговорить съ нимъ сегодня вечеромъ.

— Ваше величество, — сказалъ де-Тревиль, — значитъ, вы дадите мнѣ слово ни съ кѣмъ не видѣться до меня послѣ ухода де-ла-Тремуля?

— Ни съ кѣмъ, слово дворянина.

— Въ такомъ случаѣ, до завтра, государь.

— До завтра, Тревиль.

— Въ которомъ часу вашему величеству угодно, чтобы я явился?

— Въ какомъ хотите.

— Но если я приду слишкомъ рано, я могу обезпокоить ваше величество.

— Обезпокоить меня? Да развѣ я сплю? Я не сплю больше совсѣмъ. Я только дремлю иногда, вотъ и все. Когда вамъ вздумается, тогда и приходите. Приходите хоть въ семь часовъ. Но берегитесь только, если ваши мушкетеры окажутся виновными.

— Если мои мушкетеры окажутся виновными, государь, то они будутъ преданы въ руки вашего величества, и вы поступите съ ними такъ, какъ вамъ будетъ благоугодно. Можетъ-быть, его величеству угодно будетъ приказать мнѣ еще что-нибудь? Я готовъ повиноваться.

— Нѣтъ, больше ничего. Вы увидите, что не даромъ меня называютъ Людовикомъ Справедливымъ. Итакъ, до завтра, Тревиль.

— Господь да сохранитъ ваше величество.

Мало спалъ король, но де-Тревиль въ ту ночь спалъ еще того меньше. Онъ еще съ вечера предупредилъ трехъ мушкетеровъ и ихъ товарища,

чтобы всѣ они были у него на другое утро въ шесть съ половиной часовъ.

Утромъ, когда всѣ собрались въ условленное время, де-Тревиль не сказалъ имъ ничего утвердительнаго, ничего не обѣщалъ имъ и не скрылъ отъ нихъ, что ихъ судьба, равно какъ и его собственная, рѣшится въ это утро.

Когда они пришли на малую лѣстницу, онъ приказалъ имъ подождать его здѣсь. Если король попрежнему будетъ раздраженъ противъ нихъ, то всего лучше имъ незамѣтно уйти, если же король пожелаетъ ихъ видѣть, то тогда ихъ позовутъ.

Взойдя въ пріемную короля, де-Тревиль встрѣтилъ тамъ Ла-Шене, который сказалъ ему, что де-ла-Тремулля наканунѣ вечеромъ не застали дома, что онъ вернулся домой слишкомъ поздно, чтобы явиться во дворецъ, что онъ только что пришелъ и въ настоящую минуту находится у короля.

Это обстоятельство очень обрадовало де-Тревиля, который теперь могъ быть уже увѣренъ, что, послѣ свиданія съ де-ла-Тремуллемъ, король не поддастся никакому постороннему вліянію.

Не прошло и десяти минутъ, какъ двери кабинета короля отворились, и де-Тревиль увидалъ выходившаго оттуда де-ла-Тремулля, который, подойдя къ нему, сказалъ:

— Г. де-Тревиль, его величество посылалъ за мной, чтобы отъ меня узнать о вчерашнемъ происшествіи около моего отеля. Я сказалъ ему всю правду, т.-е. что вся вина на сторонѣ моихъ людей, и что я готовъ извиниться передъ вами. Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ сейчасъ. Соблаговолите же принять мое извиненіе и считайте меня навсегда однимъ изъ своихъ друзей.

— Г. де-ла-Тремулль,—отвѣчалъ де-Тревиль,—я такъ увѣренъ былъ въ вашемъ благородствѣ, что не хотѣлъ другого защитника передъ его величествомъ, кромѣ васъ самихъ. Я вижу, что не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, и радуюсь отъ глубины души, что во Франціи есть еще человѣкъ, о которомъ можно съ увѣренностью сказать, что онъ честенъ и благороденъ!

— Хорошо, хорошо,—сказалъ король, стоявшій за дверью и слышавшій обмѣнъ этихъ любезностей.—Скажите только ему, де-Тревиль, такъ какъ онъ называетъ себя вашимъ другомъ, скажите ему, что я тоже хотѣлъ бы быть его другомъ, но что онъ пренебрегаетъ мной. Скоро будетъ уже три года, какъ я его не видѣлъ, и онъ приходитъ только тогда, когда я посылаю за нимъ. Передайте ему все это отъ моего имени, потому что это такія вещи, которыя королю неловко говорить самому.

— Благодарю васъ, государь, благодарю,—проговорилъ де-ла-Тремулль,—но пусть его величество не думаетъ, что только тѣ,—я говорю въ данномъ случаѣ не про г. де-Тревиля,—что только одни тѣ, которыхъ онъ видитъ постоянно передъ собой, преданы ему больше всѣхъ.

— А! Вы, значитъ, слышали, что я говорилъ, тѣмъ лучше!—сказалъ король, появляясь въ дверяхъ.—А! и вы здѣсь де-Тревиль. Гдѣ же ваши мушкетеры. Я вамъ еще третьяго дня сказалъ, чтобы вы привели ихъ ко мнѣ. Отчего же вы этого не сдѣлали?

— Они здѣсь, внизу, и, если вашему величеству угодно, ла-Шене позоветъ ихъ сюда.

— Разумѣется, пускай они идутъ сюда сейчасъ же. Скоро восемь часовъ, а въ девять я жду гостя къ себѣ. Идите, де-ла-Тремулль, а главное, приходите опять. Де-Тревиль, войдите ко мнѣ.

Де-ла-Тремулль поклонился и вышелъ. Въ ту же минуту, какъ онъ отворялъ двери, три мушкетера и д'Артаньянъ показались на порогѣ, въ сопровожденіи ла-Шене.

— Да, и я доволенъ,— отвѣчалъ король, принимая отъ ла-Шене горсть золотыхъ и передавая ее въ руки д'Артаньяну. — Это будетъ служить доказательствомъ того, что я доволенъ.

— Пойдите сюда, мои храбрецы, — сказалъ король, — подите сюда, мнѣ нужно побранить васъ.

Всѣ четверо приблизились къ королю съ низкимъ поклономъ.

— Что жъ это, чортъ возьми, — продолжалъ король, — вы вчетверомъ успѣли укокошить семерыхъ гвардейцевъ его высокопреосвященства; это уже слишкомъ, господа! Если такъ будетъ и дальше, то его высокопреосвященству придется черезъ каждыя три недѣли набирать себѣ новыя войска, а я вынужденъ буду примѣнять указы со всею строгостью. Я понимаю еще, ну, одного, — туда сюда, я ничего бы не сказалъ, но въ два дня семерыхъ, повторяю, это слишкомъ, это черезчуръ уже много.

— Государь,—сказалъ де-Тревиль,—потому-то они и стоятъ теперь такіе опечаленные и съ полнымъ раскаяніемъ ждутъ прощенія отъ вашего величества.

— Опечаленные! Съ раскаяніемъ! Гм!.. — проговорилъ король.— Не очень-то много я довѣряю ихъ лицемѣрной наружности, особенно вонъ того молодого гасконца. Подите-ка сюда, мой милый!

Д'Артаньянъ, который догадался, что это приглашеніе относилось къ нему, вышелъ впередъ съ самымъ скромнымъ и скорбнымъ видомъ.

— Какъ же вы говорили мнѣ, что это молодой человѣкъ! Это ребенокъ, де-Тревиль, совершенный еще ребенокъ! И неужели же это онъ нанесъ такой ловкій ударъ шпагой Жюссаку?

— Да, государь, и еще два прекрасныхъ удара Бернажу.

— Удивительно!

— Не считая еще того,—прибавилъ Атосъ,—что если бы не онъ освободилъ меня изъ рукъ Бикара, то, очень вѣроятно, что я не имѣлъ бы чести въ настоящую минуту явиться съ почтительнѣйшимъ поклономъ къ вашему величеству.

— Но, въ такомъ случаѣ, вашъ беарнецъ, де-Тревиль, настоящій чортъ, головорѣзъ, какъ сказалъ бы мой отецъ. При такомъ занятіи, должно-быть, страшно рвутся камзолы, и безпрестанно ломаются шпаги. А гасконцы, кажется, всегда были не богаты, не правда ли?

— Государь,—сказалъ де-Тревиль,—я долженъ напомнить вамъ, что никто еще, дѣйствительно, не открылъ въ ихъ горахъ золотыхъ пріисковъ, хотя Господь и долженъ бы былъ, по-моему, сотворить для нихъ это чудо въ награду за то усердіе, съ какимъ они поддерживали покойнаго короля, вашего отца, при вступленіи его на престолъ.

— Другими словами, вы хотите сказать, что гасконцы сдѣлали меня королемъ, неправда ли, де-Тревиль, такъ какъ я сынъ своего отца? Ну, что же, пусть будетъ такъ, я не отрицаю этого. Ла-Шене, пойдите-ка поищите у меня по всѣмъ карманамъ, не найдете ли вы тамъ сорока пистолей. Если наберете, такъ принесите ихъ мнѣ. Ну, а теперь молодой человѣкъ, разскажите-ка мнѣ по чистой совѣсти, какъ все это случилось.

Д'Артаньянъ разсказалъ вчерашнее приключеніе со всѣми подробностями. Разсказалъ онъ, какъ не могъ онъ заснуть цѣлую ночь, взволнованный той радостной мыслью, что на другой день увидить своего короля; какъ онъ пришелъ утромъ къ своимъ новымъ друзьямъ за три часа до назначенной аудіенціи; какъ они вчетверомъ пошли въ игорный домъ; какъ мячикъ, пущенный Портосомъ, едва не попалъ ему въ лицо, послѣ чего онъ отказался играть; какъ за это посмѣялся надъ нимъ Бернажу и едва не поплатился жизнью за свой смѣхъ, а де-ла-Тремулль, ни въ чемъ тутъ неповинный, едва не лишился своего отеля.

— Это именно такъ, — приговаривалъ король. — Да, совершенно то же самое разсказывалъ мнѣ и Тремулль. Бѣдный кардиналъ! Въ два дня потерять семь человѣкъ, да еще самыхъ выдающихся! Но довольно этого, господа! Слышите, довольно: вы отомстили за улицу Феру и даже съ лихвой, вы должны быть удовлетворены и довольны.

— Если ваше величество довольны, то и мы тоже, — сказалъ де-Тревиль.

— Да, я доволенъ, — отвѣчалъ король, принимая отъ ла-Шене горсть золотыхъ и передавая ее въ руки д'Артаньяну.—Это будетъ служить доказательствомъ того, что я доволенъ.

Въ тѣ славныя времена понятія о гордости, о самолюбіи, которыя вошли въ моду въ настоящее время, имѣли совершенно другой характеръ.

Изъ рукъ короля дворянинъ могъ смѣло принять деньги, нисколько не считая это для себя унизительнымъ и обиднымъ. Вотъ почему д'Ар-

таньянъ, нисколько не смущаясь, положилъ въ карманъ эти сорокъ пистолей, поблагодаривъ только его величество за подарокъ.

— Ай, ай, — сказалъ король, взглянувъ на часы, — половина уже девятаго, ступайте, господа, домой. Въ девять часовъ, какъ я уже говорилъ вамъ, я жду къ себѣ кое-кого. Благодарю васъ, господа. Значитъ, и впредь я могу положиться на васъ?

— О, государь!— въ одинъ голосъ вскричали всѣ четверо.—За ваше величество мы готовы отдать себя изрѣзать на куски.

— Хорошо, хорошо, оставайтесь лучше цѣлы, это будетъ много лучше и для меня полезнѣе. Тревиль,—сказалъ вполголоса король, пока тѣ уходили, — у васъ вѣдь въ полку нѣтъ вакансій, да и къ тому же мы вѣдь рѣшили прежде, чѣмъ производить въ мушкетеры, подвергать хорошему испытанію, такъ помѣстите этого молодого человѣка въ роту гвардейцевъ де-Зессара, вашего двоюроднаго брата. Ахъ, да, Тревиль! Честное слово, мнѣ дѣлается весело, какъ только представлю себѣ гримасу, которую состроитъ кардиналъ, узнавъ обо всемъ этомъ: онъ прямо придетъ въ бѣшенство, но мнѣ это все равно—я правъ.

Затѣмъ король знакомъ руки простился съ де-Тревилемъ. Де-Тревиль вышелъ и нашелъ своихъ мушкетеровъ на лѣстницѣ, дѣлившихъ между собой сорокъ пистолей, полученныхъ д'Артаньяномъ отъ короля.

Кардиналъ же былъ, какъ и предсказалъ король, дѣйствительно взбѣшенъ, такъ взбѣшенъ, что въ продолженіе цѣлыхъ восьми дней не ходилъ играть къ королю. Это не мѣшало, однако, королю быть съ нимъ утонченно любезнымъ и при каждой встрѣчѣ спрашивать его съ самой очаровательной улыбкой и самымъ ласковымъ голосомъ:

— Ну, что, мой дорогой кардиналъ, какъ здоровье бѣднаго Бернажу, какъ себя чувствуетъ бѣдный Жюссакъ, которые тамъ преданы вашему высокопреосвященству?

Глава VII.

Домашняя жизнь мушкетеровъ.

Когда д'Артаньянъ вышелъ изъ Лувра и спросилъ совѣта у своихъ новыхъ друзей, какъ лучше употребить ему свою часть изъ сорока пистолей, Атосъ посовѣтовалъ ему заказать хорошій обѣдъ въ Помъ-де-Пенъ, Портосъ — нанять порядочнаго лакея, а Арамисъ — обзавестись приличной любовницей.

Обѣдъ состоялся въ тотъ же самый день, и за столомъ прислуживалъ новый слуга. Обѣдъ былъ заказанъ Атосомъ, а лакея доставилъ Портосъ. Это былъ пикардіецъ, котораго воинственный мушкетеръ увидалъ въ тотъ же самый день на мосту ла-Туркель, когда тотъ, облокотившись на перила, плевалъ въ воду и любовался на кружки, которые расходились отъ его плевковъ. Портосъ сообразилъ, что занятіе это безусловно обнаруживало въ немъ наблюдательный и разсудительный умъ, и привелъ его безъ всякой другой рекомендаціи. Величественный видъ мушкетера, который, какъ полагалъ пикардіецъ, нанималъ его для себя, соблазнилъ Планше,—такъ звали пикардійца, и онъ, не раздумывая, согласился идти къ нему въ услуженіе. Узнавъ же, что мѣсто это уже было занято его

собратомъ, по имени Мускетонъ, Пляншe былъ немного разочарованъ. Портосъ объяснилъ ему, что хотя его домашнее хозяйство и поставлено на очень широкую ногу, но онъ не нуждается въ двухъ слугахъ, а что онъ, Пляншe, долженъ поступить въ услуженіе къ господину д'Артаньяну. Когда Пляншe, прислуживавшій за обѣдомъ, даннымъ его новымъ господиномъ, увидалъ, что этотъ послѣдній, расплачиваясь съ хозяиномъ гостиницы, вытащилъ изъ кармана цѣлую горсть золота,—онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и благословлялъ судьбу, что такъ удачно попалъ въ услуженіе къ такому Крезу. Веселое настроеніе его закончилось, впрочемъ, вмѣстѣ съ обѣдомъ, за которымъ онъ все-таки успѣлъ вознаградить себя за долгій постъ. Когда вечеромъ послѣ обѣда Пляншe принялся приготовлять постель своего господина, его радужныя мечты разлетѣлись въ прахъ. Кровать была единственнымъ украшеніемъ пустой квартиры, состоявшей всего только изъ передней и спальной. Пляншe принужденъ былъ лечь въ передней на полу, подославъ лишь себѣ одѣяло съ постели своего барина, который съ этихъ поръ сталъ обходиться безъ этой необходимой принадлежности ночного отдыха.

Атосъ имѣлъ слугу, котораго онъ выдрессировалъ на свой особенный ладъ, и котораго звали Гримо. Онъ всегда говорилъ очень мало, какъ настоящій баринъ—понятно, что мы говоримъ объ Атосѣ. Въ теченіе шести или семи лѣтъ самой тѣсной дружбы, ни Арамисъ ни Портосъ не видали, чтобы онъ смѣялся: онъ только иногда улыбался и больше ничего. Говорилъ онъ всегда кратко и точно, выражая всегда только то, что хотѣлъ сказать, и ничего болѣе, безъ прикрасъ, прибаутокъ и намековъ. Въ разговорѣ онъ всегда только передавалъ фактъ, безъ всякихъ не относящихся прямо къ дѣлу разсказовъ.

Хотя Атосу было не болѣе тридцати лѣтъ и онъ былъ замѣчательно красивъ и хорошо сложенъ, никто не могъ сказать, что у него есть любовница. Самъ онъ никогда не заводилъ разговора о женщинахъ. Онъ только не мѣшалъ другимъ говорить объ этомъ при себѣ, хотя легко можно было замѣтить, что подобный разговоръ, гдѣ онъ только изрѣдка вставлялъ свои колкія замѣчанія, былъ далеко не въ его вкусѣ. Скромность его, замкнутость и неразговорчивость дѣлали изъ него почти старика. Чтобы не измѣнять своей привычкѣ,—не тратить словъ даромъ, онъ пріучилъ своего Гримо понимать его жесты и догадываться о его желаніи по одному движенію губъ. Онъ говорилъ со своимъ слугой только при крайней необходимости. Случалось, что Гримо, боявшійся, какъ огня, своего господина, но въ то же время питавшій къ нему безпредѣльную преданность и уваженіе, думая, что онъ вполнѣ угадалъ желаніе своего барина, кидался со всѣмъ рвеніемъ, чтобы исполнить какое-нибудь приказаніе, и какъ разъ дѣлалъ что-нибудь совершенно противоположное. Въ такихъ случаяхъ Атосъ хладнокровно пожималъ плечами и наказывалъ Гримо.

Портосъ, какъ можно было уже замѣтить, былъ полная противоположность Атосу по своему характеру. Онъ всегда говорилъ и много и громко. Ему было рѣшительно все равно: слушаютъ ли его или нѣтъ,—онъ говорилъ изъ одного только желанія говорить и всѣхъ больше любилъ слушить себя самъ. Обыкновенно, онъ принимался говорять рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ, исключая только области наукъ, гдѣ онъ, по собственному признанію, ничего не разумѣлъ, такъ какъ съ

дѣтства чувствовалъ непреодолимое отвращеніе ко всякимъ наукамъ. Наружность его была все-таки не такъ великолѣпна, какъ у Атоса, и вначалѣ ихъ знакомства Портосъ не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго чувства зависти къ своему красивому товарищу и часто былъ несправедливъ къ нему, изо всѣхъ силъ стараясь перещеголять его своими роскошными костюмами. Но стоило только Атосу показаться, хотя въ обыкновенномъ кафтанѣ мушкетера, но со своей красивой, гордо и увѣренно приподнятой головой, какъ тщеславный Портосъ отступалъ непремѣнно на второй планъ, а Атосъ занималъ первенствующее мѣсто. Портосъ вознаграждалъ всегда себя только тѣмъ, что въ пріемной де-Тревиля и въ Луврскихъ казармахъ безъ умолку разсказывалъ всѣмъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и успѣхахъ у женщинъ; Атосъ же никогда не заговаривалъ даже о подобныхъ вещахъ. Вначалѣ, когда Портосъ только что поступилъ на военную службу, героинями его романовъ были женщины все простого сословія, затѣмъ постепенно онъ добрался и до баронессъ, а въ настоящее время рѣчь шла ни больше ни меньше, какъ объ одной иностранной принцессѣ, которая сгорала желаніемъ подарить ему свое колоссальное состояніе.

Это былъ пикардіецъ, котораго мушкетеръ увидалъ на мосту ла-Турнель, когда тотъ, облокотившись на перила, плевалъ въ воду.

Старая пословица говоритъ: „каковъ баринъ, таковъ и слуга". Перейдемъ же теперь къ слугѣ Портоса Мускетону.

Мускетонъ былъ нормандецъ. Настоящее имя его было Бонифасъ, но его баринъ перемѣнилъ ему это слишкомъ обыкновенное имя на болѣе звучное—Мускетонъ. Поступилъ онъ на службу къ Портосу безъ всякаго жалованья. Отъ барина онъ получалъ только квартиру и платье. Правда, и платье и квартира у него были прекрасные, но зато все остальное, необходимое для своего существованія, онъ долженъ былъ добывать уже самъ, для чего выговорилъ себѣ всего два часа въ сутки. Портосъ ничего не имѣлъ противъ этого условія. Ему это было во всѣхъ отношеніяхъ удобно. Онъ отдавалъ передѣлывать свое старое

платье и плащи на камзолы для Мускетона, и, благодаря очень ловкому и искусному портному, который, вывернувъ наизнанку все это старое передѣлывалъ его заново (жену этого портного подозрѣвали въ нѣкоторой склонности къ Портосу), Мускетонъ, какъ и его баринъ, имѣлъ всегда приличный и даже нарядный видъ.

Перейдемъ теперь къ Арамису. Впрочемъ, съ характеромъ его мы, кажется, уже достаточно знакомы, да къ тому же во все продолженіе этого разсказа мы будемъ имѣть возможность прекрасно прослѣдить какъ его собственный, такъ и характеры его товарищей.

Лакея Арамиса звали Базеномъ. Въ виду того, что баринъ его имѣлъ твердое намѣреніе въ недалекомъ будущемъ принять постриженіе въ монахи, онъ всегда былъ одѣтъ во все черное, какъ и подобаетъ слугѣ духовнаго лица. Это былъ толстый берріецъ, лѣтъ тридцати пяти или сорока, кроткій, спокойный, и въ свободное время занимавшійся чтеніемъ благочестивыхъ книгъ. Онъ обладалъ прекрасной способностью почти изъ ничего приготовлять прекрасный обѣдъ для двоихъ. Ко всѣмъ своимъ достоинствамъ онъ былъ, когда нужно, нѣмъ, глухъ, слѣпъ и вѣрности испытанной.

Въ такихъ случаяхъ Атосъ хладнокровно пожималъ плечами и наказывалъ Гримо.

Теперь, когда мы слегка познакомились съ господами и ихъ слугами, перейдемъ къ описанію ихъ жилищъ.

Атосъ жилъ на улицѣ Феру, въ двухъ шагахъ отъ Луксенбурга. Квартира его состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, замѣчательно чисто и уютно обставленныхъ. Хозяйка дома была женщина еще молодая и, дѣйствительно, очень красивая. Она безуспѣшно строила глазки своему красивому жильцу: онъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Нѣкоторые остатки прежней роскоши виднѣлись еще кое-гдѣ на стѣнахъ этого скромнаго жилища. Напримѣръ, шпага съ богатой золотой насѣчкой, принадлежавшая, судя по ея формѣ, ко временамъ царствованія Франциска I, одна рукоятка которой, покрытая сплошь драгоцѣнными камнями, могла стоитъ не менѣе двухсотъ пистолей, и которую, тѣмъ не менѣе, даже въ самыя трудныя минуты своей жизни Атосъ не соглашался ни продать ни заложить. Эта шпага очень долго возбуждала сильную зависть Портоса. Онъ отдалъ бы лѣтъ, по крайней мѣрѣ, десять, чтобы обладать такою фамильною драгоцѣнностью.

Какъ-то разъ, собираясь на свиданіе съ какою-то принцессою, онъ попросилъ ее у Атоса на время. Атосъ, въ отвѣтъ на эту просьбу, молча опросталъ свои карманы, снялъ съ себя всѣ дорогія вещи, бывшія на немъ, аксельбанты, золотую цѣпочку, кошелекъ и все это предложилъ Портосу, а относительно шпаги сказалъ, что она припечатана къ стѣнѣ и не должна быть съ нея снята до тѣхъ самыхъ поръ, пока ея хозяинъ самъ не оставитъ свою квартиру. Кромѣ шпаги въ комнатѣ Атоса висѣлъ еще портретъ, изображавшій какого-то вельможу временъ Генриха III, въ пышномъ и изящномъ костюмѣ, съ орденомъ Святого Духа. Этотъ портретъ весьма напоминалъ лицо Атоса, между ними было, что называется, фамильное сходство, изъ чего можно было заключить, что этотъ величественный вельможа, кавалеръ королевскихъ орденовъ, былъ его предокъ.

Наконецъ, на каминѣ по самой серединѣ стояла золоченая шкатулка дивной работы съ такимъ же гербомъ, какъ на шпагѣ и на портретѣ, составлявшая рѣзкій контрастъ со скромнымъ убранствомъ всей квартиры. Атосъ носилъ постоянно при себѣ ключъ отъ этой шкатулки. Разъ какъ-то онъ открылъ ее при Портосѣ, и Портосъ могъ ясно замѣтить, что она наполнена была сплошь письмами и бумагами. Быть-можетъ, то были любовныя письма или фамильныя бумаги.

Портосъ занималъ очень большую квартиру на улицѣ „Старой Голубятни". Каждый разъ, какъ онъ проходилъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ знакомыхъ мимо оконъ своей квартиры, гдѣ у дверей всегда стоялъ Мускетонъ въ парадной ливреѣ, Портосъ гордо показывалъ рукой на рядъ оконъ и говорилъ: „Вотъ моя квартира!" Впрочемъ, дома его никогда нельзя было застать. Онъ никогда никого не приглашалъ къ себѣ въ гости, и никто еще до сихъ поръ не могъ себѣ составить яснаго представленія о томъ, какія же на самомъ дѣлѣ сокровища и богатства вмѣщала въ себѣ эта на видъ роскошная квартира.

Арамисъ занималъ маленькую квартиру, состоявшую изъ будуара, столовой и спальни. Послѣдняя, какъ и вся, впрочемъ, квартира, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ и окнами выходила въ маленькій, густой, зеленый и тѣнистый садъ, непроницаемый для любопытныхъ глазъ сосѣдей.

Какъ устроился д'Артаньянъ—мы уже знаемъ, а также познакомились уже и съ его новымъ слугой — Плянше.

Д'Артаньянъ отъ природы былъ очень любознателенъ, какъ, впрочемъ, и всѣ люди, любящіе всевозможныя приключенія. Онъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы узнать, что за люди въ дѣйствительности были Атосъ, Портосъ и Арамисъ. Онъ отлично понималъ, что подъ этими несомнѣнно вымышленными именами молодые люди скрывали свои настоящія дворянскія фамиліи, въ особенности это было несомнѣнно по отношенію къ Атосу, въ которомъ аристократъ чувствовался за цѣлую версту. Съ этою цѣлью д'Артаньянъ обратился съ разспросами къ Портосу, чтобы узнать что нибудь про Атоса и Арамиса, а къ Арамису, чтобы узнать что нибудь про Портоса.

Къ несчастью, Портосъ о своемъ молчаливомъ товарищѣ зналъ только то же, что и всѣ. Ходили какіе-то слухи, что будто Атосъ былъ очень несчастливъ въ любви, и какая-то ужасная измѣна навсегда отра-

вила жизнь этого молодого еще человѣка. Что это была за измѣна? — Никто этого не зналъ.

Портосъ, настоящее имя котораго, равно какъ и имена двухъ его товарищей, было извѣстно одному только де-Тревилю, не представлялъ

Портосъ и его слуга Мускегонъ.

изъ себя ничего таинственнаго. Тщеславный, болтливый, онъ весь былъ какъ на ладони. Единственно, что могло бы ввести въ заблужденіе наблюдателя, это—если бы онъ вѣрилъ всему, что Портосъ разсказывалъ про себя.

Арамисъ, на первый взглядъ не имѣвшій никакихъ тайнъ, былъ, въ дѣйствительности, окруженъ большой таинственностью. Онъ всегда съ

охотой отвѣчалъ на вопросы, которые ему предлагали относительно другихъ и всегда ловко увертывался отъ отвѣта, когда его спрашивали что-нибудь, касающееся его особы. Однажды, д'Артаньянъ, разспрашивая его о Портосѣ и узнавши отъ него, что Портосъ съ большимъ успѣхомъ ухаживаетъ теперь за какой-то принцессой, захотѣлъ узнать также кое что о любовныхъ похожденіяхъ своего собесѣдника и спросилъ Арамиса.

— Вы столько разсказываете о чужихъ графиняхъ, баронессахъ и принцессахъ, любезный товарищъ, что мнѣ хотѣлось бы знать, какъ идутъ ваши собственныя дѣла по этой части?

— Извините меня,—отвѣчалъ Арамисъ,—я разсказалъ вамъ только то, что самъ Портосъ говорилъ при мнѣ во всеуслышаніе о своихъ любовныхъ приключеніяхъ. Но повѣрьте, любезный д'Артаньянъ, что если бы я узналъ объ этомъ изъ другого источника, или если бы онъ самъ довѣрилъ мнѣ все это, то врядъ ли бы нашелся другой духовникъ скромнѣе меня въ этомъ случаѣ.

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ,—возразилъ д'Артаньянъ,—но мнѣ кажется, что и сами вы довольно коротко знакомы съ нѣкоторыми знатными дамами, доказательствомъ чему служитъ тотъ вышитый платокъ, которому я обязанъ удовольствіемъ быть знакомымъ съ вами.

На этотъ разъ Арамисъ нисколько не разсердился и съ самымъ скромнымъ видомъ отвѣтилъ дружескимъ тономъ.

— Не забывайте, мой милый, что я собираюсь сдѣлаться въ скоромъ времени служителемъ церкви и что по одному уже этому я долженъ избѣгать всякихъ подобныхъ приключеній. Платокъ, который вы видѣли у меня, вовсе не былъ мнѣ подаренъ,—просто-напросто его забылъ у меня одинъ изъ моихъ друзей. Я принужденъ былъ спрятать его, чтобы не скомпрометировать ту даму, которую любитъ онъ. Я самъ не имѣю и не собираюсь обзаводиться любовницей, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру въ высшей степени благоразумнаго Атоса, у котораго такъ же, какъ и у меня, нѣтъ любовницы.

— Но, чортъ возьми, пока еще вѣдь вы мушкетеръ, а не аббатъ?

— Мушкетеръ только на время, дорогой мой, какъ выражается кардиналъ, мушкетеръ поневолѣ, но душой я, повѣрьте, всецѣло принадлежу церкви. Атосъ и Портосъ втянули меня въ эту жизнь, чтобы развлечь меня: въ то самое время, какъ меня чуть чуть уже не постригли въ монахи, встрѣтилось небольшое затрудненіе по поводу... Но это нисколько не интересуетъ васъ, а я только отнимаю у васъ драгоцѣнное время.

— Напротивъ, это меня очень интересуетъ!—вскричалъ д'Артаньянъ,—а въ настоящую минуту я рѣшительно свободенъ и никуда не тороплюсь.

— Да, но мнѣ еще нужно прочитать требникъ,—отвѣчалъ Арамисъ,—затѣмъ еще нужно написать стихи, о которыхъ меня просила госпожа д'Егилльонъ, потомъ мнѣ еще нужно сходить на улицу Сентъ-Оноре купить румянъ для госпожи де-Шеврезъ. Такимъ образомъ, мой милый другъ, вы видите, что если не вы, то я очень спѣшу.

Арамисъ дружески протянулъ руку своему молодому пріятелю и простился съ нимъ.

Такимъ образомъ, д'Артаньянъ, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ узнать ничего интереснаго о своихъ новыхъ товарищахъ, а потому, онъ и рѣшилъ, что пока будетъ самое лучшее—принять къ свѣдѣнію все

что про нихъ говорятъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлать болѣе вѣрныя и точныя заключенія уже по собственному наблюденію. Теперь Атосъ представлялся ему Ахилломъ, Портосъ—Аяксомъ, а Арамисъ—Іосифомъ.

Нельзя сказать, чтобы жизнь молодыхъ людей проходила очень уже скучно. Атосъ любилъ играть и игралъ всегда несчастливо. Несмотря на то, онъ никогда ни копейки не занималъ у своихъ друзей, а собственный его кошелекъ всегда былъ къ ихъ услугамъ. Когда случалось ему проиграть, не имѣя денегъ, чтобы сейчасъ же расплатиться, онъ всегда приходилъ на другое утро будить своего кредитора чуть не въ шесть часовъ, чтобы заплатить ему долгъ, сдѣланный наканунѣ.

Портосъ любилъ тоже поиграть. Если случалось, что онъ выигрывалъ, онъ роскошничалъ, кидалъ деньги направо и налѣво и дѣлался заносчивъ. Если же проигрывалъ, то пропадалъ подъ рядъ нѣсколько дней и потомъ снова появлялся съ блѣднымъ, вытянувшимся лицомъ, но съ деньгами въ карманѣ.

Арамисъ никогда не садился играть. Онъ не особенно увлекался службой и былъ довольно плохой мушкетеръ. Какъ сотоварищъ и собутыльникъ, онъ тоже не годился никуда. Онъ вѣчно былъ занятъ какимъ нибудь дѣломъ. Случалось, что среди самаго веселаго товарищескаго обѣда, когда всѣ, разгоряченные виномъ, вели самый оживленный разговоръ и расположились провести за столомъ еще два-три часа, Арамисъ, взглянувъ на часы, вставалъ и съ самой любезной улыбкой прощался съ веселымъ обществомъ, чтобы пойти, какъ онъ говорилъ, посовѣтоваться съ какимъ нибудь богословомъ, съ которымъ у него назначено свиданіе. Иной разъ онъ отговаривался тѣмъ, что ему необходимо дома писать какую-то диссертацію и въ такомъ случаѣ просилъ товарищей не развлекать его и не приходить къ нему въ это время. Въ такихъ случаяхъ Атосъ только улыбался своей прекрасной улыбкой, которая такъ шла къ его благородной внѣшности, а Портосъ, попивая вино, божился, что Арамисъ никогда не пошелъ бы дальше приходского священника.

Планше, слуга д'Артаньяна, въ первые дни велъ себя довольно хорошо. Онъ получалъ тридцать су въ день и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца чувствовалъ себя прекрасно, находясь почти постоянно навеселѣ. Но, какъ только подулъ противный вѣтеръ, и счастливые дни миновали въ квартирѣ на улицѣ Могильщиковъ, т.-е. когда сорокъ пистолей короля Людовика XIII изсякли, или почти что изсякли, со стороны Планше начались жалобы, которыя Атосъ находилъ дерзкими, Портосъ—неприличными, а Арамисъ—смѣшными. Атосъ совѣтовалъ прогнать грубіяна, Портосъ полагалъ проучить его сначала хорошенько, а Арамисъ утверждалъ, что всякій баринъ долженъ выслушать отъ слуги только пріятныя для себя вещи, а на все остальное не обращать вниманія.

— Легко вамъ, господа, такъ разсуждать обо всемъ этомъ,—сказалъ имъ д'Артаньянъ.—У васъ, Атосъ, есть Гримо, который понимаетъ васъ съ полуслова, не смѣетъ вступать съ вами въ разговоръ, а слѣдовательно, и не можетъ надоѣдать вамъ никакими жалобами; вы, Портосъ, ведете такой роскошный образъ жизни, что вашъ Мускетонъ смотритъ на васъ, какъ на какое-то божество; а вы, Арамисъ, такъ всегда поглощены вашими богословскими занятіями, а вашъ Базенъ такой кроткій и религіозный человѣкъ, что между вами не можетъ быть никакихъ недора-

зумѣній. У меня же нѣтъ прочнаго, опредѣленнаго положенія, нѣтъ средствъ, я не мушкетеръ и даже еще не гвардеецъ! Что я могу сдѣлать, чтобы внушить этому негодному Планше страхъ и уваженіе къ своей особѣ?

— Да, дѣло все-таки серіозное,—отвѣчали три друга.—Слугу, какъ и женщину надо всегда съ перваго раза поставить такъ, чтобы они чувствовали надъ собой твердую руку. Это слѣдуетъ обдумать хорошенько.

Теперь пришла очередь Атосу, Партосу и Арамису ходить для компаніи съ д'Артаньяномъ въ караулъ, когда онъ бывалъ дежурнымъ.

Д'Артаньянъ подумалъ хорошенько и рѣшилъ, что самое лучшее и вѣрное средство—это покрѣпче наказать Планше, что онъ и привелъ въ исполненіе такъ же добросовѣстно, какъ дѣлалъ и все. Расправившись съ нимъ по-свойски, д'Артаньянъ запретилъ ему и думать даже оставить свою службу безъ его, д'Артаньяна, на то позволенія.

— Потому что,—прибавилъ онъ,—положеніе мое, во всякомъ случаѣ, должно скоро измѣниться къ лучшему. Твое положеніе тоже тогда будетъ обезпечено, разъ ты останешься у меня жить. Я слишкомъ добръ для того, чтобы лишать тебя того счастья, которое ждетъ тебя въ

этомъ случаѣ, и отъ котораго ты самъ по глупости своей отказываешься.

Этотъ мудрый судъ внушилъ мушкетерамъ большое уваженіе къ распорядительности д'Артаньяна. Даже самъ Планше остался доволенъ и больше уже и не заикался о своемъ желаніи уйти отъ своего барина.

Молодые люди зажили общей жизнью. Такъ какъ д'Артаньянъ, пріѣхавшій изъ глухой провинціи, не успѣлъ еще усвоить себѣ никакихъ привычекъ, соотвѣтствующихъ его будущему положенію, то ему не оставалось ничего болѣе, какъ перенять всѣ привычки у своихъ новыхъ друзей.

Зимою они вставали въ 8 часовъ, а лѣтомъ въ 6, и, вставши, тотчасъ же шли за приказаніями и, якобы по дѣламъ, къ де-Тревилю.

Д'Артаньянъ, хотя и не былъ еще мушкетеромъ, а несъ уже мушкетерскую службу съ трогательной пунктуальностью: онъ почти постоянно находился въ караулѣ, потому что ради компаніи проводилъ время въ дежурной каждый разъ, какъ одинъ изъ его друзей назначался въ караулъ. Всѣ признали его въ казармахъ и всѣ считали за хорошаго товарища. Де-Тревиль, съ перваго взгляда оцѣнившій его и почувствовавшій къ нему искреннее расположеніе, постоянно напоминалъ о немъ королю.

Три мушкетера, въ свою очередь, очень полюбили молодого человѣка. Самая искренняя дружба связала этихъ четырехъ товарищей. Они безпрестанно бѣгали другъ къ другу, то по какимъ-нибудь дѣламъ, то по поводу дуэли, то чтобы вмѣстѣ повеселиться гдѣ-нибудь, и видались раза 3, 4 на день. Они, дѣйствительно, были почти неразлучны, и ихъ зачастую можно было встрѣтить всѣхъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь по дорогѣ отъ Люксенбурга къ площади св. Сюльпиція или отъ улицы Старой Голубятни къ Люксенбургу.

Де-Тревиль сдержалъ вскорѣ свое обѣщаніе. Въ одинъ прекрасный день король отдалъ приказъ капитану Дезессару принять д'Артаньяна въ свою гвардейскую роту младшимъ офицеромъ. Д'Артаньянъ надѣлъ этотъ мундиръ вздыхая. Онъ готовъ былъ отдать десять лѣтъ своей жизни, чтобы промѣнять этотъ мундиръ на мундиръ мушкетера. Но де-Тревиль обѣщалъ ему эту милость только послѣ двухлѣтней службы. Впрочемъ, этотъ срокъ могъ быть и сокращенъ, если бы д'Артаньяну представился вскорѣ случай оказать королю какую-нибудь важную услугу или совершить какой-нибудь выдающійся подвигъ.

Д'Артаньянъ все-таки утѣшился немного этимъ обѣщаніемъ и ревностно принялся за свою новую службу. Теперь пришла очередь Атосу, Портосу и Арамису ходить для компаніи съ д'Артаньяномъ въ караулъ, когда онъ бывалъ дежурнымъ. Вышло такимъ образомъ, что капитанъ Дезессаръ, принявъ къ себѣ на службу д'Артаньяна, увеличилъ свою роту не однимъ, а сразу четырьмя офицерами.

Глава VIII.

Придворная интрига.

Пришло скоро время, когда сорокъ пистолей короля Людовика XIII, какъ и все на свѣтѣ, имѣя начало, имѣли и конецъ; и когда пришелъ этотъ конецъ, наши четыре товарища попали въ весьма затруднительное

положеніе. Сначала Атосъ нѣкоторое время поддерживалъ всю компанію своими средствами. Его мѣсто заступилъ Портосъ и, благодаря одному изъ его исчезновеній, къ которымъ всѣ уже привыкли, помогалъ всѣмъ еще дней пятнадцать. Наконецъ, пришла очередь и Арамиса. Ему удалось, какъ онъ разсказывалъ, добыть нѣсколько пистолей, продавъ коекакія свои богословскія книги. Эти деньги онъ любезно раздѣлилъ со своими товарищами. Когда вышли и эти деньги, пришлось прибѣгнуть, какъ обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ, къ помощи де-Тревиля, который и выдалъ немного денегъ впередъ въ счетъ жалованья. Но эти незначительныя суммы не могли, разумѣется, надолго поддержать трехъ мушкетеровъ, имѣвшихъ уже много долговъ, и гвардейца, который, впрочемъ, еще не успѣлъ ихъ надѣлать.

Насталъ, наконецъ, тотъ непріятный день, когда пріятели увидали, что скоро не останется у нихъ болѣе ни одной полушки. Они собрали не безъ труда восемь или десять пистолей, передали ихъ Портосу и послали его въ игорный домъ испытать счастье. Но тамъ ему не повезло, онъ проигралъ всѣ переданныя ему товарищами деньги и сверхъ того остался еще долженъ на слово двадцать пять пистолей.

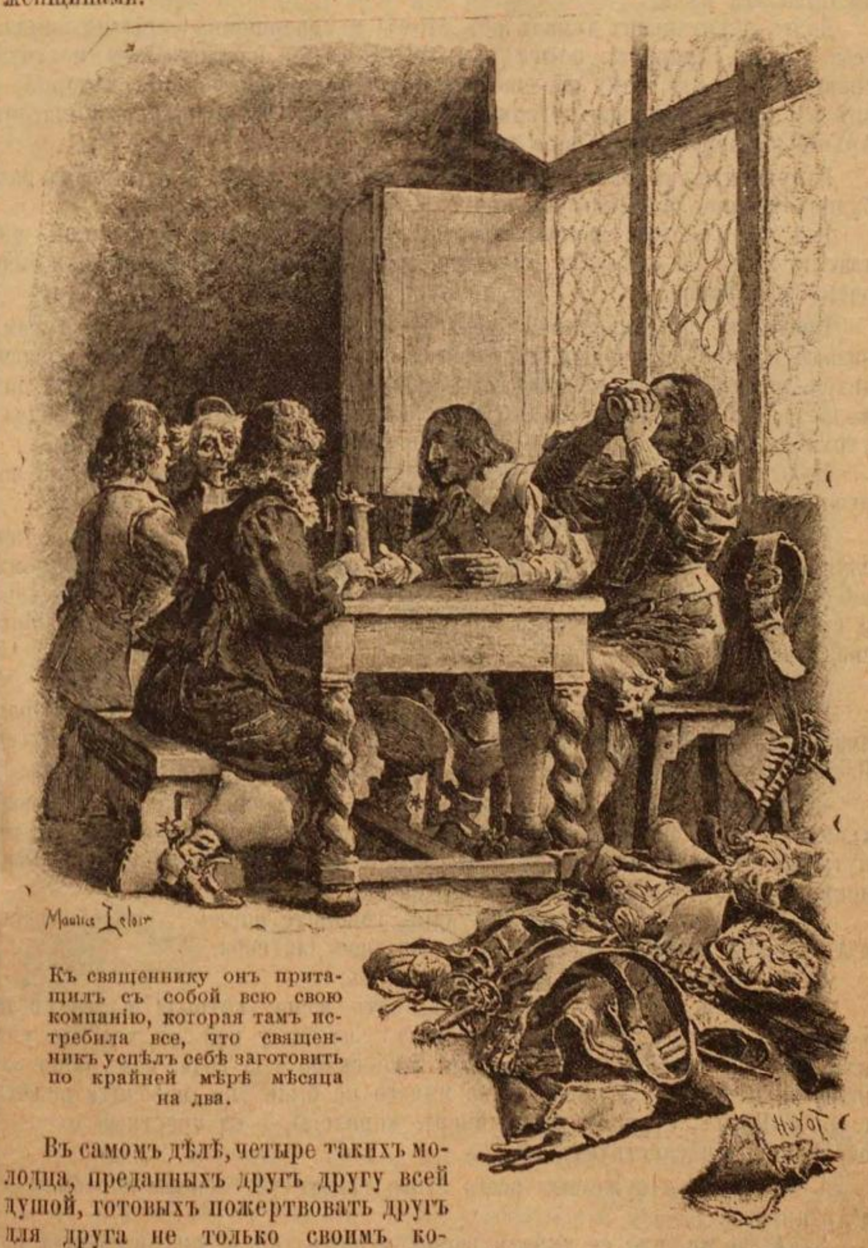
Тутъ уже положеніе молодыхъ людей стало поистинѣ безвыходнымъ. Пришлось имъ теперь жить почти впроголодь и разыскивать знакомыхъ, у которыхъ можно бы было пообѣдать и накормить своихъ слугъ. По мнѣнію Арамиса, въ хорошія времена слѣдовало угощать обѣдами всѣхъ, кого ни попало, направо и налѣво, чтобы во времена, болѣе скудныя и затруднительныя, не стыдно бы было и самимъ пообѣдать гдѣ-нибудь въ гостяхъ.

Атосъ получилъ приглашенія на четыре обѣда и каждый разъ приводилъ съ собой своихъ трехъ друзей и ихъ слугъ. Портосъ имѣлъ уже шесть приглашеній и точно также доставилъ своимъ товарищамъ возможность насытить свои желудки даромъ. Арамисъ досталъ себѣ восемь приглашеній. Какъ уже можно было замѣтить, это былъ человѣкъ, который говорилъ мало, но дѣлалъ много.

Д'Артаньянъ ни съ кѣмъ еще не успѣлъ познакомиться въ столицѣ и всего только одинъ разъ позавтракалъ въ гостяхъ, да и завтракъ весь состоялъ изъ шоколада, — у священника изъ своего села, да разъ еще пообѣдалъ у одного гвардейскаго корнета. Къ священнику онъ притащилъ съ собой всю свою компанію, которая тамъ истребила все, что священникъ успѣлъ себѣ заготовить по крайней мѣрѣ мѣсяца на два. Корнетъ угостилъ всѣхъ на славу. Но, хотя всего на этихъ обѣдахъ было и вдоволь, какъ говорилъ Планше, но никакъ нельзя было наѣсться больше, какъ на одинъ день.

Д'Артаньянъ чувствовалъ себя очень неловко тѣмъ, что могъ предложить своимъ товарищамъ только полтора обѣда, такъ какъ завтракъ у священника никакъ нельзя было считать больше, какъ за полъ-обѣда. Эти полтора обѣда были ничто, въ сравненіи съ пирами, которыми угостили его только-что Атосъ, Портосъ и Арамисъ. Д'Артаньянъ считалъ себя въ глубинѣ своей души въ тягость своимъ товарищамъ, добродушно забывая, что въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца кормилъ всю компанію на деньги, полученныя отъ короля лично для себя, и вотъ онъ сталъ раздумывать, какъ бы помочь горю. Ему пришло въ голову, что у четырехъ такихъ молодыхъ людей, какъ они, храбрыхъ, дѣятельныхъ, пред-

пріимчивыхъ, не можетъ же быть, въ самомъ дѣлѣ, одна только цѣль въ жизни, чтобы быть постоянно навеселѣ, драться и бѣгать за женщинами.

Къ священнику онъ притащилъ съ собой всю свою компанію, которая тамъ истребила все, что священникъ успѣлъ себѣ заготовить по крайней мѣрѣ мѣсяца на два.

Въ самомъ дѣлѣ, четыре такихъ молодца, преданныхъ другъ другу всей душой, готовыхъ пожертвовать другъ для друга не только своимъ кошелькомъ, но и жизнью; четверо человѣкъ, готовыхъ всегда поддержать другъ друга въ минуту опасности, не отступающихъ ни передъ какими препятствіями, всегда твердо исполняющихъ рѣшеніе, принятое сообща; четыре пары рукъ, грозно обращенныхъ къ четыремъ частямъ свѣта,—

непремѣнно должны тайно или явно, хитростью или силой пробить себѣ дорогу къ болѣе возвышенной цѣли, какъ бы трудна и какъ бы далека ни была эта цѣль.

Долго д'Артаньянъ думалъ объ этомъ и совершенно серіозно ломалъ себѣ голову, стараясь найти эту цѣль, чтобы оживить эту могучую спящую силу, къ тому же еще учетверенную, при помощи которой,— онъ въ томъ нисколько не сомнѣвался,— можно бы было, какъ рычагомъ Архимеда, перевернуть весь свѣтъ.

Вдругъ кто-то тихо постучалъ къ нему въ дверь. Д'Артаньянъ разбудилъ Планше и приказалъ ему отворить.

Изъ того обстоятельства, что д'Артаньянъ разбудилъ Планше, читателю вовсе не слѣдуетъ выводить заключеніе, что была ночь или было очень еще рано.

Нисколько! Пробило всего только четыре часа дня. Два часа тому назадъ Планше приходилъ освѣдомиться у своего барина, не предвидится ли гдѣ случая пообѣдать, и получилъ въ отвѣтъ, что если онъ желаетъ обѣдать, то пусть ложится спать, такъ какъ во снѣ голодъ утихаетъ. Такимъ образомъ Планше и пообѣдалъ во снѣ.

Въ отворенную дверь вошелъ человѣкъ довольно обыкновенной наружности, на видъ — мѣщанинъ.

Вмѣсто дессерта къ своему обѣду, Планше расположился было послушать, о чемъ будетъ разговаривать этотъ субъектъ съ его бариномъ, но субъектъ объявилъ д'Артаньяну, что онъ пришелъ по очень важному и чрезвычайно секретному дѣлу, такъ что желалъ бы переговорить безъ свидѣтелей.

Д'Артаньянъ прогналъ Планше и предложилъ гостю садиться.

Наступило минутное молчаніе, въ продолженіе котораго оба разсматривали другъ друга, точно желая предварительно познакомиться Наконецъ, д'Артаньянъ поклонился въ знакъ того, что онъ слушаетъ.

— Я много наслышанъ о господинѣ д'Аратаньянѣ, какъ объ очень храбромъ молодомъ человѣкѣ,— началъ посѣтитель,— и вотъ эта-то репутація, которой онъ вполнѣ заслуженно пользуется, и побудила меня довѣрить ему мою тайну...

— Говорите, милостивый государь, говорите короче,— перебилъ его д'Артаньянъ, почуявъ уже кое-что выгодное для себя.

Гость помолчалъ минуту и продолжалъ:

— У меня, изволите ли видѣть, есть жена, которая состоитъ въ услуженіи у королевы. Не могу сказать, чтобы у ней не хватало ума, или что она собой некрасива. Вотъ уже скоро три года, какъ меня женили на ней. За ней рѣшительно ничего не было, но изволите видѣть, г. де-ла-Портъ, старшій камердинеръ королевы,— ея крестный отецъ и очень покровительствуетъ ей...

— Но такъ что же изъ всего этого слѣдуетъ?— снова перебилъ его д'Артаньянъ.

— А то же, что ее украли вчера утромъ, когда она выходила изъ своей рабочей комнаты!

— Да кто же ее укралъ?

— Ничего не знаю навѣрное, но кой-кого я все-таки подозрѣваю.

— Но кто же тотъ, кого вы подозрѣваете?

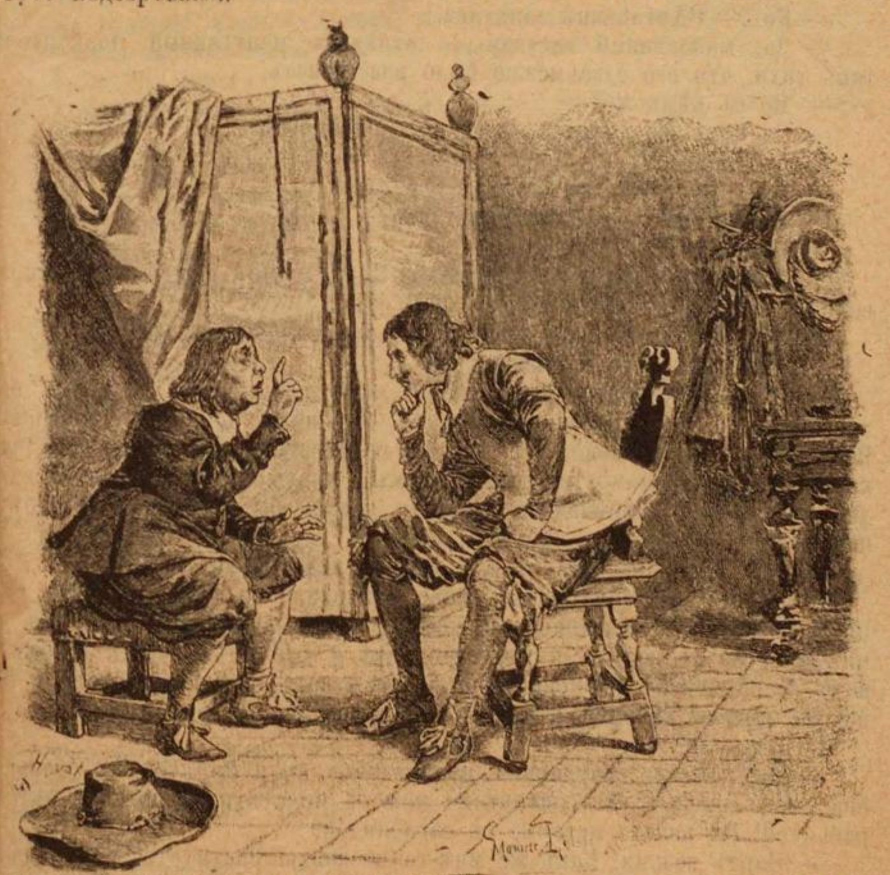
— Человѣкъ, который давно уже преслѣдуетъ ее.

— Чортъ возьми!

— И я вамъ прибавлю еще, что, по-моему убѣжденію, тутъ совсѣмъ подкладка не любовная, а скорѣе политическая!

— Политическая,— задумчиво повторилъ д'Артаньянъ. — да что же такое именно вы подозрѣваете?

— Не знаю ужъ, слѣдуетъ ли мнѣ разсказывать вамъ то, что я тутъ подозрѣваю..

— Я много наслышанъ объ господинѣ д'Артаньянѣ, какъ объ очень храбромъ молодомъ человѣкѣ.

— Я долженъ замѣтить вамъ, что я васъ рѣшительно ни о чемъ не спрашивалъ. Вы сами пришли ко мнѣ и сами сказали, что хотите сообщить мнѣ какую-то тайну. Ваше дѣло—говорить мнѣ ее или нѣтъ. Еще не поздно, вы можете мнѣ и не разсказывать ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ, я увѣренъ, что вы честный молодой человѣкъ, и я все повѣдаю вамъ. Итакъ, я имѣю основаніе предполагать, что жену мою похитили не ради любовныхъ похожденій съ ней, а по соображеніямъ другого рода, гдѣ замѣшена гораздо болѣе важная дама, чѣмъ она.

— Ага! уже не замѣшены ли тутъ любовныя дѣла г-жи де-Буа-Траси? — спросилъ д'Артаньянъ, хотѣвшій щегольнуть передъ своимъ гостемъ знаніемъ придворныхъ интригъ.

— Выше! Выше!

— Г-жи д'Егильонъ?

— Еще выше!

— Г-жи де-Шеврезъ?

— Выше! Гораздо выше!

— Ко...—д'Артаньянъ запнулся.

— Да, милостивый государь, — отвѣчалъ испуганный посѣтитель такъ тихо, что его едва можно было разслышать.

— Но съ кѣмъ же?

— Съ кѣмъ же другимъ, какъ не съ герцогомъ..

— Съ герцогомъ...

— Да! — прошепталъ гость.

— Но откуда вы все это знаете?

— Откуда?

— Да! Откуда вы все это узнали? Не надо мнѣ вашей полу-откровенности, или... вы понимаете?

— Я знаю это все отъ моей жены, отъ самой жены моей...

— А ей отъ кого это извѣстно?

— Отъ де-ла-Порта. Развѣ же я вамъ не сказалъ, что она его крестница, а де-ла-Портъ пользуется большимъ довѣріемъ королевы! Вотъ онъ и приставилъ ее къ ея величеству, чтобы наша бѣдная королева, покинутая теперь королемъ, окруженная шпіонами кардинала, повсюду встрѣчающая измѣну, могла бы хоть на кого-нибудь положиться.

— Ага! Вотъ въ чемъ дѣло, — сказалъ д'Артаньянъ.

— Четыре дня тому назадъ жена приходила ко мнѣ, такъ какъ, при поступленіи къ королевѣ, она выговорила себѣ позволеніе приходить ко мнѣ два раза въ недѣлю, потому что, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, жена моя очень меня любитъ. Такъ вотъ, пришла это она и говоритъ мнѣ по секрету, что королева въ большомъ горѣ и страхѣ.

— Неужели?

— Да, кажется, кардиналъ преслѣдуетъ ее и притѣсняетъ больше еще, чѣмъ прежде. Онъ никакъ не можетъ простить ей исторію съ сарабандой! Вы знаете исторію съ сарабандой?

— Чортъ возьми! Какъ же мнѣ-то не знать! Разумуется! — отвѣчалъ д'Артаньянъ, который ровно ничего не зналъ, но хотѣлъ показать, что ему извѣстны всѣ тайны двора.

— Такъ что теперь это уже даже не простая ненависть, а скорѣе мщеніе!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И королева думаетъ...

— Ну-съ, что же думаетъ королева?

— Она думаетъ, что герцогу Букингаму написали отъ ея имени подложное письмо.

— Отъ имени ея, королевы?

— Да, чтобы заставить его пріѣхать въ Парижъ и, заманивъ его въ западню, прихлопнуть ее покрѣпче.

— А чортъ возьми! Но почему же во всемъ тутъ замѣшалась ваша жена, милый мой?

— А потому, что всѣмъ извѣстно, что она душой и тѣломъ предана королевѣ, и вотъ хотятъ либо совсѣмъ устранить ее отъ ея величества, либо припугнуть ее, чтобы выпытать отъ нея всѣ секреты, которыя повѣдала ей ея высокая госпожа, либо подкупить ее, чтобы она шпіонила за королевой.

— Все это весьма можетъ быть,—замѣтилъ д'Артаньянъ.—А знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, человѣка, который похитилъ вашу жену?

— Ужъ я сказалъ вамъ, что, мнѣ кажется, что знаю.

— Какъ его имя?

— Имени не знаю. Знаю только, что это креатура кардинала, его тѣнь.

— Да вы его видали сами?

— Да, какъ-то разъ жена мнѣ показывала его.

— Нѣтъ ли у него какого-нибудь хоть признака, по которому бы его можно было отыскать.

— Ну, разумѣется, есть. Это чрезвычайно представительный господинъ, смуглый, черноволосый, взглядъ такой пронизывающій, зубы бѣлые, а на вискѣ большой рубецъ!

— Рубецъ на вискѣ?—вскричалъ д'Артаньянъ.—Смуглый, черноволосый, пронизывающій взглядъ, зубы бѣлые и видная наружность? Да это и есть тотъ человѣкъ, котораго я встрѣтилъ въ Менгѣ.

— Вы говорите, что знаете его?

— Да, да, но это не относится къ дѣлу. А, впрочемъ, нѣтъ, я ошибаюсь, это скорѣе даже упрощаетъ дѣло, если вашъ человѣкъ есть тотъ же самый, что и мой, я разомъ отомщу за обоихъ, вотъ и все тутъ! Только гдѣ же мнѣ найти его?

— Вотъ ужъ этого я тоже не знаю.

— Вы не имѣете никакихъ свѣдѣній, гдѣ онъ приблизительно проживаетъ?

— Никакихъ. Всего только разъ я и видѣлъ его. Провожалъ какъ-то жену въ Лувръ, и, когда она туда входила, онъ какъ-разъ выходилъ оттуда. Она же и показала мнѣ его тогда.

— Чортъ знаетъ, что такое! — проворчалъ д'Артаньянъ. — Все это очень неопредѣленно. Да отъ кого вы узнали, что вашу жену похитили?

— Отъ де-ла-Порта!

— Сообщилъ онъ вамъ еще какія-нибудь подробности?

— Нѣтъ, онъ самъ ничего не знаетъ.

— И вы ниоткуда больше не имѣете никакихъ свѣдѣній?

— Получилъ я тутъ...

— Что?

— Но я не знаю, можетъ-быть, я сдѣлаю большую неосторожность...

— Опять вы запѣли старую пѣсню. Только я долженъ уже вамъ замѣтить, что если вы желаете теперь на попятный, то вы спохватились нѣсколько поздно!

— Да я вовсе и не желаю на попятный, чортъ возьми!—заговорилъ посѣтитель.— Не будь я Бонасье...

— Васъ зовутъ Бонасье?— перебилъ его д'Артаньянъ.

— Да, это мое имя!

— Извините, что я перебилъ васъ, но вы сказали: „не будь я Бонасье“, а мнѣ кажется, что это имя мнѣ какъ будто почему-то знакомо.

— Весьма даже можетъ быть, сударь мой, я въ нѣкоторомъ родѣ хозяинъ дома, гдѣ вы изволите жить!

— Ахъ, да, да, да!—заговорилъ д'Артаньянъ, приподымаясь немного на стулѣ и дѣлая легкій поклонъ,— такъ вы мой хозяинъ?

— Совершенно вѣрно. И такъ какъ вотъ уже три мѣсяца, какъ вы живете въ моемъ домѣ и, разумѣется, по разсѣянности, вслѣдствіе многочисленности и разнообразія вашихъ занятій, вы забыли заплатить мнѣ за квартиру, такъ какъ, говорю я, за все это время я еще ни разу не обезпокоилъ васъ напоминаніемъ о деньгахъ, то я и думалъ, что вы должнымъ образомъ оцѣните мою деликатность...

— Ну, конечно, мой милый Бонасье,—отвѣчалъ д'Артаньянъ,—я очень признателенъ вамъ за вашу деликатность и еще разъ повторяю вамъ, что если только я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ...

— Я вѣрю, вѣрю и клянусь честью Бонасье, вся моя надежда на васъ!

— Ну, такъ кончайте же, что вы начали мнѣ разсказывать!

Бонасье бережно вытащилъ изъ кармана какую-то бумагу и подалъ ее д'Артаньяну.

— Письмо?—проговорилъ д'Артаньянъ.

— Да, которое я получилъ сегодня утромъ.

Д'Артаньянъ развернулъ бумагу и, такъ какъ стало уже темнѣть, подошелъ къ окну. Бонасье тоже послѣдовалъ за нимъ.

„Не ищите вашей жены,— прочелъ д'Артаньянъ.— Ее вамъ возвратятъ, когда она уже больше будетъ не нужна. Если только вы сдѣлаете малѣйшую попытку отыскать ее,—вы пропали“.

— Вотъ это рѣшительно!—замѣтилъ д'Артаньянъ.— Но, въ сущности, это самая обыкновенная угроза.

— Да, но эта угроза приводитъ меня въ неописуемый страхъ. Я человѣкъ совсѣмъ не военный и, признаюсь, боюсь Бастиліи.

— Гмъ! — произнесъ д'Артаньянъ, — а вы думаете, я самъ очень ужъ желаю туда попасть? Если бы дѣло шло только объ ударѣ шпагой, ну, куда бы ни шло!

— А я такъ очень разсчитывалъ, сударь, въ этомъ дѣлѣ на васъ.

— Право?

— Да! Видя васъ постоянно въ обществѣ блестящихъ мушкетеровъ и зная, что это мушкетеры де-Тревиля и, слѣдовательно, враги кардинала, я подумалъ, что вы и ваши пріятели, оказывая услугу нашей королевѣ, будете въ восторгѣ выкинуть съ его высокопреосвященствомъ какую-нибудь скверную штучку.

— Это совершенно вѣрно.

— Притомъ же я имѣлъ въ виду, что вы должны мнѣ почти за три мѣсяца, о чемъ я ни разу не напоминалъ вамъ...

— Да, да, вы уже разъ объяснили мнѣ эту причину, что я нахожу вполнѣ достаточнымъ.

— Къ тому же я собирался, во все время, пока вы будете дѣлать мнѣ честь жить у меня въ домѣ, никогда и на будущее время не безпокоить васъ относительно платы за квартиру...

— Это очень похвально съ вашей стороны!

— Прибавьте еще ко всему этому, что я разсчитывалъ, въ случаѣ надобности, предложить вамъ взаймы пятьдесятъ пистолей, если бы, что совершенно, впрочемъ, невѣроятно, вы находились въ настоящую минуту въ затруднительномъ положеніи.

— Что же, превосходно! А вы, значитъ, очень богаты, дорогой мой Бонасье?

— Я не нуждаюсь, вѣрнѣе сказать. Мнѣ удалось скопить себѣ малость на черный денекъ, тысченки двѣ-три экю годового дохода отъ мелочной торговли, а главное — я удачно помѣстилъ деньги на проценты въ послѣднее предпріятіе знаменитаго мореплавателя Жана Моке. Такъ что, вы понимаете... Ай, ай, вотъ... — вскричалъ, вдругъ, Бонасье.

— Что такое? — спросилъ д'Артаньянъ.

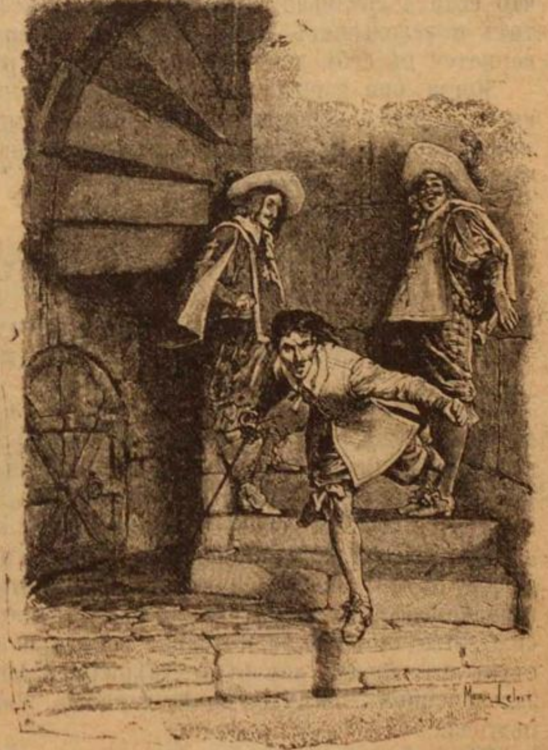
— Что я вижу!

— Гдѣ?

— На улицѣ, прямо противъ нашихъ оконъ, въ амбразурѣ вонъ той двери видите, тамъ человѣкъ, завернутый въ плащъ.

— Это онъ! — вскрикнули разомъ д'Артаньянъ и Бонасье, узнавъ въ стоявшемъ человѣкѣ каждый своего врага.

— А! На этотъ разъ, — закричалъ д'Артаньянъ, кидаясь за своей шпагой, — на этотъ разъ онъ не улизнетъ отъ меня! Нѣтъ!

— Человѣкъ изъ Менга! — отвѣтилъ д'Артаньянъ на лету и исчезъ.

И, вынувъ шпагу изъ ноженъ, онъ стремительно бросился вонъ изъ комнаты.

На лѣстницѣ онъ чуть было не сшибъ съ ногъ Атоса и Портоса, которые шли къ нему. Они едва успѣли посторониться, и д'Артаньянъ пролетѣлъ между ними какъ стрѣла.

— Куда ты такъ летишь? — крикнули ему вслѣдъ оба мушкетера.

— Человѣкъ изъ Менга! — отвѣтилъ д'Артаньянъ на лету и исчезъ.

Д'Артаньянъ не разъ уже разсказывалъ своимъ друзьямъ о своей встрѣчѣ въ Менгѣ съ незнакомцемъ и о появленіи прекрасной путешественницы, которая приняла отъ этого незнакомца какое-то важное порученіе.

Атосъ былъ того мнѣнія, что д'Артаньянъ просто потерялъ самъ свое письмо во время драки. Украсть чужое письмо — это было такъ низко, что врядъ ли бы на такой поступокъ могъ рѣшиться джентль-

менъ, а по описанію д'Артаньяна, незнакомецъ долженъ былъ быть, навѣрное, джентльменомъ.

Портосъ видѣлъ во всемъ этомъ самое обыкновенное любовное свиданіе, назначенное дамѣ кавалеромъ или дамой кавалеру, а д'Артаньянъ со своимъ желтымъ конемъ просто-на-просто могли помѣшать этому свиданію.

Арамисъ полагалъ, что этотъ случай настолько полонъ таинственности, что самое лучшее и не пробовать его разгадывать.

Изъ словъ д'Артаньяна, брошенныхъ имъ на лету, Атосъ и Портосъ сейчасъ же поняли, въ чемъ дѣло. Они пришли къ тому заключенію, что если д'Артаньяну удастся догнать незнакомца, или, что если даже тотъ и ускользнетъ снова отъ него, то онъ все-таки, въ концѣ-концовъ, вернется къ себѣ домой, а потому они и рѣшили ждать его на квартирѣ.

Когда они вошли въ комнату д'Артаньяна, тамъ не было уже никого: хозяинъ, опасаясь, какъ бы не вышло какой ему непріятности послѣ встрѣчи молодого человѣка съ незнакомцемъ, счелъ для себя самымъ благоразумнымъ — скрыться.

Глава IX.

Д'Артаньянъ выказываетъ, что онъ человѣкъ недюжинный.

Какъ и предполагали Атосъ и Портосъ, не прошло и получаса, какъ д'Артаньянъ вернулся домой. И на этотъ разъ ему не пришлось догнать незнакомца. Онъ исчезъ, точно провалился сквозь землю. Со шпагой въ рукѣ д'Артаньянъ обѣжалъ всѣ сосѣднія улицы, но не встрѣтилъ никого, кто бы хоть сколько-нибудь даже походилъ на того, кого онъ искалъ. Затѣмъ ему пришло въ голову то, съ чего, можетъ-быть, слѣдовало бы ему начать, а именно постучаться въ дверь, у которой стоялъ незнакомецъ. Напрасно онъ стучалъ въ эту дверь молоткомъ изо всей силы. Отвѣта не было, и только сосѣди повысыпали на этотъ отчаянный стукъ изъ своихъ домовъ и увѣрили д'Артаньяна, что въ домѣ этомъ, заколоченномъ наглухо, никто уже не живетъ, по крайней мѣрѣ, съ полгода.

Тѣмъ временемъ, пока д'Артаньянъ бѣгалъ по улицамъ и стучался въ двери, въ квартиру его пришелъ и Арамисъ, такъ что, вернувшись домой, д'Артаньянъ засталъ всю компанію въ полномъ сборѣ.

— Ну, что же?—спросили заразъ всѣ три мушкетера, увидя д'Артаньяна потнаго, усталаго и съ сердитымъ, злымъ лицомъ.

— Чего тутъ!—проворчалъ д'Артаньянъ, бросивъ на кровать шпагу,—это самъ чортъ, должно-быть, а не человѣкъ: исчезъ, какъ привидѣніе, какъ тѣнь, какъ призракъ!

— Вѣрите вы въ привидѣніе? — спросилъ Атосъ у Портоса.

— Я вѣрю только тому, что увижу самъ, а такъ какъ я никогда не видалъ привидѣній, то и не вѣрю въ нихъ.

— Библія,—сказалъ Арамисъ,—велитъ намъ вѣрить въ нихъ. Саулу являлась тѣнь Самуила, и мнѣ было бы очень больно, Портосъ, если бы вы сомнѣвались въ этомъ догматѣ христіанской вѣры.

— Во всякомъ случаѣ, человѣкъ онъ или чортъ, тѣло или тѣнь, иллюзія или дѣйствительность, это *нѣчто* создано на мое мученіе, такъ какъ, господа, его появленіе въ настоящую минуту лишило насъ возможности устроить одно славное дѣло, гдѣ бы мы могли заработать сто, а можетъ-быть и болѣе ста пистолей.

— Какъ такъ? — спросили быстро Портосъ и Арамисъ.

Атосъ, вѣрный своей системѣ молчанія, ограничился вопросительнымъ взглядомъ, устремленнымъ на д'Артаньяна.

— Планше, — сказалъ д'Артаньянъ своему слугѣ, который въ эту самую минуту просунулъ было въ дверь голову, заинтересовавшись разговоромъ своего барина, — спустись-ка къ хозяину, г-ну Бонасье, и скажи ему, чтобы онъ прислалъ намъ полдюжину бутылокъ вина Божанси. Я предпочитаю эту марку.

— Вонъ какъ! — удивился Портосъ. — Вамъ, значитъ, открытъ кредитъ у вашего хозяина?

— Будьте покойны, господа, — отвѣчалъ имъ д'Артаньянъ, — ничья честь не пострадаетъ отъ того, что я сообщу сейчасъ вамъ.

— Да, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — съ сегодняшняго дня только, и будьте покойны, если вино это вамъ, господа, не понравится, такъ мы велимъ подать намъ другого.

— Никогда не мѣшаетъ пользоваться кредитомъ, — поучительнымъ тономъ замѣтилъ Арамисъ, — не надо только имъ злоупотреблять.

— Я всегда говорилъ, что д'Артаньянъ, господа, умнѣе всѣхъ насъ здѣсь. — сказалъ Атосъ.

Д'Артаньянъ поклонился въ отвѣтъ на эту любезность, а Атосъ снова погрузился въ свое обычное молчаніе.

— Такъ разскажите же намъ, въ чемъ дѣло? — спросилъ Портосъ.

— Да, да, — сказалъ и Арамисъ, — повѣдайте же намъ вашу тайну, если только тутъ не замѣшана честь какой-нибудь дамы. Въ противномъ случаѣ, вы сдѣлаете много лучше, если попридержите это при себѣ.

— Будьте покойны, господа, — отвѣчалъ имъ д'Артаньянъ, — ничья честь не пострадаетъ отъ того, что я сообщу сейчасъ вамъ.

И онъ передалъ своимъ друзьямъ со всѣми подробностями весь разговоръ, который только что произошелъ между нимъ и его хозяиномъ, прибавивъ только, что человѣкъ, похитившій супругу почтеннаго хозяина дома и былъ тотъ самый незнакомецъ, съ которымъ у него произошла ссора въ гостинницѣ Франкъ-Менье.

— Дѣло ваше недурно, — проговорилъ Атосъ, попробовавъ вино и кивнувъ головой въ знакъ того, что онъ находитъ его недурнымъ, — съ вашего хозяина можно будетъ стянуть пистолей пятьдесятъ-шестьдесятъ. Но прежде всего не мѣшало бы узнать, стоятъ ли еще эти пятьдесятъ или шестьдесятъ пистолей того, чтобы изъ-за нихъ рисковать четырьмя головами?

— Но надо же принять во вниманіе, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана женщина, — вскричалъ д'Артаньянъ, — женщина, которую похитили, женщина, которой, безъ сомнѣнія, угрожаетъ опасность, которую, можетъ-быть, мучаютъ, и все это только за то, что она была вѣрна своей госпожѣ!

— Смотрите, д'Артаньянъ, берегитесь, — посовѣтовалъ Арамисъ, — что-то вы уже слишкомъ горячее участіе принимаете въ судьбѣ этой госпожи Бонасье! Женщина сотворена была на нашу погибель, и отъ нея проистекаютъ всѣ наши бѣдствія.

При этихъ словахъ Арамиса Атосъ нахмурилъ слегка брови и закусилъ губу.

— Я забочусь вовсе не о госпожѣ Бонасье, — сказалъ д'Артаньянъ, — а о королевѣ, которую король совсѣмъ теперь оставилъ, а кардиналъ преслѣдуетъ все больше и больше. Каково же видѣть ей, какъ падаютъ одна за другой головы всѣхъ ея друзей?

— А зачѣмъ же она любитъ тѣхъ, кого мы ненавидимъ больше всего на свѣтѣ, — испанцевъ и англичанъ?

— Испанія — ея отечество, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — и ничего нѣтъ удивительнаго, что она любитъ дѣтей своей родины. Что же касается другой любви, которую ставятъ ей въ вину, то я слышалъ, что она любитъ не всѣхъ англичанъ, а только одного.

— И, клянусь честью, — сказалъ Атосъ, — что этотъ англичанинъ, дѣйствительно, стоитъ ея любви. Мнѣ никогда не случалось встрѣчать такого джентльмена, какъ онъ.

— А ужъ одѣвается онъ, какъ никто, — сказалъ Портосъ. — Я былъ какъ разъ въ тотъ день въ Луврѣ, когда онъ разсыпалъ свой жемчугъ. Я поднялъ двѣ жемчужинки и, честное слово, продалъ ихъ потомъ по десяти пистолей каждую. А ты видалъ его, Арамисъ?

— Да такъ же хорошо, какъ и вы, господа, потому что я былъ въ числѣ тѣхъ, которые арестовали его въ Амьенскомъ паркѣ, куда провелъ меня де-Пютанжъ, конюшій королевы. Тогда я былъ еще въ семинаріи, и вся эта сцена мнѣ показалась черезчуръ жестокою по отношенію къ королю.

— А мнѣ такъ это нисколько бы не помѣшало, — сказалъ д'Артаньянъ, — если бы я только зналъ, гдѣ находится герцогъ Букингамъ, взять его за руку и провести прямо къ королевѣ, хотя бы только для того, чтобы взбѣсить кардинала. Нашъ настоящій, нашъ единственный, нашъ

вѣчный врагъ, господа, — кардиналъ! И если бы только намъ удалось придумать сыграть съ нимъ какую-нибудь штуку похуже, то я, признаюсь, съ охотой рискнулъ бы своей головой!

— Что вамъ сказалъ лавочникъ, д'Артаньянъ, что королева подозрѣваетъ, что Букингама вызываютъ сюда фальшивымъ письмомъ, будто бы отъ ея имени?

— Да, она этого боится.

— Погодите-ка!—сказалъ Арамисъ.

— Что?—спросилъ Портосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте, я хочу только припомнить нѣкоторыя обстоятельства.

— И вотъ теперь я убѣжденъ,—сказалъ д'Артаньянъ,—что похищеніе жены моего хозяина связано съ событіями, о которыхъ мы говоримъ, а, можетъ-быть, и съ приглашеніемъ Букингама въ Парижъ.

— Этотъ гасконецъ замѣчательно сообразителенъ,—съ восхищеніемъ вскричалъ Портосъ.

— Я очень люблю его слушать,—прибавилъ и Атосъ,—мнѣ нравится его гасконскій выговоръ.

— Господа,—сказалъ Арамисъ,—выслушайте, пожалуйста, меня.

— Слушаемъ, Арамисъ,—обратились къ нему всѣ три друга.

— Вчера я былъ у одного знакомаго мнѣ ученаго, доктора богословія,—началъ Арамисъ,—съ которымъ я иногда совѣтуюсь по поводу моихъ занятій.

Атосъ улыбнулся.

— Живетъ этотъ ученый въ одномъ очень отдаленномъ кварталѣ,—продолжалъ Арамисъ,—таковъ ужъ у него вкусъ, да профессія его требуетъ уединенія. Такъ вотъ, въ ту самую минуту, какъ я выходилъ отъ него...

Арамисъ запнулся.

— Ну, такъ какъ же?—спросили всѣ разомъ.—Въ ту самую минуту какъ вы выходили...

Бываютъ случаи, когда человѣкъ, начавшій врать, вдругъ увидитъ, что онъ совершенно упустилъ изъ виду какое-нибудь самое ничтожное обстоятельство, которое можетъ сейчасъ же выдать его съ ногъ до головы, но которое въ то же время никакъ нельзя обойти молчаніемъ. Именно въ такомъ же положеніи очутился теперь Арамисъ, но отступить уже не было возможности, такъ какъ всѣ жадно слушали его и не спускали съ него глазъ.

— Видите ли, сталъ поправляться Арамисъ, у доктора этого, ученаго, есть племянница...

— Вотъ какъ! Племянница?—привязался Портосъ.

— Весьма почтенная дама...

Всѣ заразъ засмѣялись.

— А, ну, если вы, господа, будете смѣяться или дѣлать разныя ненужныя предположенія, то ничего и не узнаете.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ Атосъ,—мы вѣримъ вамъ фанатически и будемъ нѣмы, какъ настоящіе католики.

— Ну, хорошо, я буду продолжать. Такъ вотъ эта племянница иногда пріѣзжаетъ провѣдать своего дядюшку. Какъ разъ случилось такъ, что вчера вечеромъ она и пріѣзжала къ дядѣ, а я тоже былъ тамъ, и вотъ

мнѣ пришлось поневолѣ предложить ей свои услуги, чтобы проводить ее до кареты...

— А вотъ какъ! У племянницы ученаго доктора есть своя карета,— перебилъ Портосъ, который былъ очень не сдержанъ на языкѣ, — прекрасное знакомство, мой другъ!

— Послушайте, Портосъ,—сказалъ ему Арамисъ, — я уже не разъ дѣлалъ вамъ замѣчаніе, что вы слишкомъ болтливы, и что это можетъ очень повредить вамъ во мнѣніи женщинъ.

— Господа, господа!—закричалъ на нихъ д'Артаньянъ, предвидѣвшій къ чему клонится разсказъ Арамиса, — дѣло очень серіозное, а вы для чего-то перебраниваетесь. Бросьте шутки! Продолжайте, Арамисъ, продолжайте!

— Такъ вотъ, вдругъ, человѣкъ довольно большого роста, смуглый, съ хорошими манерами... погодите, въ родѣ вотъ вашего незнакомца, д'Артаньянъ.

— Очень можетъ быть, что это онъ самый и былъ.

— Да, очень можетъ быть,—продолжалъ Арамисъ, — такъ вотъ онъ, вдругъ, подходитъ ко мнѣ, а за нимъ шагахъ въ десяти еще пять или шесть человѣкъ, подходитъ и весьма вѣжливо мнѣ говоритъ: „господинъ герцогъ, и вы, сударыня", при этомъ онъ обратился къ дамѣ, которую я велъ подъ руку...

— Это племянницу-то доктора?

— Да замолчите же, Портосъ!—крикнулъ ему Атосъ.—Вы несносны.

„Потрудитесь, говоритъ, сѣсть въ карету и вы совершенно напрасно вздумали бы сопротивляться, всякій шумъ вамъ можетъ только повредить".

— Онъ принялъ васъ за Букингама?—спросилъ д'Артаньянъ.

— Должно быть, что да,—отвѣчалъ Арамисъ.

— А даму эту?—спросилъ Портосъ.

— Онъ принялъ ее за королеву!—сказалъ д'Артаньянъ.

— Да, навѣрное,—отвѣчалъ Арамисъ.

— Ничего-то отъ этого гасконца не скроешь,—замѣтилъ Атосъ.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ Портосъ,—что Арамисъ ростомъ и манерами имѣетъ нѣкоторое сходство съ прекраснымъ герцогомъ. Только все-таки, мнѣ кажется, однако, что форма мушкетера...

— На мнѣ былъ большой плащъ,— сказалъ Арамисъ.

— Въ іюльскую жару, чортъ возьми! — сказалъ Портосъ. — Развѣ докторъ не желаетъ, чтобы знали о твоихъ къ нему визитахъ?

— Я еще могу понять,—сказалъ Атосъ, — что шпіонъ могъ ошибиться въ ростѣ, въ походкѣ, но лицо...

— На мнѣ была шляпа съ большими полями, — проговорилъ Арамисъ.

— Ой, ой, Богъ мой! — вскричалъ Портосъ. — Сколько предосторожностей, чтобы побесѣдовать о богословскихъ предметахъ!

— Господа, господа, — сказалъ д'Артаньянъ, — не будемъ тратить время на безполезныя шутки. Разойдемтесь лучше въ разныя концы и давайте искать жену лавочника. Это ключъ всей интриги.

— Женщина такого низкаго происхожденія! Неужели вы серіозно это думаете, д'Артаньянъ? — спросилъ Портосъ съ презрительной гримасой.

— Вѣдь она крестница де-ла-Порта, старшаго камердинера королевы. Развѣ я вамъ не сказалъ еще этого господа? И къ тому же у ея величества, можетъ-быть, на этотъ разъ свой особенный расчетъ искать

Жандармы поблагодарили мушкетеровъ за любезное содѣйствіе ихъ и повели свою жертву.

поддержки не у высокопоставленныхъ людей. Высокія головы видны издалека, а у кардинала зрѣніе отличное!

— Такъ что же!— сказалъ Арамисъ.—Прежде всего надо сговориться съ вашимъ лавочникомъ въ цѣнѣ и не продешевить.

— Это не такъ важно,— замѣтилъ д'Артаньянъ,— по моему мнѣнію, что если онъ и ничего намъ не заплатитъ, то мы ничего не потеряемъ: насъ поблагодарятъ съ другой стороны.

Въ эту самую минуту на лѣстницѣ раздались чьи-то торопливые шаги, дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату влетѣлъ несчастный Бонасье.

— Господа, господа,—завопилъ онъ,—спасите меня, ради Бога, спасите меня. За мной гонятся четверо людей, хотятъ меня арестовать! Спасите меня, спасите!

Портосъ и Арамисъ встали съ мѣстъ.

— Погодите одну минуту,— закричалъ имъ д'Артаньянъ, дѣлая имъ знакъ вложить шпаги въ ножны. — Одну только минуту! Здѣсь нужна не храбрость, а большая осторожность!

— Однако,—запротестовалъ Портосъ,—мы не оставимъ...

— Вы оставите д'Артаньяна дѣлать такъ, какъ онъ считаетъ лучше,— сказалъ Атосъ,—такъ какъ, повторяю, онъ умнѣе всѣхъ насъ. Я съ своей стороны повинуюсь ему во всемъ. Д'Артаньянъ! Дѣлай, что знаешь!

Въ ту самую минуту въ комнату вошли четыре жандарма и, увидѣвъ четырехъ мушкетеровъ, стоявшихъ со шпагами въ рукахъ, замялись въ дверяхъ, не зная, итти ли дальше.

— Войдите, господа, войдите,—сказалъ имъ д'Артаньянъ.— Вы здѣсь у меня въ гостяхъ, а всѣ мы вѣрные слуги короля и кардинала.

— Въ такомъ случаѣ, господа, вы, вѣроятно, не будете мѣшать намъ исполнить возложенное на насъ порученіе?—сказалъ старшій изъ четырехъ жандармовъ.

— Напротивъ, въ случаѣ надобности, мы даже сами поможемъ вамъ.

— Да что же это онъ говоритъ?—заворчалъ Портосъ.

— Ты ничего не понимаешь, молчи,—остановилъ его Атосъ.

— Но вѣдь вы обѣщали же мнѣ... — шепнулъ на ухо д'Артаньяну несчастный лавочникъ.

— Мы можемъ спасти васъ только тогда, когда сами останемся на свободѣ,— также тихо и быстро отвѣтилъ ему д'Артаньянъ, —а если мы станемъ сейчасъ за васъ заступаться, насъ арестуютъ вмѣстѣ съ вами.

— Однако, мнѣ кажется...

— Пожалуйте, господа, пожалуйте,— заговорилъ громко д'Артаньянъ,—у меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія заступаться за этого господина, я самъ вижу его сегодня въ первый разъ въ жизни, а по какому случаю, онъ самъ, надѣюсь, скажетъ вамъ. Онъ приходилъ требовать съ меня деньги за квартиру. Не правда ли, г. Бонасье? Признайтесь?

— Это истинная правда!—отвѣчалъ Бонасье.—Но...

— Молчите, ни слова ни обо мнѣ ни о моихъ товарищахъ, — пригрозилъ ему д'Артаньянъ на ухо, — а особенно, ни слова о королевѣ. Иначе вы погубите всѣхъ, а себя не спасете! Пожалуйте, господа, пожалуйте,—берите этого человѣка!

Съ этими словами д'Артаньянъ толкнулъ перепуганнаго Бонасье въ руки жандармовъ, приговаривая:

— Вы, мой милый другъ, просто-на-просто мошенникъ! Скажите, пожалуйста, онъ вздумалъ, вдругъ, итти ко мнѣ, мушкетеру, за день-

гами! Въ тюрьму его! Пожалуйста, господа, посадите его въ тюрьму куда-нибудь подальше, да подержите его тамъ подольше. Это мнѣ будетъ на руку!

Жандармы поблагодарили мушкетеровъ за любезное содѣйствіе ихъ и повели свою жертву.

Въ ту минуту, когда они выходили изъ дверей, д'Артаньянъ хлопнулъ по плечу старшаго жандарма и сказалъ:

— А что, не выпьемъ ли мы съ вами за здоровье другъ друга?

— Что же, это было бы мнѣ очень лестно, я съ удовольствіемъ,— отвѣчалъ жандармъ.

— Итакъ, за ваше здоровье, — провозгласилъ д'Артаньянъ, наливая два стакана божанси, только что полученнаго отъ бѣднаго Бонасье, — а какъ ваше имя?

— Буаренаръ.

— За ваше здоровье, г-нъ Буаренаръ!

— За ваше! Позвольте узнать, въ свою очередь, съ кѣмъ имѣю честь?..

— Д'Артаньянъ.

— За ваше здоровье, г-нъ Артаньянъ.

— Выпьемъ теперь еще, — вскричалъ д'Артаньянъ съ экстазомъ,—за здоровье короля и кардинала!

Всѣ четверо друзей въ одинъ голосъ произнесли к предложенную д'Артаньяномъ.

Очень можетъ быть, что жандармъ и усумнился бы въ искренности д'Артаньяна, если бы вино было плохое; но вино хорошее, и онъ принялъ все за чистую монету.

— Что за гадость вы сдѣлали?—сказалъ Портосъ, когда ста жандармъ вышелъ за своей командой, и четверо друзей остались од Фу, какъ гадко! Четыре мушкетера позволили въ своемъ присутс арестовать человѣка, который просилъ ихъ о помощи! Дворянину чокаться съ сыщикомъ!

— Портосъ,—сказалъ Арамисъ,—Атосъ уже разъ сказалъ тебѣ, что не смыслишь тутъ ни бельмеса, теперь я могу повторить тебѣ т самое. Ты, д'Артаньянъ — великій человѣкъ, и когда ты будешь з нать такой постъ, какой занимаетъ теперь де-Тревиль, то я попр у тебя протекціи, когда захочу получить аббатство.

— Да что это значитъ, господа, я ничего не понимаю,—сказал тосъ. — Такъ неужели же, господа, вы одобряете то, что сдѣла нась д'Артаньянъ?

— Да, разумѣется, — отвѣчалъ Атосъ, — не только одобряю его, но поздравляю съ этимъ тебя.

— А теперь, господа, — сказалъ д'Артаньянъ, не давая себѣ даже труда объяснять свое поведеніе Портосу, — вотъ нашъ девизъ: „всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ,“ хорошо?

— Но все-таки... — упирался Портосъ.

— Протяни руку и клянись, — крикнули ему заразъ Атосъ и Арамисъ.

Ворча себѣ подъ носъ, Портосъ, по примѣру своихъ товарищей, протянулъ руку, и всѣ четверо друзей въ одинъ голосъ произнесли клятву, предложенную д'Артаньяномъ.

— Всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ.

— Вотъ такъ хорошо, — сказалъ д'Артаньянъ, — а теперь, господа, по домамъ, и будьте осторожны, такъ какъ съ этой минуты мы вступаемъ въ борьбу съ кардиналомъ.

Послѣднія слова д'Артаньянъ произнесъ такимъ строгимъ, повелительнымъ тономъ, какъ будто во всю свою жизнь онъ только и дѣлалъ, что отдавалъ приказанія всѣмъ и каждому.

Глава X.

„Мышеловка“.

Идея „мышеловки“ зародилась въ далеко прошедшія времена. Какъ только общественная жизнь породила полицію, послѣдняя, въ свою очередь придумала и мышеловку.

Т... какъ наши читатели, по всей вѣроятности, мало еще зна... ...мъ Іерусалимской улицы, и такъ какъ, съ тѣхъ поръ ... ...писать, а это было уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ, ... первый разъ употребляемъ это слово въ такомъ им...о ...-то всего будетъ лучше объяснить имъ, что это такое ...а ...овка“.

...огда въ какомъ нибудь домѣ, въ какомъ — безразлично, арестовали ... нибудь лицо, подозрѣваемое въ томъ или другомъ преступленіи, ...рестъ этотъ до времени держатъ въ строжайшей тайнѣ. Затѣмъ ...омъ домѣ, где уже арестовали это лицо, помѣщаютъ пять или ...ь полицейскихъ въ первой же комнатѣ. Всѣмъ приходящимъ ... посѣтителямъ любезно отворяютъ двери, впускаютъ ихъ въ к... ...дѣ, разумѣется, сейчасъ же и арестовываютъ ихъ. Этимъ ... ...ь въ какіе нибудь два три дня переловятъ всѣхъ почти обы...къ ...ѣтителей арестованнаго хозяина квартиры.

Вотъ это-то и называется „мышеловка“.

Точно такую же мышеловку устроили изъ квартиры Бонасье и ..., кто только приходилъ къ нему за чѣмъ ни будь, люди карди... ...товывали и допрашивали. Нечего и говорить, что, такъ какъ ...ой этажъ, гдѣ жилъ д'Артаньянъ, ходъ былъ отдѣльный, то всѣ ...иходилъ къ нему, аресту не подвергались.

...рочемъ, къ д'Артаньяну никто, кромѣ трехъ мушкетеровъ, ... Всѣ трое хотя и старались всѣми силами разузнавать ... ...еся ссоб... ...наго н... ...ртаньяномъ, но ничего новаго узнать

не могли. Атосъ такъ дѣятельно принялся за дѣло, что отправился самъ къ де-Тревилю и разспрашивалъ его, не знаетъ ли чего тотъ. Де-Тревиль, зная обычную молчаливость этого мушкетера, очень удивился этому визиту, но ничего не могъ сообщить Атосу, кромѣ развѣ того, что, когда послѣдній разъ онъ видѣлъ кардинала, короля и королеву, кардиналъ имѣлъ весьма озабоченный видъ, король былъ очень взволнованъ, а красные и опухшіе глаза королевы свидѣтельствовали о томъ, что она или не спала цѣлую ночь или много плакала. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, нисколько не удивило де-Тревиля, такъ какъ со времени своего замужества королева часто проводитъ безсонныя ночи и много плачетъ.

Де-Тревиль на прощаніе выразилъ Атосу увѣренность, что онъ надѣется, что мушкетеры, что бы ни случилось, всегда будутъ вѣрными слугами короля и, въ особенности, королевы. Эти слова онъ просилъ Атоса передать также и товарищамъ.

Д'Артаньянъ все это время вовсе не выходилъ даже изъ дому. Свою комнату онъ превратилъ въ обсерваторію. Изъ оконъ онъ могъ видѣть всѣхъ, приходившихъ къ Бонасье и попадавшихъ затѣмъ въ засаду, а, вынувъ нѣсколько кусковъ паркета изъ полу, онъ могъ слушать все, что происходило внизу въ инквизиторской, гдѣ допрашивали всѣхъ, кто попадался въ мышеловку. Потолокъ въ нижнемъ этажѣ былъ настолько тонокъ, что ему было слышно все отъ слова до слова.

Допросъ, которому подвергался всякій передъ обыскомъ, происходилъ, обыкновенно, въ слѣдующей формѣ.

— Не передовала ли вамъ госпожа Бонасье чего нибудь для своего мужа или для кого нибудь другого?

— Не передавалъ ли вамъ господинъ Бонасье чего нибудь для своей жены, или для кого нибудь другого?

— Не передавали ли вамъ чего нибудь тотъ ил другой на словахъ?

„Если бы имъ было что нибудь на самомъ дѣлѣ извѣстно,—соображалъ д'Артаньянъ, — то, вѣроятно, они не задавали бы всѣмъ такихъ вопросовъ. Чего же они теперь добиваются узнать? Въ Парижѣ ли герцогъ Букингамъ, имѣлъ ли уже онъ или долженъ имѣть свида[illegible] съ королевой?“

Д'Артаньянъ послѣ всего слышаннаго пришелъ къ тому [illegible]ключенію, что это именно такъ и было, что это они именно и добив[illegible] узнать.

Тѣмъ временемъ мышеловка работала прекрасно, а пот[illegible] д'Артаньяна былъ постоянный матеріалъ для наблюденій.

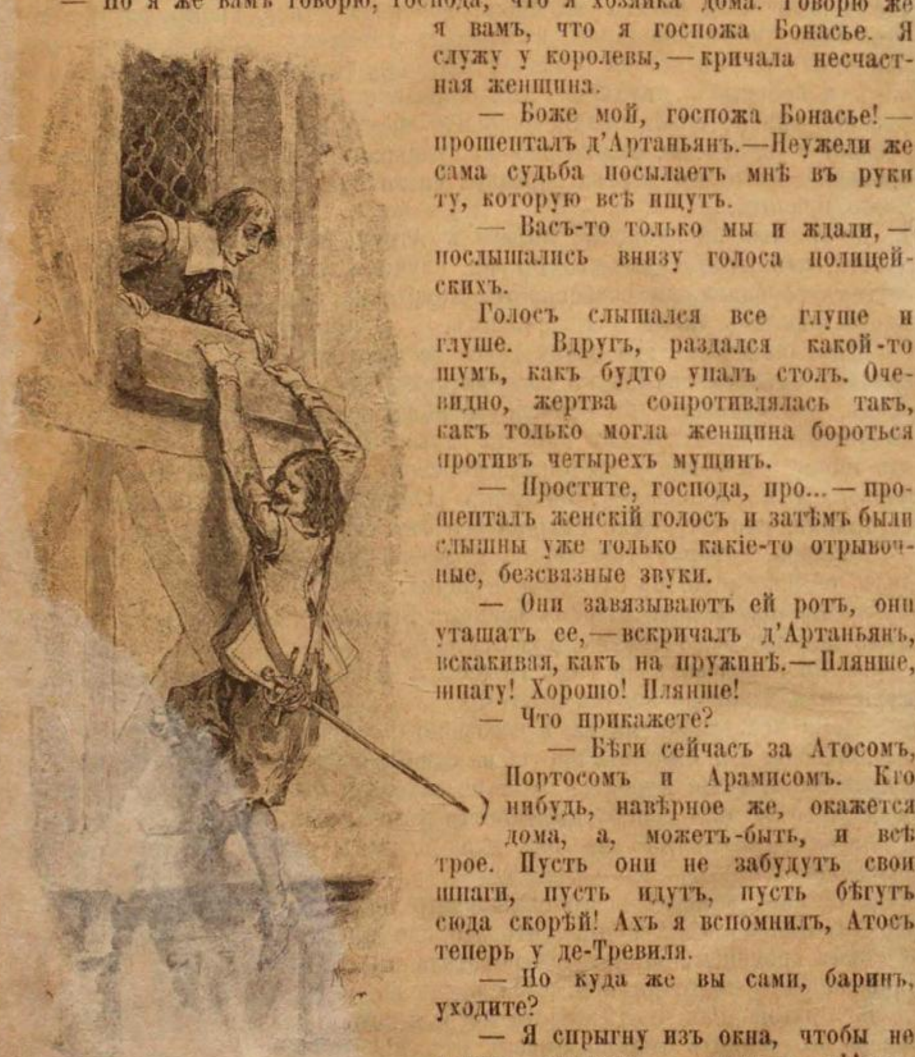
На другой день послѣ ареста несчастнаго Бонасье, [illegible]ъ девять вечера, только что Атосъ вышелъ отъ д'Артаньяна [illegible]евилю, а Планше принялся за приготовленіе постели своему [illegible]ъ дверь квартиры Бонасье раздался стукъ. Дверь тотчасъ же [illegible]лась и захлопнулась за вошедшимъ. Кто-то попался въ мышел[illegible] д'Артаньянъ въ мгновеніе ока припалъ ухомъ къ отверстію въ свое[illegible] полу и сталъ слушать.

Скоро онъ услыхалъ внизу крики, затѣмъ стон[illegible]ые старались заглушить. Дѣло происходило даже безъ предвари[illegible] допроса.

— Чортъ возьми,—сказалъ про себя д'Артань[illegible] кажется, что это женщина: ее обыскиваютъ, а она сопротивл[illegible] насилуютъ, о негодяи!

Д'Артаньянъ готовъ былъ уже потерять все свое благоразуміе и броситься внизъ, чтобы помѣшать той сценѣ, которая происходила подъ нимъ.

— Но я же вамъ говорю, господа, что я хозяйка дома. Говорю же я вамъ, что я госпожа Бонасье. Я служу у королевы, — кричала несчастная женщина.

Ухвативши рукой за раму, д'Артаньянъ сп нулъ со второго этажа, который на счастье былъ уже не очень высокъ, не причинивъ себѣ ни малѣйшей царапины.

— Боже мой, госпожа Бонасье! — прошепталъ д'Артаньянъ. — Неужели же сама судьба посылаетъ мнѣ въ руки ту, которую всѣ ищутъ.

— Васъ-то только мы и ждали, — послышались внизу голоса полицейскихъ.

Голосъ слышался все глуше и глуше. Вдругъ, раздался какой-то шумъ, какъ будто упалъ столъ. Очевидно, жертва сопротивлялась такъ, какъ только могла женщина бороться противъ четырехъ мущинъ.

— Простите, господа, про... — прошепталъ женскій голосъ и затѣмъ были слышны уже только какіе-то отрывочные, безсвязные звуки.

— Они завязываютъ ей ротъ, они утащатъ ее, — вскричалъ д'Артаньянъ, вскакивая, какъ на пружинѣ. — Пляныше, шпагу! Хорошо! Пляншe!

— Что прикажете?

— Бѣги сейчасъ за Атосомъ, Портосомъ и Арамисомъ. Кто нибудь, навѣрное же, окажется дома, а, можетъ-быть, и всѣ трое. Пусть они не забудутъ свои шпаги, пусть идутъ, пусть бѣгутъ сюда скорѣй! Ахъ я вспомнилъ, Атосъ теперь у де-Тревиля.

— Но куда же вы сами, баринъ, уходите?

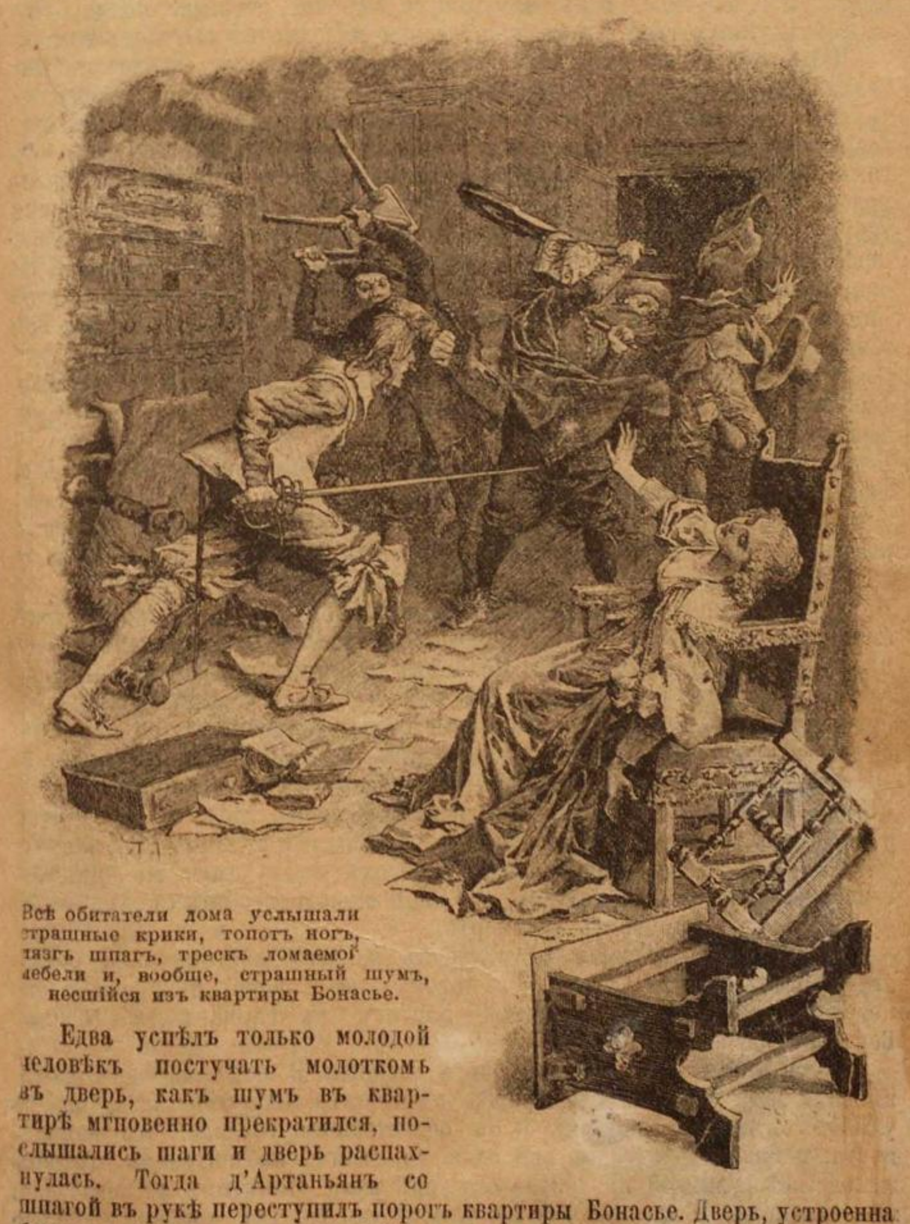
— Я спрыгну изъ окна, чтобы не терять времени, — сказалъ д'Артаньянъ, — а ты живѣй вложи карнетъ, вымети полъ, иди въ дверь и лети, куда я тебѣ приказалъ.

— Баринъ, баринъ, да вѣдь вы убьетесь, — закричалъ было Пляншe.

— Молчи — и, ухвативщись рукой за раму, д'Артаньянъ сп второго этажа, который на счастье былъ уже не оч не причинивъ себѣ ни малѣйшей царапины.

Затѣмъ онъ тотчасъ же побѣжалъ къ квартирѣ Бонасье и постучался ь дверь, сказавъ про себя:

— Я тоже дамъ себя поймать въ мышеловку, но горе кошкамъ, коорымъ придется имѣть дѣло съ такой мышью!

Всѣ обитатели дома услышали страшные крики, топотъ ногъ, лязгъ шпагъ, трескъ ломаемой мебели и, вообще, страшный шумъ, несшійся изъ квартиры Бонасье.

Едва успѣлъ только молодой человѣкъ постучать молоткомъ въ дверь, какъ шумъ въ квартирѣ мгновенно прекратился, послышались шаги и дверь распахнулась. Тогда д'Артаньянъ со шпагой въ рукѣ переступилъ порогъ квартиры Бонасье. Дверь, устроенна безъ сомнѣнія на пружинѣ, сейчасъ же захлопнулась за нимъ сама собой

Вскорѣ всѣ обитатели этого несчастнаго дома соеѣднихъ домов услыхали страшные крики, топотъ ногъ, лязгъ шпаг трескъ ломаемо

мебели и, вообще, страшный шумъ, несшійся изъ квартиры Бона
Черезъ нѣсколько минутъ тѣ, которые полюбопытствовали подойти
своимъ окнамъ, могли видѣть какъ распахнулась дверь и четверо как
то людей, одѣтыхъ во все черное, не вышли, а скорѣе вылетѣли
квартиры г. Бонасье, какъ испуганные вороны, оставляя по дорогѣ
на всѣхъ углахъ свои перья, т.-е. клочки и лохмотья своей одежды.

Изъ этого можно было заключить, что д'Артаньянъ остался по
телемъ. Впрочемъ, надо признаться, это и не стоило ему особе
труда, т.-е, изъ всѣхъ четырехъ полицейскихъ, только одинъ
вооруженъ, да и то защищался только для вида. Правда, что трое дру
гихъ, не вооруженныхъ, пробовали, за неимѣніемъ шпаги, стрѣлять в
молодого человѣка всѣмъ, что только попадалось имъ подъ руку: стульями
табуретами, глиняными горшками, но двѣ или три какія-нибудь цара
пины, сдѣланныя имъ шпагою гасконца, подвергли ихъ въ такой не
описанный ужасъ, что они пустились удирать со всѣхъ ногъ. Десят
минутъ не прошло, а уже поле битвы осталось за д'Артаньяномъ. Вы
глядѣвшіе въ раскрытыя окна сосѣди, привыкшіе въ тѣ бурныя времен
къ вѣчнымъ волненіямъ и дракамъ, какъ только увидали, что четвер
черныхъ фигуръ выбѣжали изъ дома, хладнокровно закрыли свои окна
догадываясь, что дѣло кончено.

Къ тому же часъ уже былъ поздній, а тогда, какъ и теперь в
Люксембургскомъ кварталѣ, всѣ ложились спать рано. Д'Артаньянъ
остался одинъ съ госпожею Бонасье. Бѣдная женщина лежала на крес
почти безъ чувствъ. Д'Артаньянъ быстрымъ взглядомъ окинулъ ее с
ногъ до головы.

Это была премиленькая женщина лѣтъ 26—27, брюнетка съ голу
быми глазами, съ чуть-чуть вздернутымъ носикомъ, съ чудными зубами
и прекраснымъ цвѣтомъ лица. По всѣмъ другимъ признакамъ опытны
глазъ сейчасъ же бы призналъ въ ней не очень знатную даму: рук
были, хотя и бѣлы, но не изящны, ноги тоже указывали на неаристо
кратическое происхожденіе этой женщины. Къ счастью, д'Артаньяну н
до того было, чтобы разглядывать такія мелочныя подробности.

Разглядывая такимъ образомъ госпожу Бонасье, д'Артаньянъ, вдруг
замѣтилъ на полу валявшійся батистовый платокъ. Онъ по привычк
поднялъ его и на одномъ уголкѣ увидалъ точно такіе же иниціал
какіе онъ замѣтилъ на томъ платкѣ, изъ-за котораго онъ съ Арамисом
чуть-чуть не поссорились на смерть.

Съ того еще времени д'Артаньянъ какъ-то инстинктивно боял
этихъ платковъ съ гербами, а потому, не говоря ни слова, о
положилъ сейчасъ же поднятый платокъ въ карманъ къ госпож
Бонасье.

Въ ту минуту, какъ онъ искалъ у госпожи Бонасье карманъ, чтоб
вложить туда платокъ, она пришла въ чувство. Открывъ глаза, она с
ужасомъ оглядѣлась кругомъ и съ облегченіемъ увидала, что комната
пуста, и она находится въ ней одна со своимъ избавителемъ. Тотча
же она съ улыбкой протянула ему обѣ руки. Замѣтимъ въ скобках
что госпожа Бонасье умѣла улыбаться самымъ очаровательны
образомъ.

— Ахъ, — сказ[illegible]а она, — это вы, мой избавитель! Позвольте мн
поблагодарить в

— Сударыня, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — я сдѣлалъ только то, что всякій порядочный человѣкъ сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, слѣдовательно, вы рѣшительно ничѣмъ не обязаны мнѣ.

— О, напротивъ, напротивъ! Я надѣюсь, что смогу доказать вамъ свою благодарность. Но скажите, чего же хотѣли отъ меня эти люди, я приняла сначала ихъ за воровъ, и почему же господина Бонасье нѣтъ дома?

— Сударыня, это были люди много опаснѣе обыкновенныхъ воровъ, это—агенты кардинала! Что же касается вашего супруга, господина Бонасье, то его нѣтъ дома, потому что вчера его арестовали и посадили въ Бастилію.

— Мой мужъ въ Бастиліи!—вскричала госпожа Бонасье.— О, Боже мой, но что же такое онъ могъ сдѣлать, мой милый муженекъ? Вѣдь онъ— сама невинность!

При этихъ словахъ будто какая-то улыбка скользнула по лицу молодой женщины.

— Что онъ сдѣлалъ, сударыня? Мнѣ кажется, что единственное преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ счастье и въ то же время несчастье состоять вашимъ супругомъ.

— Но, значитъ, вы знаете...

— Я знаю, сударыня, что васъ похитили.

— Но кто? Вы знаете? Ахъ, если вы его знаете, скажите мнѣ, кто?

— Человѣкъ сорока, сорока пяти лѣтъ, черноволосый, смуглый, съ рубцомъ на лѣвомъ вискѣ.

— Такъ, все это такъ, но его имя?

— Имени-то его я какъ разъ и не знаю.

— А мужъ мой узналъ, что меня похитили?

— Да, его предупредили письмомъ, которое написалъ ему самъ похитившій васъ.

— А знаетъ ли онъ,— спросила со смущеніемъ госпожа Бонасье, — настоящую причину этой исторіи?

— Онъ, кажется, все это объясняетъ какой-то политической интригой.

— Прежде я въ этомъ сомнѣвалась сама, а теперь я тоже въ этомъ увѣрена. Значитъ, мой милый супругъ ни на минуту не усумнился во мнѣ?

— О, помилуйте, онъ все время твердилъ, что вы такъ благоразумны и такъ его любите...

Снова легкая улыбка мелькнула по розовымъ губкамъ госпожи Бонасье.

— Но какъ же удалось вамъ убѣжать отъ похитителей?— спросилъ ее д'Артаньянъ.

— Я воспользовалась минутой, когда меня оставили одну и съ помощью простынь спустилась изъ окна. Сюда я прибѣжала, потому что думала найти здѣсь своего супруга.

— Чтобы искать его защиты?

— О! нѣтъ! Я отлично знала, что онъ, бѣдняжка, не сможетъ защитить меня. Я хотѣла только предупредить его, такъ какъ онъ можетъ быть намъ полезенъ въ другомъ отношеніи.

— Предупредить? О чемъ?

— О, это не мой секретъ, и потому я не могу вамъ этого сказать.

— Простите, сударыня, къ тому же, я, хотя и гвардеецъ, но долженъ напомнить вамъ о предосторожности. Здѣсь мы вовсе не въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было бы удобно сообщать секреты. Люди, которыхъ я разогналъ, вѣроятно, скоро вернутся сюда, да еще съ подкрѣпленіемъ. Если они найдутъ насъ здѣсь, то мы пропали. Я тоже предупредилъ своихъ трехъ друзей, но еще неизвѣстно, застанетъ ли посланный ихъ дома.

— Да, да, вы правы,—вскричала встревоженная госпожа Бонасье,— надо бѣжать, спасаться!

Съ этими словами она взяла подъ руку д'Артаньяна и повела его къ двери.

— Но куда же бѣжать? — спросилъ д'Артаньянъ, — куда намъ спасаться?

— Прежде всего, уйдемъ изъ этого дома, а тамъ увидимъ.

Молодые люди, не давши себѣ даже труда запереть за собой дверь, быстро пошли по улицѣ Могильщиковъ, повернули въ улицу Могилъ Принца и остановились отдохнуть только на площади Св. Сюльпиція.

— А что же мы будемъ дѣлать теперь? — спросилъ д'Артаньянъ.— Куда мнѣ теперь провести васъ?

— Признаться, я сильно затрудняюсь отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ,—сказала госпожа Бонасье.—Собственно говоря, мнѣ нужно бы было черезъ моего мужа предупредить господина де-ла-Порта обо всемъ случившемся, узнать отъ него все, что произошло за послѣдніе три дня въ Луврѣ, и спросить, можно ли мнѣ явиться туда, или нѣтъ?

— Такъ я могу же сходить самъ къ господину де-ла-Порту?

— Конечно, можете, только вотъ какого рода несчастье: моего Бонасье знаютъ въ Луврѣ, его бы пропустили безъ задержки, а васъ вотъ не знаютъ и не пустятъ...

— Ну, навѣрное, у какой-нибудь тамъ калитки есть вамъ преданный сторожъ, который, по условленному знаку...

Госпожа Бонасье пристально посмотрѣла на молодого человѣка.

— А если я скажу вамъ этотъ пароль, — сказала она, — позабудете ли вы его тотчасъ же, какъ только имъ воспользуетесь.

— Даю вамъ честное слово благороднаго человѣка! — отвѣчалъ д'Артаньянъ такимъ искреннимъ тономъ, что ему нельзя было не повѣрить.

— Ну, хорошо, я вѣрю вамъ. Вы мнѣ кажетесь честнымъ человѣкомъ, къ тому же теперь, можетъ-быть, отъ вашей преданности зависитъ все ваше будущее счастье.

— Я честно исполнилъ бы все и безъ всякаго обѣщанія съ вашей стороны. Я хочу служить королю и быть полезнымъ королевѣ! Вы можете располагать мною, какъ другомъ.

— Но куда же вы меня дѣнете на это время?

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь знакомыхъ, куда бы де-ла-Портъ могъ притти за вами?

— Я никому не хочу довѣряться изъ своихъ знакомыхъ.

— Постойте,—сказалъ д'Артаньянъ,—мы находимся сейчасъ у самой двери Атоса. Да, конечно, такъ.

— Что это за Атосъ?

— Одинъ изъ моихъ друзей.

— А если онъ дома и меня увидитъ?

— Его нѣтъ дома. Я помѣщу васъ въ его комнатѣ и запру васъ тамъ, а ключъ возьму съ собой.

Молодые люди, не давши себѣ даже труда запереть за собой дверь, быстро пошли по улицѣ Могильщиковъ.

— Ну, а если онъ вернется?

— Онъ не вернется. А если вернется, то ему скажутъ, что я привелъ даму и эта дама у него.

— Но вы не понимаете, что это можетъ скомпрометировать меня?

— Да что вамъ до того? Васъ здѣсь никто не знаетъ. Въ такомъ положеніи, какъ сейчасъ, можно быть и не такъ уже щепетильной на этотъ счетъ.

— Ну, такъ хорошо, пойдемъ къ вашему другу. Гдѣ онъ живетъ?

— Два шага отсюда. Въ улицѣ Феру.

— Идемте.

Пошли въ улицу Феру. Какъ и предполагалъ д'Артаньянъ, Атоса дома не было. Д'Артаньянъ взялъ ключъ по праву дружбы съ хозяиномъ, поднялся на лѣстницу и ввелъ г-жу Бонасье въ маленькую квартиру Атоса, которую мы уже описали раньше.

— Вы здѣсь у себя, — сказалъ онъ. — Дождитесь меня. Заприте изнутри дверь и не отворяйте никому, пока не услышите три вотъ такіе удара, вотъ такъ, слушайте.

И д'Артаньянъ ударилъ три раза. Два удара, одинъ сейчасъ же за другимъ и довольно сильные, затѣмъ третій, много спустя и значительно легче.

— Хорошо, теперь моя очередь давать вамъ инструкціи, — сказала г-жа Бонасье.

— Я слушаю.

— Отправляйтесь къ той калиткѣ Лувра, которая со стороны улицы Лѣстницы, и спросите тамъ Жермена.

— Хорошо, дальше?

— Онъ васъ спроситъ, что вамъ угодно, и на это вы отвѣтите ему всего двумя словами: Туръ и Брюссель. Онъ исполнитъ сейчасъ же все, что вы ему прикажете.

— А что мнѣ надо приказать ему?

— Во-первыхъ прикажите ему позвать де-ла-Порта, старшаго камердинера королевы!

— Де-ла-Портъ придетъ. Дальше?

— Вы его пришлете ко мнѣ. Вотъ и все.

Д'Артаньянъ воспользовался минутой, пока дежурный ходилъ съ докладомъ, чтобы перевести стрѣлки часовъ на три четверти часа назадъ.

— Прекрасно, но когда же и гдѣ же я снова увижу васъ?

— А вамъ этого очень хочется?

— Конечно.

— Если это такъ, то позабочусь объ этомъ я, вы же будьте спокойны.

— Ну, хорошо, я полагаюсь на ваше слово.

— Будьте въ томъ увѣрены.

Д'Артаньянъ раскланялся съ г-жею Бонасье и, бросивъ на нее влюбленный взглядъ, вышелъ изъ комнаты. Спускаясь съ лѣстницы, онъ

услыхалъ, какъ за нимъ два раза щелкнулъ въ дверяхъ замокъ. Въ два прыжка онъ былъ у Лувра. Въ ту минуту, когда онъ входилъ въ калитку со стороны улицы Лѣстницы, пробило десять часовъ. Все описанное нами произошло не больше, слѣдовательно, какъ въ полчаса.

Какъ разсказала г-жа Бонасье, такъ и случилось. На условленный пароль Жерменъ молча поклонился. Десять минутъ спустя, пришелъ и де-ла-Портъ. Въ двухъ словахъ д'Артаньянъ разсказалъ ему все дѣло и объяснилъ, гдѣ онъ можетъ теперь повидать г-жу Бонасье. Ла-Портъ, чтобы не забыть, два раза заставилъ повторить себѣ адресъ и отправился туда бѣгомъ. Но не сдѣлалъ онъ и десяти шаговъ, какъ вернулся назадъ.

— Молодой человѣкъ, — сказалъ онъ д'Артаньяну, — позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ.

— Какой?

— Можетъ случиться, что вамъ грозитъ какая-нибудь непріятность по поводу того, что только что случилось.

— Вы такъ думаете?

— Да, я думаю. Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь друга, у котораго бы часы нѣсколько отставали.

— Для чего же это?

— Если есть, такъ отправляйтесь скорѣе къ нему, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, могъ засвидѣтельствовать, что въ девять съ половиною часовъ вы были у него въ гостяхъ. Юридически это называется: доказать свое alibi.

Д'Артаньянъ нашелъ, что совѣтъ былъ въ высшей степени благоразуменъ и опрометью бросился бѣжать прямо въ отель де-Тревиля. Но вмѣсто того, чтобы какъ всегда пройти въ пріемную, онъ попросилъ дежурнаго пропустить его прямо въ кабинетъ. Такъ какъ д'Артаньянъ былъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей отеля, то его просьба не встрѣтила никакихъ препятствій. Дежурный пошелъ доложить де-Тревилю, что молодой его соотечественникъ, имѣя сообщить капитану нѣчто очень важное, проситъ особенной аудіенціи. Пять минутъ спустя, де-Тревиль уже спрашивалъ д'Артаньяна, чѣмъ онъ можетъ служить ему и чему онъ обязанъ такимъ позднимъ визитомъ.

— Простите, капитанъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, воспользовавшійся минутой, пока дежурный ходилъ съ докладомъ, чтобы перевести стрѣлки часовъ на три четверти часа назадъ. — Я думалъ, что еще не поздно явиться къ вамъ, такъ какъ всего только двадцать пять минутъ десятаго.

— Двадцать пять минутъ десятаго! — удивился де-Тревиль, — да можетъ ли быть?

— Извольте взглянуть сами, капитанъ, тогда вы, вѣроятно, повѣрите мнѣ.

— Да, вѣрно, — сказалъ де-Тревиль, — мнѣ что-то казалось, какъ будто теперь позднѣе. Но что же вамъ угодно отъ меня, молодой человѣкъ?

Тутъ д'Артаньянъ разсказалъ де-Тревилю длинную исторію сегодняшняго дня. Онъ передалъ ему свой страхъ касчетъ безопасности ея величества. Передалъ все, что ему пришлось узнать о планахъ кардинала относительно Букингама, и все это съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью, что де-Тревилю даже въ голову не пришло, что все это,

безъ всякаго ущерба для ихъ величествъ, можно бы было передать ему и завтра утромъ. Де-Тревиль, какъ мы уже говорили, самъ замѣтилъ что-то странное въ отношеніяхъ кардинала, короля и королевы, а потому слушалъ очень внимательно д'Артаньяна.

Было десять часовъ, когда д'Артаньянъ простился съ де-Тревилемъ, и тотъ благодарилъ его за доставленныя свѣдѣнія и совѣтовалъ всю жизнь служить королю и королевѣ вѣрой и правдой. Затѣмъ де-Тревиль ушелъ къ себѣ, а д'Артаньянъ пошелъ изъ отеля. Но на лѣстницѣ д'Артаньянъ вспомнилъ, что забылъ въ кабинетѣ свою трость. Торопливо вбѣжавъ въ кабинетъ, онъ однимъ движеніемъ пальца переставилъ стрѣлку часовъ на надлежащее ей мѣсто и затѣмъ весело сталъ спускаться по длинной лѣстницѣ отеля, съ увѣренностью, что теперь, въ случаѣ надобности, онъ имѣетъ такого солиднаго свидѣтеля, какъ де-Тревиль, который можетъ доказать его alibi.

Глава XI.

Дѣло осложняется.

Выйдя отъ де-Тревиля, д'Артаньянъ тихимъ шагомъ пошелъ къ себѣ домой, раздумывая о чемъ-то.

О чемъ же задумывался д'Артаньянъ, что даже уклонился отъ прямого пути, и то поглядывалъ на звѣзды, то вздыхая, то улыбаясь.

Онъ думалъ о г-жѣ Бонасье. Для такого новичка молодая женщина была воплощеннымъ идеаломъ красоты. Хорошенькая, окруженная такой таинственностью, посвященная почти во всѣ интриги двора, что придавало ея миловидному лицу столько очаровательной важности, она, какъ говорили о ней, сама была особа весьма чувствительная, что всегда имѣетъ особенную притягательную силу въ глазахъ очень молодыхъ людей. Въ довершеніе всего д'Артаньянъ былъ теперь ея освободителемъ отъ шайки грубыхъ полицейскихъ, а подобная услуга всегда устанавливаетъ между женщиной и мужчиной одно изъ тѣхъ чувствъ трогательной признательности, которое легко принимаетъ впослѣдствіи болѣе нѣжный и опасный характеръ.

Извѣстно, какъ быстро и далеко уноситъ человѣка мечты на крыльяхъ воображенія. Д'Артаньянъ уже ясно представлялъ себѣ, какъ къ нему подходитъ посланный отъ молодой женщины и передаетъ ему записку, гдѣ та назначаетъ ему любовное свиданіе, или убѣдительно проситъ принять отъ нея въ подарокъ прилагаемую золотую цѣпочку, или дорогой брильянтъ. Какъ мы уже сказали, въ т. доброе, старое время молодые люди нисколько не стыдились принимать подарки отъ короля. Принципы нравственности не были такъ строги и неумолимы, какъ въ наше время, и молодые люди не особенно стѣснялись въ этомъ отношеніи и съ прекраснымъ поломъ. Женщины всегда почти дѣлали подарки мужчинамъ, которыхъ любили, какъ будто стараясь побѣдить непостоянство ихъ чувствъ прочностью своихъ подарковъ.

Мужчины тогда, нисколько не краснѣя, дѣлали свою карьеру черезъ женщинъ. Разумѣется, что тѣ, которыя не обладали ничѣмъ кромѣ своей красоты, принуждены были довольствоваться только тѣмъ, что

имѣли. Тѣ же, которыя были кромѣ того и богаты, дарили обыкновенно сверхъ своей любви и извѣстное количество денегъ. Мы могли бы назвать порядочное число героевъ той эпохи, которые, сказать по совѣсти, не только не выигрывали бы тѣхъ блестящихъ сраженій, которыя прославили ихъ имена, но даже не имѣли бы права носить свои шпоры, если бы у нихъ не было туго набитыхъ кошельковъ, которые ихъ любовницы привязывали къ ихъ сѣдламъ.

Ничего подобнаго у д'Артаньяна не было. Нѣкоторая нерѣшительность провинціала, стыдливость, свѣжесть невиннаго лица — все это уже исчезло у д'Артаньяна, благодаря не совсѣмъ нравственнымъ совѣтамъ, которые все время давали ему трое его друзей. Д'Артаньянъ, какъ и всѣ почти молодые люди того времени, считалъ себя въ Парижѣ какъ будто на военномъ положеніи, въ походѣ, въ родѣ того, какъ гдѣ-нибудь въ Фландріи: тамъ—испанцы, а тутъ—женщины. Все время приходилось воевать съ непріятелемъ и налагать на побѣжденныхъ контрубуціи.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость д'Артаньяну, что въ данномъ случаѣ онъ былъ увлеченъ чувствомъ болѣе благороднымъ и безкорыстнымъ. Правда, лавочникъ сказалъ ему, что онъ богатъ; не трудно было догадаться, что у такого простячка, какимъ былъ Бонасье, ключъ отъ сундука былъ въ рукахъ жены, но это не имѣло никакого вліянія на то чувство, какимъ воспылалъ къ молодой женщинѣ д'Артаньянъ, и мысль о выгодѣ была почти чужда его любви. Мы говоримъ „почти", такъ какъ мысль, что молодая, красивая, граціозная и умная женщина въ то же время и богата, не можетъ никакъ убавить любовь къ ней, а скорѣе, наоборотъ, можетъ только укрѣпить ее.

Когда женщина богата, у ней непремѣнно является масса всевозможныхъ прихотей и аристократическихъ привычекъ, которыя очень къ ней идутъ, если она красива. Тонкій бѣлый чулочекъ, шелковое платье, кружевной воротничокъ, хорошенькая туфелька на изящной ножкѣ, свѣжая ленточка въ головѣ—все это хоть и не можетъ сдѣлать уродливую женщину красавицей, но хорошенькую женщину можетъ сдѣлать очень красивой, не говоря уже о рукахъ, которыя только выигрываютъ отъ всего этого. Руки, въ особенности у женщинъ, должны всегда оставаться праздными, чтобы быть красивыми и изящными.

Какъ извѣстно уже нашему читателю, отъ котораго мы ничего не скрыли относительно нашего героя, онъ былъ далеко не милліонеромъ. Разумѣется, онъ не терялъ надежды рано или поздно сдѣлаться имъ, но этотъ счастливый моментъ, по собственному сознанію д'Артаньяна, былъ еще очень и очень далекъ. Но пока нѣтъ не только милліоновъ, но нѣтъ даже и единицъ. Какое невыразимое страданіе глядѣть на любимую женщину, которой такъ хочется имѣть разныя бездѣлушки,—что для женщины составляетъ все ея счастье,—и не имѣть возможности доставить ей это счастье, подарить ей эти бездѣлушки! Когда женщина сама богата, а любовникъ ея бѣденъ, то она покупаетъ всегда себѣ сама, чего не въ состояніи преподнести ей онъ, и хотя это, обыкновенно, покупается на деньги мужа, но бываетъ очень рѣдко, что благодарность за эти деньги выпадаетъ всецѣло на долю послѣдняго.

Д'Артаньянъ, таившій въ себѣ страшное желаніе сдѣлаться самымъ нѣжнымъ любовникомъ г-жи Бонасье, оставался пока только самымъ

преданнымъ ея другомъ. Среди плановъ, которые онъ уже строилъ въ своемъ воображенiи относительно жены хозяина дома, онъ не забывалъ и себя. Г-жа Бонасье была настолько хороша, что съ ней было бы очень недурно прогуляться гдѣ-нибудь въ Сенъ-Дени или въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу, въ обществѣ Атоса, Портоса и Арамиса. Было бы очень прiятно похвастаться передъ ними такой побѣдой. За послѣднее время д'Артаньянъ на опытѣ узналъ, что послѣ прогулки всегда является хорошiй аппетитъ. Поэтому въ воображенiи его стала рисоваться картина, какъ они, послѣ одной изъ такихъ прогулокъ, садятся гдѣ-нибудь пообѣдать. Какъ весело бываетъ на такихъ очаровательныхъ, такъ сказать, семейныхъ обѣдахъ: съ одной стороны пожать руку добраго прiятеля, а съ другой—ножку хорошенькой женщины! Наконецъ, въ случаяхъ крайнихъ, неотложныхъ, исключительныхъ, д'Артаньянъ, можетъ-быть, согласился бы выручить и своихъ друзей.

Но гдѣ же г. Бонасье, котораго такъ предательски отдалъ д'Артаньянъ въ руки жандармовъ, вслухъ отрекся отъ него, а на ухо обѣщалъ спасти его? Мы должны сознаться передъ нашими читателями, что д'Артаньянъ самымъ искреннимъ образомъ забылъ о немъ и думать, а если когда и вспоминалъ, то говорилъ себѣ, что ему очень хорошо тамъ, гдѣ онъ теперь сидитъ, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ. Любовь, это—самое эгоистическое чувство въ человѣкѣ.

Пусть только читатели наши не безпокоятся о г. Бонасье. Если д'Артаньянъ и забылъ о своемъ гостѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не зналъ, куда его засадили, то мы-то о немъ не забыли и знаемъ, гдѣ онъ теперь находится. Однако, пока мы послѣдуемъ примѣру влюбленнаго гасконца: отложимъ на нѣкоторое время разговоръ о почтенномъ торговцѣ.

Мечтая такимъ образомъ о предстоящей любви, разговаривая въ тиши ночной самъ съ собой, улыбаясь звѣздамъ, д'Артаньянъ шагалъ по улицѣ Шершъ-Миди, или Шассъ-Миди, какъ ее прозывали тогда. Тутъ д'Артаньянъ спустился съ облаковъ и вдругъ замѣтилъ, что онъ идетъ мимо квартиры Арамиса. Ему пришла мысль нанести визитъ своему другу, чтобы объяснить ему, для чего приходилъ къ нему Планше съ приглашенiемъ немедленно явиться въ мышеловку.

Если Арамисъ былъ дома, когда за нимъ приходилъ Планше, то, разумѣется, онъ прибѣжалъ сейчасъ же на улицу Могильщиковъ и засталъ тамъ лишь двухъ своихъ товарищей, недоумѣвающихъ, какъ и онъ. Такой переполохъ требовалъ непремѣннаго разъясненiя. Такъ сказалъ себѣ д'Артаньянъ вслухъ, въ глубинѣ же души разсчитывалъ просто поболтать съ другомъ лишнiй разъ о хорошенькой г-жѣ Бонасье, о которой онъ теперь только и думалъ. Нельзя требовать абсолютной скромности отъ первой любви. Эта первая любовь порождаетъ въ сердцѣ молодого человѣка такую радость, такъ переполняетъ всѣ его помыслы, чувства и желанiя, что если она и выльется наружу въ бесѣдѣ съ добрымъ другомъ, то врядъ ли можно осуждать за эту излишнюю откровенность молодого влюбленнаго.

Сумерки спустились надъ Парижемъ уже часа два тому назадъ, и улицы стали темнѣть. На всѣхъ часахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья пробило одиннадцать часовъ. Вечеръ былъ теплый. Д'Артаньянъ шелъ по переулку, который теперь переименованъ въ улицу Ассà, и съ на-

слажденіемъ вдыхалъ свѣжій ночной воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ, который легкій вѣтерокъ заносилъ изъ роскошныхъ садовъ съ улицы Вожираръ. Кое-гдѣ сквозь запертую ставню кабачка прорывалась пѣсня какого-то запоздалаго гуляки. Было тихо, темно и прохладно.

Пройдя весь переулокъ, д'Артаньянъ повернулъ налѣво. Домъ, гдѣ жилъ Арамисъ, находился между улицами Кассетъ и Сервандони.

Д'Артаньянъ миновалъ улицу Кассетъ и сталъ уже подходить къ двери Арамисова дома, утопавшаго въ зелени густыхъ деревьевъ, точно подъ громаднымъ зеленымъ вѣнцомъ, какъ вдругъ онъ что-то замѣтилъ, какъ будто какую-то тѣнь, двигавшуюся по улицѣ Сервандони. Это „что-то" было наглухо завернуто въ плащъ. Д'Артаньянъ принялъ сначала эту фигуру за мужчину, но по маленькому росту, неувѣренной, мелкой походкѣ, онъ догадался, что это была женщина.

Женщина эта, казалось, не знала навѣрное дома, который ей было нужно. Она разглядывала каждый домъ, поминутно оборачивалась, останавливалась, возвращалась назадъ, шла опять дальше.

Это очень заинтересовало д'Артаньяна.

„А что, если я пойду и предложу ей свои услуги, — подумалъ д'Артаньянъ. — По походкѣ ея, надо думать, что она молода, а, можетъ-быть, она и недурна лицомъ. О, навѣрное! Женщина, которая въ такой часъ одна пробирается по улицѣ, навѣрное, идетъ на свиданіе къ своему любовнику. Только это будетъ не особенно хорошее начало для перваго знакомства, если я помѣшаю этому свиданію".

Тѣмъ временемъ женщина подвигалась все ближе и ближе, разглядывая всѣ двери и окна. Впрочемъ, это занятіе не могло отнять слишкомъ много времени и не представляло большого труда, такъ какъ въ этой части улицы было всего только три дома, и всего только два окна выходили на улицу. Одно окно было въ домѣ, который стоялъ напротивъ жилища Арамиса, а другое принадлежало этому послѣднему.

— Ага! Чортъ возьми! — пробормоталъ д'Артаньянъ, вспомнивъ племянницу богослова. — Странно, кажется, эта запоздалая голубка ищетъ какъ разъ домъ нашего друга Арамиса. Ей-Богу, на то похоже! Ай, ай! Миленькій мой Арамисъ, на этотъ разъ я хочу разузнать все получше.

Съежившись елико возможно, д'Артаньянъ прижался въ самомъ темномъ уголкѣ улицы около каменной скамейки, стоявшей въ нишѣ.

А женская фигура все приближалась и приближалась. На ходу она покашливала слегка и по этому кашлю можно было заключить о мягкости и звучности ея голоса. Д'Артаньяну пришло въ голову, что этотъ кашель — условный знакъ.

Вдругъ, потому ли, что ей отвѣтили такимъ же сигналомъ, или просто потому, что она узнала нужный ей домъ, только вдругъ молодая авантюристка пошла быстро, рѣшительно подошла къ окну Арамиса и черезъ ровные промежутки времени три раза постучала кулачкомъ въ ставень.

— Прямо такъ-таки къ Арамису, — прошепталъ д'Артаньянъ въ изумленіи. — Ого! Лицемѣръ! Теперь я вижу воочію, съ кѣмъ вы изучаете богословіе.

Въ отвѣтъ на это послѣдовали три удара, внутренняя рама отворилась и сквозь ставни блеснулъ свѣтъ.

— Вотъ такъ разъ!—подумалъ д'Артаньянъ,—значитъ, гостью поджидали! Неужели же дама полѣзетъ въ окно? Вотъ будетъ прекрасно!

Но къ большому его удивленію ставни не открывались и даже исчезъ сверкнувшій было свѣтъ.

Д'Артаньянъ былъ увѣренъ, что это не можетъ продолжаться долго; онъ глядѣлъ въ оба и жадно слушалъ.

Онъ былъ правъ. Спустя нѣсколько минутъ, изнутри послышались два удара.

Женщина въ отвѣтъ стукнула съ улицы одинъ разъ, и ставни открылись.

Можно представить себѣ, съ какою жадностью принялся глядѣть и слушать д'Артаньянъ.

Къ несчастью, свѣтъ перенесенъ былъ въ другую комнату, но глаза молодого человѣка привыкли различать все и въ ночной темнотѣ. Если вѣрить тому, что говорятъ про гасконцевъ, то они могутъ видѣть въ темнотѣ, какъ кошки.

Д'Артаньянъ разглядѣлъ, что женщина вынула изъ кармана какой-то бѣлый предметъ, и когда она быстро развернула его, то онъ увидалъ, что это былъ носовой платокъ. Затѣмъ она показала тому, кто былъ въ окнѣ, одинъ изъ угловъ платка.

Все это напомнило д'Артаньяну, что у ногъ г-жи Бонасье онъ нашелъ такой же платокъ, какъ и у ногъ Арамиса.

„Однако же, чортъ возьми, что эти платки могутъ значить?"

Съ того мѣста, гдѣ стоялъ д'Артаньянъ, онъ не могъ видѣть лица Арамиса, а что въ окно разговаривалъ съ дамой именно Арамисъ, онъ не сомнѣвался нисколько. Любопытство одержало верхъ надъ осторожностью и вотъ д'Артаньянъ, воспользовавшись минутой, когда, повидимому, все вниманіе разговаривавшихъ устремлено было на платокъ, вышелъ изъ своей засады и, пройдя нѣсколько шаговъ съ величайшей осторожностью, всталъ такъ, что черезъ улицу могъ видѣть всю внутренность квартиры Арамиса. Разсмотрѣвъ фигуру, говорившую изъ окна, д'Артаньянъ чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: изъ окна съ подошедшей женщиной разговаривалъ не Арамисъ, а какая-то женщина. Какъ ни старался д'Артаньянъ напрягать глаза, онъ могъ разобрать только по покрою одежды, что это была женщина, лица же ея разглядѣть не могъ.

Но вотъ женщина, говорившая изъ окна, вынула изъ кармана другой платокъ и обмѣняла его на тотъ, который женщина, стоявшая на улицѣ, ей только что показала. Затѣмъ обѣ женщины тихо обмѣнялись нѣсколькими словами. Но вотъ ставня захлопнулась, и женщина въ черномъ плащѣ пошла назадъ и прошла мимо д'Артаньяна въ какихъ-нибудь четырехъ шагахъ, опуская на ходу свой капюшонъ. Однако, эта необходимая предосторожность уже опоздала. Д'Артаньянъ въ прошедшей передъ нимъ женщинѣ узналъ г-жу Бонасье. Г-жа Бонасье!

Мимолетное подозрѣніе, что это была она, явилось было у д'Артаньяна, когда она изъ своего кармана вынула платокъ. Но развѣ можно было подумать серіозно, что г-жа Бонасье, которая послала его за де-ла-Портомъ, чтобы итти съ нимъ въ Лувръ, станетъ бѣгать въ одиннадцать съ половиною часовъ ночи по глухимъ улицамъ Парижа, рискуя каждую минуту быть снова похищенною.

Оставалось предположить только, что все это дѣлалось по очень важному и неотложному дѣлу. Но что можетъ быть особенно важнаго и неотложнаго у двадцатипятилѣтней женщины? Разумѣется, любовь.

Но для себя ли лично подвергалась она такой опасности или для кого-нибудь другого? Вотъ какой вопросъ вертѣлся въ головѣ у молодого человѣка, у котораго уже начинала заговаривать ревность, какъ будто онъ уже на самомъ дѣлѣ былъ ея любовникомъ.

Чтобы удостовѣритъся, куда идетъ г-жа Бонасье, было самое вѣрное и самое простое средство: это — слѣдовать за ней. Это средство было такъ просто, что д'Артаньянъ совершенно инстинктивно прибѣгнулъ къ нему.

Увидавъ, что отъ стѣны, какъ статуя изъ ниши, отдѣлился человѣкъ и пошелъ слѣдомъ за ней, г-жа Бонасье вскрикнула и пустилась бѣжать.

Д'Артаньянъ разглядѣлъ, что женщина вынула изъ кармана носовой платокъ и показала тому, кто былъ въ окнѣ, одинъ изъ угловъ платка.

Д'Артаньянъ бросился за ней. Разумѣется, для него не составляло никакого труда нагнать женщину, путавшуюся въ своемъ длинномъ плащѣ. Не успѣла она пробѣжать и трети улицы, какъ онъ уже нагналъ ее. Несчастная женщина совсѣмъ обезсилѣла, но не отъ усталости, а отъ страха, и когда д'Артаньянъ положилъ ей на плечо руку, она упала на колѣни и закричала сдавленнымъ голосомъ:

— Убейте меня, если хотите, вы ничего не узнаете.

Д'Артаньянъ обнялъ ее за талію и постарался поднять.

По тяжести ея тѣла чувствуя, что она готова была лишиться сознанія, онъ поспѣшилъ успокоить ее и увѣрить, что ей нечего бояться. Увѣренія эти сначала мало успокоивали г-жу Бонасье, потому что часто люди говорятъ ихъ, а въ душѣ таятъ самыя скверныя на свѣтѣ намѣренія, но голосъ, какимъ все это было сказано, привелъ ее въ себя. Молодой женщинѣ показалось, что голосъ этотъ ей знакомъ. Она открыла глаза, взглянула на человѣка, который такъ напугалъ ее, и, узнавши д'Артаньяна, радостно вскрикнула:

— Это вы! Боже, благодарю Тебя!

— Да, это я, — сказалъ д'Артаньянъ, — я, посланный Богомъ заботиться о васъ.

— А развѣ вы съ такимъ намѣреніемъ гнались сейчасъ за мной?— спросила она съ самой кокетливой улыбкой. — Веселый характеръ молодой женщины сейчасъ же разсѣялъ всѣ ея страхи и ей уже хотѣлось смѣяться, какъ только она признала друга въ человѣкѣ, котораго только что передъ тѣмъ принимала за врага.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Арамисъ,—нѣтъ, не стану скрывать. Я зашелъ сюда случайно. Я заинтересовался тѣмъ, что какая-то женщина стала стучать въ окно къ моему другу.

— Къ вашему другу?

— Ну, конечно. Арамисъ одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Арамисъ! Это что еще такое?

— Перестаньте притворяться! Не скажете ли вы мнѣ, что не знаете Арамиса?

— Я въ первый разъ слышу это имя.

— Такъ значитъ вы и къ дому этому приходите въ первый разъ?

— Ну, конечно.

— И вы не знали, что тутъ живетъ молодой человѣкъ?

— Нѣтъ!

— Мушкетеръ?

— Да нѣтъ же.

— Такъ значитъ вы не для него приходили сюда?

— Ничего подобнаго. Къ тому же вы, вѣроятно, сами могли замѣтить, что особа, съ которой я говорила, была женщина.

— Это правда, но эта женщина—другъ Арамиса.

— Я ничего этого не знаю.

— Такъ какъ она живетъ у него.

— Это до меня не касается.

— Но кто она такая?

— О, это не моя тайна?

— Ахъ, г-жа Бонасье, вы очаровательны, но ужасно какъ таинственны!

— Развѣ я теряю что-нибудь отъ этого?

— Нѣтъ, напротивъ, вы еще болѣе отъ того обворожительны.

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ руку.

— Съ наслажденіемъ. Теперь?..

— Теперь проводите меня.

— Куда?

— Туда, куда я пойду.

— А куда вы пойдете?

— Увидите, такъ какъ вы проводите меня до самыхъ дверей.

— Не надо ли будетъ мнѣ подождать васъ тамъ?

— Это будетъ безполезно.

— Вы вернетесь оттуда, значитъ, не одна?

— Можетъ-быть, да, а можетъ-быть, нѣтъ.

— А кто будетъ васъ сопровождать, мужчина или женщина?

— Я еще не знаю ничего сама.

— Ну, такъ я узнаю самъ.

— Какъ это такъ?

— А очень просто, дождусь и увижу, съ кѣмъ вы выйдете!

— Въ такомъ случаѣ, прощайте!

— Почему это?

— Мнѣ васъ не нужно.

— Но вѣдь вы сами говорили?

— Да, я хотѣла помощи джентльмена, но никакъ не желала попасть подъ надзоръ шпіона.

— Выраженіе довольно рѣзкое!

— А какъ же назвать человѣка, который бѣгаетъ по слѣдамъ другого, безъ согласія послѣдняго?

— Можно назвать его нескромнымъ...

— Слишкомъ будетъ нѣжно...

— Ну, хорошо, пойдемте, сударыня, я вижу, что ваши желанія надо исполнять въ точности.

— А почему вы въ ту же минуту не согласились на мои условія?

— Такъ вѣдь я же раскаялся!

— Вы искренне раскаиваетесь?

— Навѣрное, еще не знаю. Знаю только одно, что если вы позволите мнѣ проводить васъ туда, куда вы идете, я сдѣлаю все, что только вы пожелаете.

— И вы затѣмъ уйдете?

— Да!

— И когда я буду выходить, вы не будете шпіонить за мной?

— Нѣтъ!

— Честное слово?

— Честное слово!

— Въ такомъ случаѣ, берите меня подъ руку и идемте.

Д'Артаньянъ предложилъ г-жѣ Бонасье руку. Она оперлась на нее, смѣясь и дрожа въ то же время. Скоро они достигли улицы де-ла-Гарпъ. Тутъ молодая женщина остановилась въ такой же нерѣшительности, какъ то было на улицѣ Вожираръ. Впрочемъ, она скоро признала домъ и рѣшительно подошла къ двери.

— Ну-съ,— сказала она,— у меня именно здѣсь есть дѣло. Тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое общество. Вы спасли меня отъ множества опасностей, которымъ бы я подвергалась, если бы шла одна. Но настало время, когда вы должны сдержать ваше слово. Мы пришли, куда мнѣ было нужно.

— А вамъ нечего будетъ бояться на возвратномъ пути?

— Кого же мнѣ бояться? Развѣ воровъ?

— А развѣ ихъ мало?

— Но что они могутъ украсть у меня? Со мной нѣтъ ничего.

— А вы забыли про вышитый платокъ съ гербами?

— Какой платокъ?

— Тотъ, что я нашелъ сегодня у вашихъ ногъ и снова положилъ вамъ въ карманъ?

— Замолчите, замолчите, несчастный!—вскричала испуганно молодая женщина. —Вы хотите погубить меня?

— Теперь вы сами отлично видите, что опасность все-таки для васъ существуетъ, такъ какъ одно лишь мое слово заставляетъ дрожать васъ, и сами сознаетесь, что если бы кто услыхалъ это слово, то вы бы погибли. Ахъ! послушайте же сударыня, — вскричалъ д'Артаньянъ, схвативъ ея руку и кидая на нее взглядъ, полный любви,— будьте же

великодушнѣе ко мнѣ, довѣрьтесь мнѣ! Развѣ не читаете вы въ моихъ глазахъ, что въ душѣ моей нѣтъ никакого другого чувства, кромѣ преданности и любви къ вамъ?

— Если бы вы спрашивали меня о моихъ тайнахъ,—отвѣчала г-жа Бонасье,—то, вѣрьте, я разсказала бы вамъ ихъ; но чужая тайна — это другое дѣло.

— Хорошо же, — сказалъ д'Артаньянъ, — я ихъ все равно открою. Разъ эти тайны могутъ повліять на вашу жизнь, то необходимо, чтобы онѣ сдѣлались моими.

— Берегитесь!—закричала молодая женщина такъ серіозно и строго, что д'Артаньянъ вздрогнулъ противъ воли. — О! Не мѣшайтесь лучше въ то, что касается одной меня, не пробуйте, не старайтесь помогать мнѣ въ моихъ дѣлахъ! Прошу васъ о томъ во имя того чувства, которое, какъ вы говорите, я вамъ внушаю, во имя той услуги, которую вы оказали уже мнѣ сегодня, и которой я не забуду во всю мою жизнь. Повѣрьте просто лучше всему тому, что я вамъ говорю. Оставьте меня, забудьте меня, какъ будто я больше не существую для васъ, какъ будто вы никогда и не встрѣчали меня.

— Неужели же и Арамисъ долженъ поступить такъ же, какъ и я, сударыня? — спросилъ обиженный д'Артаньянъ.

— Вотъ уже два или три раза вы упоминаете при мнѣ это имя, а между тѣмъ, какъ я уже вамъ сказала, мнѣ оно совершенно незнакомо.

— Какъ! Вы не знаете человѣка, къ которому стучите въ окна? Послушайте, сударыня, вы считаете меня черезчуръ легковѣрнымъ!

— Сознайтесь лучше, что вы сами придумали всю эту исторію, равно какъ и этого вашего друга, чтобы заставить меня проговориться.

— Ничего я не придумывалъ, сударыня, я говорю вамъ истинную правду.

— Такъ вы говорите, что одинъ изъ вашихъ друзей живетъ въ этомъ домѣ?

— Я говорю вамъ въ третій разъ: этотъ домъ — тотъ самый, въ которомъ живетъ мой другъ, а другъ этотъ Арамисъ.

— Все это объяснится впослѣдствіи, — задумчиво проговорила молодая женщина,—а пока молчите!

— Если бы вы могли прочесть все то, что сейчасъ дѣлается въ моемъ сердцѣ, то вы бы нашли тамъ такъ много любопытства, что сжалились бы надо мною, и столько любви къ вамъ, что сейчасъ же бы удовлетворили мое любопытство. Нечего бояться тѣхъ, кто такъ васъ любитъ.

— Вы слишкомъ рано заговорили о любви, — проговорила молодая женщина, покачивая головой.

— Это потому, что въ первый разъ въ жизни любовь слишкомъ сильно и быстро овладѣваетъ человѣкомъ, а мнѣ нѣтъ еще и двадцати лѣтъ.

Молодая женщина украдкой взглянула на него.

— Послушайте,—началъ снова д'Артанаянъ,—я почти уже напалъ на вѣрный слѣдъ. Три мѣсяца тому назадъ я чуть не дрался на дуэли съ этимъ самымъ моимъ другомъ Арамисомъ изъ-за точно такого же платка, какой вы сегодня показывали женщинѣ, говорившей съ вами

изъ его окна. И тотъ платокъ былъ намѣченъ такой же мѣткой, какъ и этотъ, я въ этомъ увѣренъ...

— Милостивый государь, — перебила его г-жа Бонасье, — вы страшно задерживаете меня со всѣми этими разговорами, клянусь вамъ!

— Но вы, сударыня, такая осторожная, подумайте только, что васъ могутъ вдругъ арестовать съ этимъ

Д'Артаньянъ схватилъ руку, которую ему протянули, и горячо поцѣловалъ ее.

платкомъ. Платокъ этотъ отъ васъ отберутъ. Развѣ вы не будете скомпрометированы этимъ.

— Почему же это? Развѣ на немъ не тѣ же иниціалы, которыя и у меня? К. и Б. — Констанція Бонасье.

— Или Камилла де-Буа-Траси.

— Молчите, говорю вамъ, молчите. Если уже не можетъ остановить васъ опасность, которой подвергаюсь я, то подумайте только, что можетъ случиться съ вами?

— Со мной?

— Да, съ вами! Изъ-за меня грозитъ вамъ тюрьма, вы рискуете за знакомство со мной своею жизнью!

— Въ такомъ случаѣ, я васъ никогда не покину!

— Послушайте, — обратилась къ нему молодая женщина, съ мольбой складывая руки,—именемъ неба, именемъ чести военнаго, именемъ джентльмена, умоляю васъ, уйдите отъ меня? Слушайте, бьетъ полночь! Это часъ, когда меня ждутъ.

— Сударыня, — отвѣчалъ съ поклономъ молодой человѣкъ, — я не умѣю отказывать той, которая проситъ меня такимъ образомъ. Будьте покойны, я удаляюсь!

— А вы не будете слѣдить за мною, не станете подсматривать?

— Я сію же минуту ухожу домой!

— Я такъ и знала, что вы благородный молодой человѣкъ!—сказала ему г-жа Бонасье, протягивая ему на прощанье одну руку, а другой берясь за молотокъ маленькой двери, спрятанной въ стѣнѣ.

Д'Артаньянъ схватилъ руку, которую ему протянули, и горячо поцѣловалъ ее.

— Ахъ! Ужъ лучше бы мнѣ никогда не встрѣчать васъ!—вскричалъ онъ съ той почти грубой несдержанностью, которую женщины часто предпочитаютъ самому учтивому обращенію, такъ какъ эта несдержанность всегда открываетъ настоящее настроеніе и доказываетъ, что чувство беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

— А я, — отвѣтила ласково г-жа Бонасье, пожимая слегка руку д'Артаньяна,—а я, пожалуй, не скажу того же, что вы. Что потеряно сегодня, въ будущемъ можетъ сбыться. Кто знаетъ, можетъ-быть, я и удовлетворю ваше любопытство въ тотъ день, когда меня освободятъ отъ даннаго слова.

— А даете ли вы мнѣ такое же обѣщаніе относительно моей любви? — вскричалъ радостно д'Артаньянъ.

— О, что касается до этого, то я вовсе не хочу связывать себя какимъ-нибудь словомъ! Все зависитъ отъ того чувства, которое вы сумѣете внушить мнѣ.

— Напримѣръ, сегодня...

— Сегодня я еще не иду дальше благодарности на словахъ.

— Ахъ, какъ вы прекрасны,—грустно молвилъ д'Артаньянъ.—Вы только злоупотребляете моимъ чувствомъ.

— Нисколько, я только воспользовалась вашею любезностью, вотъ и все. Но вѣрьте мнѣ, съ нѣкоторыми людьми ничего не пропадаетъ безслѣдно.

— О, вы дѣлаете меня самымъ счастливымъ человѣкомъ! Не забудьте же этого обѣщанія, не забывайте этого вечера!

— Будьте покойны! Въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, я все вспомню, а теперь уходите, уходите, умоляю васъ. Меня ждали ровно въ двѣнадцать часовъ, и я уже опоздала.

— Пятью минутами!

— Да, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ пять минутъ бываютъ дороже, чѣмъ пять вѣковъ.

— Когда любятъ...

— А почемъ вы знаете къ кому я иду?

— Такъ васъ ждетъ мужчина!—вскричалъ д'Артаньянъ.—Мужчина!

— Ну, вотъ опять начинается споръ, — сказала г-жа Бонасье съ улыбкой, носившей оттѣнокъ нетерпѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ухожу, я убѣгаю. Я вѣрю вамъ, я хочу лишь вознагражденія за свою преданность, если бы эта преданность и оказалась даже большою глупостью. Прощайте, сударыня, прощайте!

Д'Артаньянъ сдѣлалъ, наконецъ, надъ собой усиліе, разомъ оторвался отъ руки, которую держалъ, и пустился бѣжать.

Г-жа Бонасье, между тѣмъ, постучала молоткомъ въ дверь медленно и равномѣрно три раза, такъ же, какъ и въ окно Арамисова дома.

Д'Артаньянъ, дойдя до угла улицы, обернулся и увидалъ, какъ дверь отворилась и снова заперлась, пропустивъ г-жу Бонасье.

Д'Артаньянъ пошелъ домой. Онъ далъ слово не слѣдить за ней больше, и теперь, если бы даже жизнь ея зависѣла отъ того мѣста, куда она пошла, или отъ того человѣка, который будетъ провожать ее, онъ все-таки бы, не оглядываясь, пошелъ домой, разъ онъ далъ такое слово. Черезъ пять минутъ онъ уже былъ на улицѣ Могильщиковъ.

— Бѣдный Атосъ, — думалъ д'Артаньянъ, — онъ никакъ не догадается, что все это значитъ. Онъ, пожалуй, заснетъ, дожидаясь меня, или вернется къ себѣ, а, вернувшись, узнаетъ, что къ нему приходила какая-то женщина. У Атоса женщина! Въ сущности, что же! У Арамиса же есть одна,—разсуждалъ д'Артаньянъ самъ съ собой.— Очень все это странно! Интересно, чѣмъ это все разрѣшится?

— Плохо, баринъ, плохо,—отвѣтилъ ему вдругъ на этотъ вопросъ чей-то голосъ.

Какъ случается часто съ людьми очень озабоченными, д'Артаньянъ шелъ по улицѣ и, громко разговаривая самъ съ собой, не замѣтилъ, какъ подошелъ прямо къ двери своей квартиры и встрѣтилъ Планше.

— Что плохо? Что ты хочешь этимъ сказать, дуракъ? — спросилъ его д'Артаньянъ. — Что случилось?

— Много несчастій.

— Какія?

— Прежде всего, г. Атосъ арестованъ.

— Арестованъ? Атосъ арестованъ? За что?

— Его нашли въ вашей квартирѣ и приняли за васъ.

— Но кѣмъ онъ арестованъ?

— Да жандармами, за которыми сходили полицейскіе, тѣ, которыхъ вы разогнали.

— Отчего же онъ себя не назвалъ? Отчего онъ не сказалъ имъ, что никакого участія не принималъ въ первой исторіи?

— Онъ, баринъ, нарочно не говорилъ ничего. Онъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо: „Твоему барину въ эту минуту необходимо быть на свободѣ больше, чѣмъ мнѣ, такъ какъ онъ все знаетъ, а я ничего. Всѣ будутъ думать, что онъ арестованъ и такимъ образомъ онъ выиграетъ время. Черезъ три дня я скажу имъ, кто я такой, и меня принуждены будутъ освободить“.

— Браво, Атосъ, какая благородная душа, — проговорилъ д'Артаньянъ, — я узнаю его! А что же сдѣлали жандармы?

— Они вчетверомъ повели его куда-то; куда именно — не знаю, въ Бастилію или въ Форъ-Левекъ. Двое остались съ полицейскими здѣсь, обыскали все и унесли всѣ бумаги, а двое послѣднихъ стояли во время этого обыска у дверей, а потомъ ушли всѣ вмѣстѣ и домъ оставили незапертымъ.

— А Портосъ и Арамисъ?

— Ихъ я не засталъ дома. Они и не приходили.

— Но вѣдь они съ минуты на минуту могутъ притти. Вѣдь ты имъ велѣлъ передать, что я ихъ жду?

— Да, баринъ.

— Въ такомъ случаѣ, никуда не отлучайся отсюда. Если они придутъ, то разскажи имъ все, что случилось, и пусть они подождутъ меня въ тавернѣ Помъ-де-Пинъ. Здѣсь было бы опасно ждать. За домомъ, вѣроятно, слѣдятъ. Теперь я побѣгу къ де-Тревиллю, чтобы ему разсказать все это, а затѣмъ сейчасъ же приду.

— Слушаю, баринъ, — отвѣчалъ Планше.

— Такъ ты будешь тутъ стоять? Не струсишь?—переспросилъ его д'Артаньянъ, чтобы внушить своему слугѣ побольше храбрости.

— Будьте покойны, баринъ, — отвѣчалъ Планше, — вы еще мало знаете меня. Я храбрый человѣкъ, будьте увѣрены. Стоитъ вѣдь сдѣлать только первый шагъ. Къ тому же я пикардіецъ.

— Ну, хорошо, значитъ, ты скорѣе позволишь убить себя, чѣмъ сойдешь со своего поста?

— Такъ точно, баринъ, я сдѣлаю рѣшительно все, чтобы доказать вамъ, какъ я вамъ преданъ.

— Прекрасно, — сказалъ про себя д'Артаньянъ, — кажется, я взялъ надлежащій тонъ съ этимъ малымъ. Надо всегда съ нимъ говорить въ такомъ тонѣ.

И д'Артаньянъ бросился бѣжать на улицу Голубятни съ такой быстротой, на какую только были способны его уставшія ноги, набѣгавшіяся уже вдоволь за весь этотъ день.

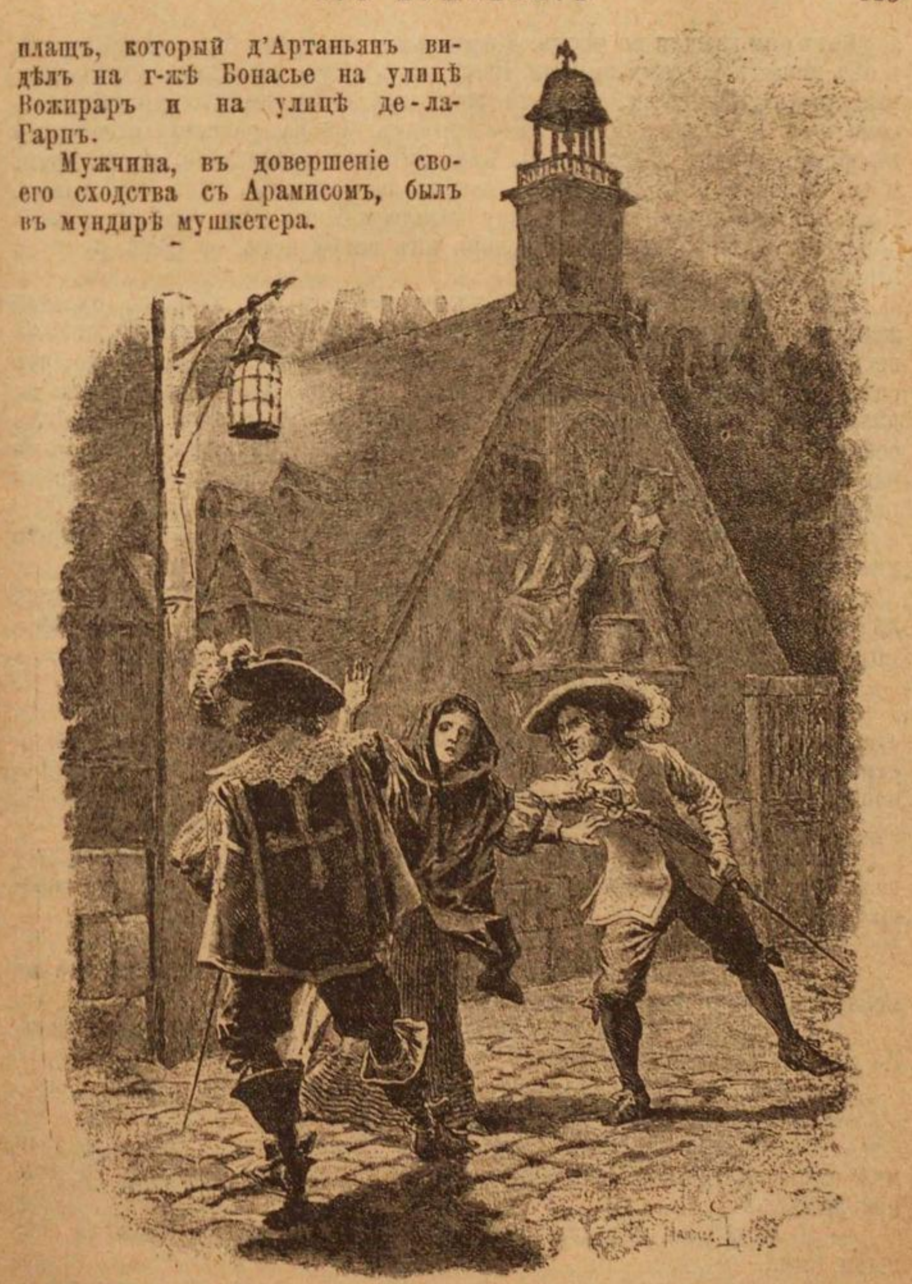
Де-Тревилля дома не оказалось. Его рота была въ Луврѣ на дежурствѣ, и самъ онъ былъ тамъ же. Д'Артаньяну во что бы то ни стало необходимо было повидаться съ нимъ теперь. Очень важно было обо всемъ случившемся предупредить де-Тревилля немедленно, и д'Артаньянъ рѣшился самъ попытаться пройти къ нему въ Лувръ. Его костюмъ гвардейца роты Дезессара долженъ былъ послужить ему паспортомъ. Онъ пробѣжалъ улицу Маленькихъ Августиновъ и вышелъ на набережную, чтобы пройти по Новому мосту. Онъ хотѣлъ было переѣхать рѣку на паромѣ, чтобы было ближе и скорѣе, но, дойдя до берега, онъ пошарилъ въ своихъ карманахъ и не нашелъ тамъ ни одной монетки, чтобы заплатить даже за перевозъ.

Дойдя до улицы Генего, онъ замѣтилъ, что изъ улицы Дофина вышли двѣ какія-то фигуры, видъ и походка которыхъ его невольно поразили. Одна фигура была женская, другая — мужская.

Женщина была совершенная г-жа Бонасье, а мужчина былъ поразительно похожъ на Арамиса. На женщинѣ былъ тотъ самый черный

плащъ, который д'Артаньянъ видѣлъ на г-жѣ Бонасье на улицѣ Вожираръ и на улицѣ де-ла-Гарпъ.

Мужчина, въ довершеніе своего сходства съ Арамисомъ, былъ въ мундирѣ мушкетера.

— Ради Бога, милордъ!— вскричала г-жа Бонасье, бросившись между ними и стараясь руками изловить шпаги.

У женщины капюшонъ былъ опущенъ, а мужчина все время держалъ платокъ у лица. Эти предосторожности доказывали, что оба они старались, чтобы ихъ не узнали.

Вотъ они взошли на мостъ. Д'Артаньяну въ Луврь была та же дорога, и онъ пошелъ слѣдомъ за ними. Не сдѣлалъ онъ и двадцати шаговъ, какъ уже вполнѣ убѣдился, что эта женщина была не кто другая, какъ сама г-жа Бонасье, а мужчина — Арамисъ. Снова ревность заговорила въ юномъ сердцѣ д'Артаньяна. Ему измѣнили сразу двое: и его другъ и та, которую онъ любилъ въ своемъ воображеніи, какъ любовницу. Г-жа Бонасье четверть часа тому назадъ клялась ему, что не знаетъ никакого Арамиса, и вдругъ теперь онъ встрѣчаетъ ее подъ руку съ этимъ самымъ Арамисомъ.

Д'Артаньяну не приходило и въ голову, что онъ знакомъ съ этой женщиной всего какихъ-нибудь три часа, что она рѣшительно ничѣмъ не обязана ему, кромѣ развѣ нѣкоторой признательности за то, что онъ освободилъ ее изъ рукъ мучителей — полицейскихъ, и что она не давала ему никакихъ обѣщаній. Мало того, пылкій юноша уже считалъ себя оскорбленнымъ любовникомъ, которому измѣнили, надъ которымъ насмѣялись. Кровь бросилась ему въ голову, и онъ рѣшился разомъ раскрыть всю эту тайну.

Таинственная парочка замѣтила, очевидно, что за ними кто-то идетъ слѣдомъ и ускорила шаги.

Д'Артаньянъ бѣгомъ пустился за ними, обогналъ ихъ и повернулся къ нимъ какъ разъ въ ту минуту, когда они проходили передъ самаритянкой, фонарь у которой ярко освѣщалъ всю эту часть моста.

Д'Артаньянъ остановился передъ ними. Стали и они.

— Что вамъ угодно, милостивый государь, — спросилъ мушкетеръ, отступая на шагъ. Слова эти онъ произнесъ съ такимъ замѣтно иностраннымъ акцентомъ, что д'Артаньянъ сразу догадался, что одна часть его подозрѣній была совершенно неосновательна.

— Это не Арамисъ! — невольно вырвалось у д'Артаньяна.

— Нѣтъ, милостивый государь, это не Арамисъ. Изъ вашего восклицанія я вижу, что вы меня приняли за другого и потому прощаю васъ.

— Вы меня прощаете! Это забавно! — вскричалъ д'Артаньянъ.

— Да, — отвѣчалъ незнакомецъ, — а потому не задерживайте же меня, такъ какъ намъ съ вами нечего дѣлать.

— Вы правы, — сказалъ д'Артаньянъ, — съ вами мнѣ нечего дѣлать. Но у меня есть дѣло до вашей дамы!

— Дамы! Да вы ее совсѣмъ не знаете! — возразилъ незнакомецъ.

— Ошибаетесь, я ее знаю.

— Ахъ! — сказала г-жа Бонасье съ упрекомъ, — ахъ, вы вѣдь дали мнѣ слово гвардейца, слово джентльмена, я думала, что могу на васъ положиться...

— Я, сударыня, — сказалъ, смущаясь, д'Артаньянъ, — вы вѣдь обѣщали мнѣ...

— Возьмите меня, сударыня, подъ руку, — сказалъ иностранецъ, — и пойдемте скорѣе.

Д'Артаньянъ, ошеломленный, уничтоженный всѣмъ случившимся, все стоялъ, скрестивъ руки, передъ мушкетеромъ и его дамой. Мушкетеръ шагнулъ впередъ и отстранилъ рукой д'Артаньяна съ дороги.

Д'Артаньянъ сдѣлалъ прыжокъ назадъ и обнажилъ шпагу.

Незнакомецъ въ ту же минуту съ быстротой молніи вынулъ свою.

— Ради Бога, милордъ! — вскричала г-жа Бонасье, бросившись между ними и стараясь руками изловить шпаги.

— Милордъ! — повторилъ д'Артаньянъ, озаренный внезапной мыслью.— Милордъ, простите, но... вы не...

— Милордъ, герцогъ Букингамъ, — тихо шепнула д'Артаньяну г-жа Бонасье.—Вы можете тутъ погубить насъ всѣхъ!

— Милордъ, сударыня, простите, тысячу разъ прошу, простите! Но я люблю ее и ревную. Вы сами знаете, милордъ, что такое любовь! Простите меня и научите, какъ мнѣ доказать вашей свѣтлости мою преданность.

— Вы храбрый молодой человѣкъ, — сказалъ Букингамъ, протягивая ему руку, которую д'Артаньянъ почтительно пожалъ.—Вы предлагаете мнѣ ваши услуги — я принимаю ихъ съ удовольствіемъ. Идите за нами шагахъ въ двадцати вплоть до самаго Лувра, и если замѣтите, что кто-нибудь выслѣживаетъ насъ, убейте его.

Д'Артаньянъ взялъ подъ мышку обнаженную шпагу, пропустилъ на двадцать шаговъ впередъ г-жу Бонасье и герцога и пошелъ вслѣдъ за ними, готовый исполнить въ точности приказаніе благороднаго и изящнаго министра Карла I.

Къ счастью, молодому человѣку не привелось этой дорогой доказать свою преданность герцогу и послѣдній, въ сопровожденіи г-жи Бонасье, благополучно прошелъ въ Лувръ черезъ калитку съ улицы Лѣстницы.

Вслѣдъ затѣмъ д'Артаньянъ поспѣшилъ въ таверну Помъ-де-Пинъ, гдѣ и нашелъ Портоса и Арамиса, давно уже поджидавшихъ его.

Ничего не объясняя имъ, для чего онъ встревожилъ ихъ всѣхъ сегодня, онъ сказалъ только, что покончилъ одинъ все дѣло, для котораго, какъ ему показалось одну минуту, нужна будетъ ихъ помощь.

А теперь предоставимъ всѣмъ тремъ пріятелямъ разойтись по своимъ домамъ и послѣдуемъ по закоулкамъ Лувра за герцогомъ Букингамомъ и его путеводительницей.

Глава XII.

Жоржъ Вилье, герцогъ Букингамъ.

Г-жа Бонасье и герцогъ Букингамъ безъ всякихъ задержекъ вошли въ Лувръ. Всѣмъ во дворцѣ было извѣстно, что г-жа Бонасье состоитъ въ услуженіи у королевы. На герцогѣ была форма мушкетеровъ де-Тревилля, которые, какъ мы уже сказали, въ этотъ день были тамъ въ караулѣ. Къ тому же Жерменъ былъ преданъ королевѣ, и если бы и вышла потомъ какая-нибудь исторія, то обвинили бы только г-жу Бонасье въ томъ, что она привела въ Лувръ своего любовника,—и только. Она приняла бы на себя всю вину: репутація ея была бы, правда, тогда потеряна, но что въ глазахъ свѣта значила репутація жены какого-то мелкаго торговца?

Герцогъ и молодая женщина, войдя въ калитку, прошли еще по двору шаговъ двадцать пять, вдоль стѣны, и затѣмъ г-жа Бонасье толкнула маленькую дверку въ стѣнѣ, на ночь обыкновенно запиравшуюся, и оба вошли въ нее. Тамъ было совершенно темно, но г-жа

Бонасье знала на память всѣ повороты и закоулки этой части Лувра, отведенной спеціально для штата служащихъ, и, затворивъ за собой дверь, взяла герцога за руку и повела его за собой. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она отыскала перила, нащупала ногой первую ступеньку и повела герцога по лѣстницѣ. Герцогъ сосчиталъ два этажа. Потомъ они повернули въ длинный коридоръ направо, спустились опять въ нижній этажъ и прошли еще нѣсколько шаговъ въ темнотѣ. Затѣмъ г-жа Бонасье нащупала дверь, вложила ключъ въ замокъ, открыла дверь, провела герцога въ комнату, слабо освѣщенную однимъ ночникомъ, и сказала ему: „Подождите здѣсь, герцогъ, сейчасъ придутъ!" Затѣмъ она ушла въ ту же дверь, заперевъ ее на ключъ, такъ что герцогъ очутился въ настоящемъ плѣну.

Оставшись въ комнатѣ одинъ, Букингамъ подошелъ къ зеркалу. Форма мушкетера удивительно шла къ нему.

Оставшись запертымъ въ темной комнатѣ Лувра, англійскій министръ не чувствовалъ ни малѣйшаго страха. Отличительной чертой его характера была страсть къ всевозможнымъ приключеніямъ и романическимъ похожденіямъ. Храбрый, смѣлый, предпріимчивый, онъ уже не въ первый разъ рисковалъ своею жизнью въ своихъ любовныхъ исторіяхъ. Онъ узналъ, что мнимое письмо къ нему Анны Австрійской, которому онъ повѣрилъ и по которому пріѣхалъ въ Парижъ, было только ловушкой для него, и вмѣсто того, чтобы вернуться въ Англію, онъ, рискуя своей жизнью въ томъ положеніи, въ которое попалъ добровольно, объявилъ королевѣ, что не уѣдетъ, не повидавшись съ ней. Сначала королева отказала наотрѣзъ, но затѣмъ раздумала, боясь, какъ бы герцогъ съ отчаянія не сдѣлалъ какого-нибудь безразсуднаго поступка. Она уже рѣшилась принять его и тутъ же упросить его ѣхать скорѣе назадъ, какъ вдругъ въ тотъ самый вечеръ, когда все было готово къ этому свиданію, г-жа Бонасье, которая должна была отправиться за герцогомъ и провести его въ Лувръ, пропала неизвѣстно куда. Цѣлыхъ два дня

никто не могъ узнать, что съ ней случилось, и дѣло изъ-за этого остановилось на полдорогѣ. Но теперь, какъ только она снова была свободна и снова увидѣлась съ де-ла-Портомъ, все опять пошло по-прежнему, и въ эту ночь она исполнила, наконецъ, то опасное порученіе, которое, если бы не была арестована, должна была бы исполнить тремя днями раньше.

Оставшись въ комнатѣ одинъ, Букингамъ подошелъ къ зеркалу. Форма мушкетера удивительно шла къ нему.

Въ то время ему было 35 лѣтъ и онъ не безъ основанія считался самымъ изящнымъ, элегантнымъ и красивымъ мужчиной Франціи и Англіи.

Любимецъ двухъ королей, милліонеръ, всемогущее лице въ королевствѣ, которымъ онъ ворочалъ по своему единоличному капризу, Жоржъ Вилье, герцогъ Букингамъ, велъ жизнь, полную такихъ баснословныхъ приключеній, которыя, становясь съ теченіемъ времени легендарными, остаются въ памяти въ продолженіе многихъ вѣковъ на удивленіе потомства. Увѣренный твердо въ себѣ и своемъ могуществѣ, увѣренный, что законы, управляющіе обыкновенными смертными, не могутъ коснуться его, онъ всегда шелъ прямой дорогой къ задуманной цѣли, хотя бы эта цѣль и была такъ недоступна и трудна, что другому бы показалось безуміемъ даже помыслить только о ней. Дѣйствуя такимъ образомъ, ему удалось уже нѣсколько разъ повидаться съ прекрасной, гордой Анной Австрійской и силой своего обаянія заставить ее полюбить себя.

Жоржъ Вилье, какъ мы уже сказали, остановился передъ зеркаломъ, поправилъ свои вьющіеся русые кудри, примятые немного шляпой, закрутилъ усы, съ радостью чувствуя, что насталъ, наконецъ, давно желанный моментъ. Гордая и торжествующая улыбка скользнула по его лицу.

Въ ту самую минуту дверь, скрытая въ обояхъ, безшумно растворилась, и въ ней показалась женщина. Букингамъ увидалъ ее въ зеркало и вскрикнулъ: это была королева!

Аннѣ Австрійской было тогда двадцать шесть-семь лѣтъ, слѣдовательно, она была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты.

Походка ея была, дѣйствительно, походка королевы, если не богини. Глаза ея, изумруднаго цвѣта, были дивно прекрасны и выражали въ одно и то же время и грусть и величіе.

Когда она улыбалась своимъ маленькимъ, изящнымъ ртомъ, она была удивительно хороша. Нижняя губка у ней выдавалась немного впередъ, какъ и у всѣхъ принцевъ австрійскаго дома, что, когда она гнѣвалась, придавало ея лицу особенно презрительно выраженіе.

Много уже говорили и писали про ея нѣжную и бархатную кожу. Руки у ней были поразительной красоты, и всѣ поэты того времени воспѣвали ихъ и называли несравненными.

Волосы ея, которые изъ свѣтлорусыхъ съ теченіемъ времени превратились у нея въ каштановые, слегка вились и были сильно напудрены. Они удивительно красиво обрамляли ея лицо, которому самый строгій критикъ могъ посовѣтовать развѣ только класть поменьше румянъ, и въ которомъ самый тонкій художникъ могъ бы прибавить только немного больше изящества въ очертаніи носа.

Одно мгновеніе Букингамъ не двигался съ мѣста, почти ослѣпленный чуднымъ видѣніемъ. Никогда еще Анна Австрійская не казалась ему такой прекрасной, ни на балахъ, ни на праздникахъ, ни на каруселяхъ, какъ въ эту минуту, одѣтая въ простое бѣлое атласное платье. Ее сопровождала донна Стефанія, единственная испанка изъ ея приближенныхъ, которая не была прогнана ревнивымъ королемъ и Ришелье.

Анна Австрійская сдѣлала два шага впередъ. Букингамъ бросился къ ея ногамъ, и не успѣла королева остановить его, какъ онъ поцѣловалъ подолъ ея платья.

— Герцогъ, вы уже знаете, что это не я писала вамъ.

— О, да, королева, да, ваше величество! — вскричалъ герцогъ. — Я знаю, что былъ безумцемъ, слѣпымъ, вообразивъ, что ледъ растаетъ, что мраморъ оживится. Но что дѣлать: когда любишь, такъ легко вѣрится въ любовь. Къ тому же, я все-таки не даромъ сдѣлалъ такое путешествіе: я вижу васъ!

— Да, — отвѣчала королева, — но вы знаете, какъ и зачѣмъ я вижусь съ вами. Вы совершенно безчувственны къ моимъ страданіямъ, вы упорно не хотите уѣзжать изъ Парижа, рискуете вашей жизнью и тѣмъ самымъ заставляете меня рисковать моимъ счастьемъ. Я согласилась на свиданіе съ вами, чтобы тутъ напомнить вамъ, какъ много препятствій раздѣляетъ насъ: глубокое море, вражда двухъ королевствъ, святость клятвъ. Милордъ, было бы великимъ грѣхомъ бороться противъ такихъ препятствій. Я рѣшаюсь, наконецъ, видѣться съ вами для того, чтобы сказать вамъ, что мы не должны больше видѣться.

— Говорите, говорите, королева, — сказалъ Букингамъ, — вашъ нѣжный голосъ смягчаетъ ваши суровыя рѣчи. Вы говорите о святотатствѣ, но святотатство именно въ разлукѣ двухъ сердецъ, созданныхъ одно для другого.

— Милордъ, — вскричала королева, — я никогда не говорила вамъ, что люблю васъ! Вы забываетесь!

— Но зато вы никогда и не говорили, что не любите меня! И, право, если бы вы мнѣ сказали это, подобныя слова со стороны вашего величества были бы большой неблагодарностью, потому что, скажите мнѣ, гдѣ можно найти любовь, подобную моей; любовь, которую ни время, ни разлука, ни разочарованіе не могутъ потушить; любовь, которая довольствуется оброненной ленточкой, случайно брошеннымъ взглядомъ, нечаянно вырвавшимся словомъ? Прошло три года уже, королева, съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидѣлъ васъ, три года протекли такимъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ васъ!.. Хотите, я разскажу вамъ до мельчайшихъ подробностей, какъ вы были одѣты въ тотъ первый разъ? Хотите, я перечислю вамъ всѣ украшенія, которыя были надѣты тогда на васъ. Слушайте же! Я точно теперь вижу еще васъ: вы сидѣли на подушкѣ, по испанскому обычаю; на васъ было зеленое атласное платье, расшитое золотомъ и серебромъ, съ длинными разрѣзными рукавами, скрѣпленными на вашихъ прекрасыхъ, дивныхъ рукахъ огромными брильянтами. На головѣ у васъ былъ крошечный уборъ подъ цвѣтъ вашего платья, а на уборѣ перышко цапли. О, слушайте, слушайте, я, закрывши глаза,

вижу васъ такою, какой вы были тогда. Открывъ глаза, я вижу васъ такой, каковы вы теперь, то-есть во сто разъ прекраснѣе прежняго.

— Какое безуміе,— прошептала Анна Австрійская, не имѣвшая мужества разсердиться на герцога за то, что онъ такъ хорошо запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ ея портретъ, — какое безуміе поддерживать безполезную страсть подобными воспоминаніями!

— Но, чѣмъ же, хотите вы, чтобы я жилъ? У меня нѣтъ ничего, кромѣ воспоминаній: въ нихъ все мое счастье, мое сокровище и надежда. Каждый разъ, какъ я вижу васъ, однимъ брильянтомъ больше дѣлается въ драгоцѣнномъ ларчикѣ моего сердца. Это четвертый брильянтъ, который вы роняете, и который я подбираю, такъ какъ за всѣ эти три года я видѣлъ васъ всего только четыре раза: первый разъ, это — тотъ, который я только что разсказалъ вамъ, другой разъ — у г-жи де-Шеврёзъ, третій — въ Амьенскихъ садахъ...

— Герцогъ, — сказала королева, покраснѣвъ, — не говорите мнѣ объ этомъ вечерѣ.

— О, напротивъ, королева, будемъ, будемъ говорить о немъ. Это единственный счастливый вечеръ въ моей жизни. Помните, какая была прекрасная ночь тогда? Какой былъ теплый, благоуханный воздухъ. Какъ голубое небо все было усѣяно звѣздами! Ахъ, королева, это былъ единственный разъ, когда я могъ хоть на одну минуту остаться наединѣ съ вами. Въ тотъ вечеръ вы готовы были сказать мнѣ все: и одиночество вашей жизни и печали вашего сердца! Вы опирались на мою руку, вотъ на эту. Я чувствовалъ, наклоняя къ вамъ голову, какъ ваши чудные волосы касались моего

Букингамъ бросился къ ея ногамъ, и не успѣла королева остановить его, какъ онъ поцѣловалъ подолъ ея платья.

лица, и каждый разъ, какъ я это чувствовалъ, дрожь пробѣгала по всему моему тѣлу, съ головы до пятъ. О, королева, королева! Вы не знаете сколько небесной радости, сколько райскаго блаженства заключается для меня въ такой минутѣ! Послушайте! Возьмите отъ меня всѣ мои богатства, всю мою славу, всю мою жизнь за одну только еще такую же минуту и за такую ночь! Такъ какъ въ эту ночь, королева, въ эту ночь, клянусь вамъ, вы меня любили!

— Милордъ, очень можетъ быть, что красивое мѣстоположеніе, чудный вечеръ, наконецъ, обаяніе вашего взгляда, словомъ, тысяча случайностей, которыя иногда губятъ женщину, повліяли и на меня въ этотъ роковой вечеръ. Но вы сами видѣли, милордъ: королева пришла на помощь женщинѣ, которая стала ослабѣвать. При первомъ же неумѣстномъ словѣ, которое вы осмѣлились сказать мнѣ, при первой же попыткѣ вашей выйти изъ границъ приличія я позвала...

— О, да, да, это правда, и другая любовь не устояла бы противъ такого жестокаго испытанія, но моя любовь возгорѣлась послѣ того еще сильнѣе и стала еще прочнѣе. Вы думали уйти отъ меня, вернувшись въ Парижъ, вы разсчитывали, что у меня не хватитъ духа оставить то сокровище, хранителемъ котораго поставилъ меня мой государь. Ахъ! Что мнѣ теперь до всѣхъ сокровищъ міра, что мнѣ теперь значатъ всѣ короли земного шара! Черезъ восемь дней послѣ того я тоже пріѣхалъ въ Парижъ. Я рисковалъ своей жизнью, милостью короля, всѣмъ на свѣтѣ, чтобы поглядѣть на васъ одну секунду. Вы же на этотъ разъ не захотѣли принять меня, и я не могъ даже дотронуться до вашей руки. Но вы, видя меня такимъ покорнымъ, раскаявшимся, вы... вы меня простили!

— Да, но всѣми этими безумствами вашими, въ которыхъ я не принимала, какъ вамъ извѣстно, милордъ, никакого участія, клеветники воспользовались тогда. Король, по наущенію кардинала, поднялъ страшный шумъ. Прогнали г-жу де-Верне, Пютанжъ былъ сосланъ, г-жа де-Шеврёзъ впала въ немилость, и когда вы задумали поселиться во Франціи въ качествѣ посланника, вы помните, милордъ, самъ король воспротивился этому.

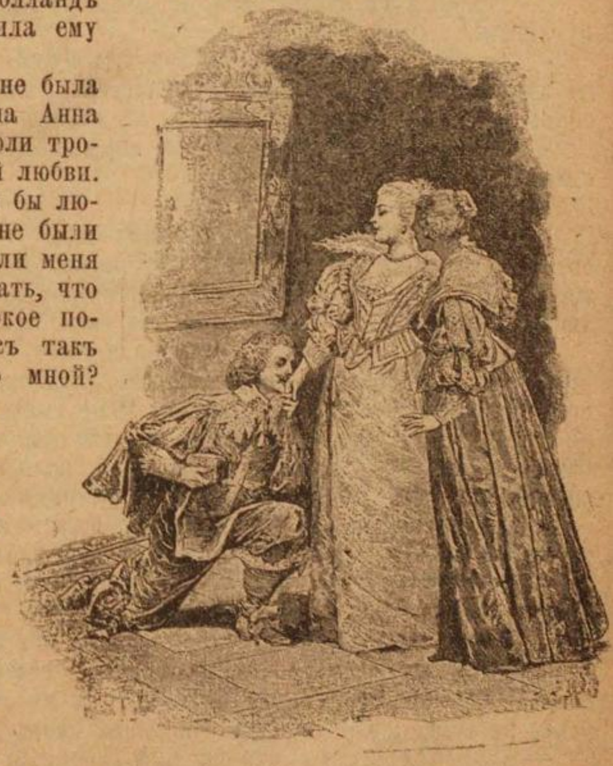
— О, Франція поплатится войной за этотъ отказъ короля. Мнѣ нельзя видѣть васъ, королева, каждый день,—въ такомъ случаѣ, я хочу, чтобы вы каждый день слышали обо мнѣ. Какъ вы думаете, какая была настоящая цѣль экспедиціи Ре и союза съ протестантами Ларошелля, который я проектирую? Удовольствіе видѣть васъ! Я не надѣюсь, правда, проникнуть въ Парижъ при помощи вооруженной силы. Но эта война можетъ повлечь за собою миръ, для заключенія мира нуженъ будетъ посредникъ, и посредникъ этотъ—буду я! Тогда уже не посмѣютъ мнѣ отказать, и тогда я пріѣду въ Парижъ, увижу васъ и буду счастливъ нѣсколько мгновеній. Правда, милліоны людей заплатятъ своей жизнью за одно пріятное мгновеніе моей жизни, но что все это значитъ для меня, разъ я буду знать, что увижу васъ! Все это, быть-можетъ, безумно, сверхъестественно, но скажите мнѣ, у какой женщины найдется еще болѣе любящій ее поклонникъ, у какой королевы есть болѣе вѣрный и самоотверженный слуга?

— Милордъ, милордъ! Защищая себя, вы говорите такія вещи, которыя служатъ только къ вашему еще большему обвиненію. Милордъ, все то, чѣмъ вы хотите доказать мнѣ вашу любовь, есть почти преступленіе!

— Это потому, что вы не любите меня, королева. Если бы вы любили, то смотрѣли бы на все это совершенно иными глазами. Если бы вы меня любили... о! если бы вы любили меня, это было бы слишкомъ большое счастье для меня, я сошелъ бы съ ума! А г-жа де-Шеврёзъ, о которой вы только что сейчасъ упомянули, г-жа де-Шеврёзъ была не такъ жестока, какъ вы: Голландъ любилъ ее, и она платила ему взаимностью!

— Г-жа де-Шеврёзъ не была королевой, — прошептала Анна Австрійская, противъ воли тронутая выраженіемъ такой любви.

— Такъ, значитъ, вы бы любили меня, если бы вы не были королевою? Вы бы любили меня тогда? Такъ я могу думать, что только одно ваше высокое положеніе заставляетъ васъ такъ жестоко обращаться со мной? Такъ, значитъ, я могу предполагать, что если бы вы были г-жа де-Шеврёзъ, то бѣдный Букингамъ могъ бы надѣяться? Благодарю васъ, моя прекрасная королева, за эти сладкія слова, тысячу разъ благодарю!

Букингамъ страстно прильнулъ губами къ этой прекрасной рукѣ.

— Но, милордъ, вы не такъ поняли меня, я не хотѣла вовсе сказать...

— Молчите, молчите! — перебилъ ее герцогъ. — Если я теперь счастливъ, благодаря вашей ошибкѣ, то не будьте же такъ жестоки, не разбивайте и этого послѣдняго моего счастья. Вы сами сказали, что я теперь въ западнѣ, быть-можетъ, тутъ я и разстанусь съ жизнью. Можетъ-быть, это и странно, но, вѣрьте мнѣ, съ нѣкотораго времени меня появилось какое-то постоянное предчувствіе, что я скоро

Съ этими словами герцогъ улыбнулся своею прекрасною и въ то же грустною улыбкою.

— Боже мой! — вырвалось у королевы съ такимъ ужасомъ, который доказывалъ, что она принимала въ герцогѣ гораздо больше чѣмъ высказывала.

— Я говорю вамъ это, королева, вовсе не для того, чтобы васъ испугать. Нѣтъ, мнѣ даже смѣшно, для чего я вамъ говорю это, и повѣрьте, что всѣ подобные сны меня лично нисколько не тревожатъ. Но это слово, которое сейчасъ вырвалось у васъ, эта надежда, которою вы сейчасъ освѣтили мою душу, вознаградитъ меня за все, даже за мою жизнь!

— Знаете, герцогъ,—сказала Анна Австрійская,—у меня тоже есть какое-то предчувствіе, я тоже вижу тревожные сны. Мнѣ часто снится, что вы лежите раненый, весь въ крови...

— Раненый въ лѣвый бокъ ножомъ? Не правда ли?—перебилъ ее Букингамъ.

— Да, совершенно такъ, милордъ, именно такъ: раненый ножомъ въ лѣвый бокъ. Но кто же могъ разсказать вамъ, что я видѣла такой сонъ: я повѣдала его одному Богу въ своихъ молитвахъ...

— Я больше ничего не желаю, королева, вы любите меня, я счастливъ!

— Я? Я люблю васъ?

— Да, вы. Развѣ бы Богъ послалъ вамъ тѣ же сны, что и мнѣ, если бы вы меня не любили? Развѣ могли бы быть у насъ одни и тѣ же предчувствія, если бы сердца наши не сливались воедино? Вы меня любите, королева, но скоро придется вамъ оплакивать меня!

— О, Боже мой, Боже!—вскричала Анна Австрійская.—Это свыше моихъ силъ, я не могу перенести этого! Слушайте же, герцогъ, заклинаю васъ именемъ неба, уѣзжайте. Я не знаю, люблю ли я васъ или не люблю, но знаю одно только, что клятвопреступницей я не буду! Сжальтесь же надо мной и уѣзжайте! О, если смерть настигнетъ васъ во Франціи, если только я узнаю, что причиной вашей смерти была ваша любовь ко мнѣ, я никогда не утѣшусь, я сойду съ ума! Уѣзжайте же, уѣзжайте скорѣе, милордъ, умоляю васъ!

— О, какъ вы прекрасны, говоря это! О, какъ я люблю васъ!—проговорилъ въ восторгѣ Букингамъ.

— Уѣзжайте, уѣзжайте, умоляю васъ, и возвращайтесь послѣ. Возвращайтесь министромъ, посланникомъ, возвращайтесь окруженный свитой, которая будетъ охранять васъ, и тогда я не буду больше бояться за вашу жизнь и буду счастлива снова видѣть васъ.

— О, правда ли то, что вы мнѣ говорите?

— Да...

— Если такъ, дайте мнѣ какой-нибудь залогъ вашего расположенія ко мнѣ: какую-нибудь вещь, принадлежащую вамъ и которая бы напоминала мнѣ, что все это я видѣлъ не во снѣ, что-нибудь, что вы носили и что бы могъ я носить, въ свою очередь,—кольцо, ожерелье, цѣпочку...

— И вы уѣдете, уѣдете сію же минуту, если я дамъ вамъ то, чт вы просите?

— Да.

— Сію же минуту?

— Да.

— Оставите Францію и вернетесь въ Англію?

— Да, клянусь вамъ!

— Въ такомъ случаѣ, подождите.

Анна Австрійская ушла въ свою комнату и сейчасъ же вернулась, держа въ рукѣ маленькій ящичекъ розоваго дерева, съ ея вензелемъ, выложеннымъ золотомъ.

— Вотъ, герцогъ, — сказала она, — возьмите и сохраните это на память обо мнѣ.

Букингамъ взялъ изъ ея рукъ ящичекъ и вторично упалъ передъ ней на колѣни.

— Итакъ, вы обѣщаете мнѣ ѣхать? — сказала королева.

— И я сдержу слово. Дайте на прощанье, королева, вашу руку, и я уѣду.

Анна Австрійская протянула ему руку и, закрывъ глаза, облокотилась на Стефанію, чувствуя, что силы ея слабѣютъ.

Букингамъ страстно прильнулъ губами къ этой прекрасной рукѣ. Затѣмъ онъ всталъ и проговорилъ:

— Не пройдетъ шести мѣсяцевъ, королева, если только я не умру, и я снова увижу васъ, хотя бы для этого мнѣ пришлось перевернуть весь міръ!

И вѣрный своему слову, онъ твердо вышелъ изъ комнаты.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ ожидавшую его г-жу Бонасье. Та провела его тѣми же ходами назадъ и благополучно вывела изъ Лувра.

Глава XIII.

Г-нъ Бонасье.

Во всей этой исторіи, какъ можно было уже замѣтить, было одно лицо, о которомъ, несмотря на все его непріятное положеніе, казалось, безпокоились меньше всего. Это лицо былъ г. Бонасье, невольный мученикъ всевозможныхъ политическихъ и любовныхъ интригъ, которыя въ ту славную эпоху такъ удачно сплетались съ разными приключеніями, похожденіями и романами.

Не знаемъ, помнитъ ли о немъ читатель или нѣтъ, но мы, къ счастью, не забыли про него и теперь исполнимъ данное нами обѣщаніе—рано или поздно вернуться къ г-ну Бонасье.

Жандармы, забравшіе его, отвели его прямо въ Бастилію. Тамъ, дрожащаго отъ страха, его провели мимо цѣлаго взвода солдатъ, заряжавшихъ свои ружья и толкнули затѣмъ въ какую-то подземную сырую галлерею, гдѣ онъ сдѣлался предметомъ самыхъ грубыхъ и обидныхъ насмѣшекъ со стороны своихъ стражниковъ. Тѣ сразу разглядѣли, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, не очень высоко стоящимъ на общественной лѣстницѣ, и обращались съ нимъ прямо какъ съ мелкимъ мошенникомъ.

Но вотъ черезъ полчаса въ галлерею пришелъ чиновникъ и отдалъ приказаніе отвести г. Бонасье въ особую комнату для допроса. Издѣвательства и насмѣшки прекратились, но страхъ и волненіе у него усилились при словѣ „допросъ“. Обыкновенно арестованныхъ допрашивали на дому, но съ Бонасье не церемонились даже и въ этомъ случаѣ. Двое сторожей взяли его подъ руки, провели черезъ дворъ, ввели въ какой-то коридоръ, гдѣ стояли трое часовыхъ, потомъ от-

ворили какую-то дверь и втолкнули его въ низкую небольшую комнату, въ которой находились только столъ, стулъ и комиссаръ. Комиссаръ сидѣлъ на стулѣ и писалъ что-то на столѣ. Сторожа подвели арестованнаго къ столу и по знаку, данному имъ комиссаромъ, отошли въ сторону такъ, чтобы не слышать разговора. Комиссаръ былъ весьма занятъ своими дѣлами и весь углубился въ бумаги. Но вотъ онъ поднялъ, наконецъ, голову и оглядѣлъ стоявшаго передъ нимъ Бонасье. Комиссаръ былъ преотвратительной наружности. Носъ у него былъ острый и длинный, выдавшіяся желтыя скулы, глаза узенькіе, но проворные и хитрые,—и трудно было только опредѣлить, кого онъ напоминаетъ больше: куницу или лисицу. Его маленькая голова, качавшаяся на длинной и подвижной шеѣ изъ-подъ широкой черной мантіи очень напоминала голову черепахи, когда та высовываетъ ее изъ-подъ своего щита.

Прежде всего онъ спросилъ у Бонасье его имя, фамилію, лѣта, званіе и мѣсто жительства.

Арестованный отвѣчалъ, что его зовутъ Жанъ Мишель Бонасье, что ему пятьдесятъ одинъ годъ, званіе его—отставной торговецъ, а проживаетъ онъ въ улицѣ Могильщиковъ, въ домѣ подъ № 11.

Кончивъ этимъ допросъ обвиняемаго, комиссаръ произнесъ чрезвычайно пространную рѣчь относительно тѣхъ опасностей, которымъ подвергается мелкій, темный торговецъ, когда онъ вмѣшивается въ политическія дѣла. Затѣмъ онъ перешелъ къ характеристикѣ кардинала. По его словамъ, это былъ могущественнѣйшій, несравненный министръ, превзошедшій всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо бывшихъ министровъ, служащій образцомъ для всѣхъ будущихъ, и которому врядъ ли можетъ кто не подчиниться, не понеся за то должнаго наказанія.

Въ заключеніе своей рѣчи черепаховидный камиссаръ, устремивъ свой лисій взглядъ на бѣднаго Бонасье, предложилъ ему получше вникнуть въ свое затруднительное положеніе и пораздумать о своемъ благосостояніи.

Бонасье все уже обдумалъ раньше. Онъ проклиналъ ту минуту, когда де-ла-Порту пришла въ голову мысль женить его на своей крестницѣ, и посылалъ его къ чорту за то, что тотъ сдѣлалъ свою крестницу камеристкой королевы.

Въ характерѣ Бонасье самый грубый эгоизмъ смѣшивался съ мелкой, скаредной скупостью, при чемъ, какъ и всѣ эгоисты, онъ былъ страшный трусъ. Любовь, которую онъ все-таки питалъ къ своей молодой женѣ, была чувствомъ второстепеннымъ въ его сердцѣ и, конечно, не могла исправить его отъ природныхъ недостатковъ.

Бонасье призадумался надъ тѣмъ, что ему только что сказали. Онъ собралъ все свое хладнокровіе и сказалъ:

— Г-нъ комиссаръ, повѣрьте мнѣ, что я вполнѣ цѣню и уважаю несравненно заслуги его высокопреосвященства, который оказываетъ намъ такую высокую честь, неустанно заботясь о насъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ комиссаръ тономъ, въ которомъ слышалось сомнѣніе.—Но если бы это было такъ, то какимъ образомъ, скажите мнѣ, попали бы вы въ Бастилію?

— Какъ попалъ я сюда, или, вѣрнѣе, за что попалъ я сюда, хотите вы спросить? Вотъ это я положительно не въ состояніи объяснить

вамъ по той простой причинѣ, что самъ ничего тутъ не понимаю. Во всякомъ случаѣ, могу сказать, ужъ не за то, что оскорбилъ, хотя бы и неумышленно, г-на кардинала.

— А между тѣмъ, вы, повидимому, совершили какое-нибудь преступленіе, разъ васъ обвиняютъ въ государственной измѣнѣ.

— Въ государственной измѣнѣ! — вскричалъ Бонасье въ ужасѣ. — Въ государственной измѣнѣ! Но развѣ можно допустить даже мысль, чтобы бѣдный торговецъ, ненавидящій гугенотовъ и врагъ испанцевъ, совершилъ государственное преступленіе. Разсудите сами, г. комиссаръ, возможно ли это?

— Г-нъ Бонасье, — сказалъ комиссаръ, пронизывая насквозь своимъ лисьимъ взглядомъ бѣднаго лавочника, — г-нъ Бонасье, у васъ есть жена?

— Есть, — прошепталъ тотъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и почувствовавъ, что тутъ-то именно дѣло и начинало запутываться, — вѣрнѣе сказать, г. комиссаръ, у меня была жена.

— Г-нъ Бонасье, — сказалъ комиссаръ, пронизывая насквозь своимъ лисьимъ взглядомъ бѣднаго лавочника, — г-нъ Бонасье, у васъ есть жена?

— Какъ такъ была жена? Что же вы съ ней сдѣлали, если теперь у васъ больше нѣтъ ея?

— У меня ее украли, г. комиссаръ.

— Украли? Ага! — произнесъ комиссаръ.

При этомъ „ага!“ Бонасье почувствовалъ, что дѣла его запутываются все больше и больше.

— Такъ ее у васъ украли? — продолжалъ комиссаръ. — И что же, вы знаете того человѣка, который ее у васъ укралъ?

— Да, я думаю, что знаю.

— Кто же онъ?

— Примите во вниманіе, г. комиссаръ, что положительно я ничего не утверждаю, я только подозрѣваю...

— Ну, кого вы подозрѣваете? Говорите откровенно!

Бонасье былъ очень смущенъ. Что ему дѣлать? Сказать все или отпереться отъ всего? Если онъ будетъ отпираться, то комиссаръ можетъ легко предположить, что ему извѣстно слишкомъ много важнаго, что онъ не желаетъ говорить, — и это можетъ повредить ему. Если же онъ будетъ откровеннымъ, то тѣмъ самымъ онъ докажетъ свою невин-

ность и можетъ разсчитывать на помилованіе. Итакъ, онъ рѣшилъ не скрывать ничего.

— Я подозрѣваю,—сказалъ онъ,—высокаго брюнета, очень представительной и благородной наружности. Онъ, какъ мнѣ показалось, много разъ выслѣживалъ мою жену, когда та выходила изъ Лувра, а я ждалъ ее у калитки, чтобы проводить домой.

Комиссаръ, повидимому, насторожилъ уши.

— Какъ его имя?

— Вотъ имени-то его я, какъ разъ, и не знаю, но если только мнѣ придется гдѣ-нибудь его встрѣтить, то, ручаюсь вамъ, я узнаю его среди тысячи людей.

Чело комиссара омрачилось.

— Вы говорите, что узнали бы его среди тысячи людей?—спросилъ онъ.

— То есть,—заторопился Бонасье, стараясь поправиться,—то-есть...

— Прекрасно, вы уже сказали, что узнали бы его изъ тысячи. Прекрасно, на сегодня и этого довольно. Прежде чѣмъ итти дальше, намъ надо кой-кого предупредить, что вы знаете похитителя вашей жены.

— Но я вовсе не говорилъ вамъ, что его знаю!—вскричалъ Бонасье съ отчаяньемъ.—Я только сказалъ вамъ...

— Уведите преступника!—приказалъ комиссаръ стражникамъ.

— Куда прикажете отвести его?—спросилъ полицейскій.

— Въ тюрьму!

— Въ которую камеру?

— Ахъ, Боже мой, да въ первую попавшуюся, лишь бы она крѣпко запиралась,—отвѣчалъ комиссаръ такъ равнодушно, что у бѣднаго Бонасье прошелъ по кожѣ морозъ.

„Увы,—подумалъ онъ,—бѣдная моя голова! Должно-быть, моя жена совершила какое-нибудь чудовищное преступленіе. Меня считаютъ, очевидно, ея сообщникомъ и казнятъ вмѣстѣ съ ней. Она будетъ говорить, она будетъ утверждать, что я ея сообщникъ! Женщина—это такое слабое существо! Въ тюрьму меня! Подъ замокъ... Ужасно! Ночь летитъ быстро, а на утро меня будутъ полосовать, вздернутъ на висѣлицу! О, Боже мой, Боже мой, сжалься надо мной!"

Двое полицейскихъ, привыкшіе уже къ подобнымъ сценамъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вопли Бонасье, подхватили его подъ руки и увели, а комиссаръ тѣмъ временемъ поспѣшно строчилъ письмо, котораго уже дожидался чиновникъ.

Бонасье не могъ заснуть цѣлую ночь, и не потому, что помѣщеніе, куда бросили его стражники, было слишкомъ тѣсно и неудобно, а потому что душевныя страданія его дошли до высшей степени и гнали отъ него сонъ. Всю ночь онъ просидѣлъ на скамейкѣ, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ. Когда первые лучи солнца освѣтили его тюрьму, разстроенному воображенію Бонасье представилось даже, что заря приняла какой-то зловѣщій, страшный оттѣнокъ.

Вдругъ онъ услыхалъ, что снаружи отодвигаютъ засовъ.

„Сомнѣнья нѣтъ,—подумалъ Бонасье,—это пришли за мной, чтобы вести меня на эшафотъ". И сдѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону.

Но вмѣсто палача въ комнату вошли только сторожъ и комиссаръ, съ которыми онъ уже познакомился наканунѣ, и это такъ обрадовало Бонасье, что онъ готовъ уже былъ броситься имъ на шею.

— Ваше дѣло, почтеннѣйшій, очень осложнилось послѣ вчерашняго вечера, — обратился къ нему комиссаръ, — и мой вамъ совѣтъ покаяться во всемъ чистосердечно, потому что только полное раскаяніе можетъ смягчить гнѣвъ кардинала.

— Но я готовъ вамъ сказать всю правду, — вскричалъ Бонасье, — по крайней мѣрѣ, все то, что я знаю. Спрашивайте, сдѣлайте одолженіе.

— Прежде всего, гдѣ ваша жена?

— Да вѣдь я же сказалъ вамъ, что ее у меня украли!

— Это такъ, но вчера вечеромъ, въ пять часовъ, она убѣжала съ вашей помощью!

— Моя жена убѣжала! О, несчастная, но если она, дѣйствительно, убѣжала, то увѣряю васъ, я тутъ не при чемъ!

— А зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, отправились къ д'Артаньяну, вашему сосѣду, и долго съ нимъ совѣщались?

— Ахъ, это правда, г. комиссаръ, да, это было, и я сознаюсь, что виноватъ. Я, дѣйствительно, былъ у г. д'Артаньяна.

— Какую же цѣль имѣло это посѣщеніе?

— Но, — вскричалъ Бонасье, — это вовсе не д'Артаньянъ!

— Я хотѣлъ попросить его помочь мнѣ отыскать мою жену. Я полагалъ, что мое желаніе отыскать мою собственную жену было вполнѣ законно. Если я ошибался, то прошу меня простить въ томъ великодушно.

— Что же отвѣчалъ вамъ г. д'Артаньянъ?

— Г. д'Артаньянъ обѣщалъ мнѣ помочь, но я скоро замѣтилъ, что онъ надуваетъ меня.

— Вы обманываете правосудіе! Д'Артаньянъ заключилъ съ вами условіе, въ силу котораго онъ прогналъ жандармовъ, арестовавшихъ вашу жену, и спряталъ ее, Богъ знаетъ, куда.

— Д'Артаньянъ похитилъ мою жену? Этого не можетъ быть! Что вы мнѣ разсказываете?

— Къ счастью, д'Артаньянъ въ нашихъ рукахъ, и мы сдѣлаемъ вамъ очную ставку.

— Самое лучшее; я самъ бы попросилъ васъ объ этомъ, — сказалъ Бонасье, — мнѣ будетъ даже очень пріятно повидать знакомое лицо.

— Введите д'Артаньяна, — закричалъ комиссаръ сторожамъ.

Сторожа ввели Атоса.

— Господинъ д'Артаньянъ, — обратился комиссаръ къ Атосу, — объясните намъ, что такое произошло у васъ съ этимъ господиномъ.

— Но, — вскричалъ Бонасье, — это вовсе не д'Артаньянъ!

— Какъ! Это не д'Артаньянъ! — вскричалъ, въ свою очередь, комиссаръ.

— Совсѣмъ не онъ! — отвѣтилъ Бонасье.

— А какъ же его зовутъ?

— Я самъ его не знаю.

— Какъ! Вы его не знаете?

— Нѣтъ.

— И никогда не видали его?

— Видѣлъ, но какъ его зовутъ, не знаю.

— Ваше имя? — обратился къ Атосу комиссаръ.

— Атосъ, — отвѣчалъ мушкетеръ.

— Это еще что за имя? Такихъ именъ у людей и нѣтъ, это названіе какой-то горы! — вскричалъ бѣдный комиссаръ, начинавшій уже терять голову.

— Это мое имя, — спокойно сказалъ Атосъ.

— Но вы вѣдь говорили, что васъ зовутъ д'Артаньяномъ?

— Я?

— Да, вы!

— То-есть, это мнѣ вы сказали: „вы д'Артаньянъ". Я отвѣчалъ вамъ: „вы полагаете?". Тогда вы закричали, что вы въ этомъ увѣрены. Я вовсе не былъ тогда въ расположеніи съ вами спорить. Къ тому же я могъ и ошибаться.

— Милостивый государь, вы издѣваетесь надъ святостью правосудія!

— Нисколько, — спокойно отвѣчалъ Атосъ.

— Вы д'Артаньянъ!

— Ну, вотъ видите, вы опять говорите мнѣ то же самое!

— Но я вамъ могу подтвердить, — вступился тутъ Бонасье, — я могу удостовѣрить, комиссаръ, что тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Г. д'Артаньянъ — мой жилецъ, и такъ какъ онъ мнѣ не платитъ за квартиру, то по одному уже этому мнѣ лучше знать его, чѣмъ вамъ. Г-нъ д'Артаньянъ — молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати-двадцати, не болѣе того, а этому господину и всѣ тридцать будутъ. Наконецъ, д'Артаньянъ служитъ въ ротѣ г-на Дезессара, а этотъ господинъ — въ ротѣ мушкетеровъ г-на де-Тревилля; взгляните на форму, г-нъ комиссаръ, взгляните на форму...

— А вѣдь и то правда, — прошепталъ комиссаръ, — правда, чортъ возьми!

Въ эту самую минуту дверь быстро растворилась, и въ комнату, въ сопровожденіи помощника смотрителя тюрьмы, вошелъ вѣстовой и подалъ комиссару какое-то письмо.

— Ахъ! несчастная! — вскричалъ комиссаръ, пробѣжавъ письмо.

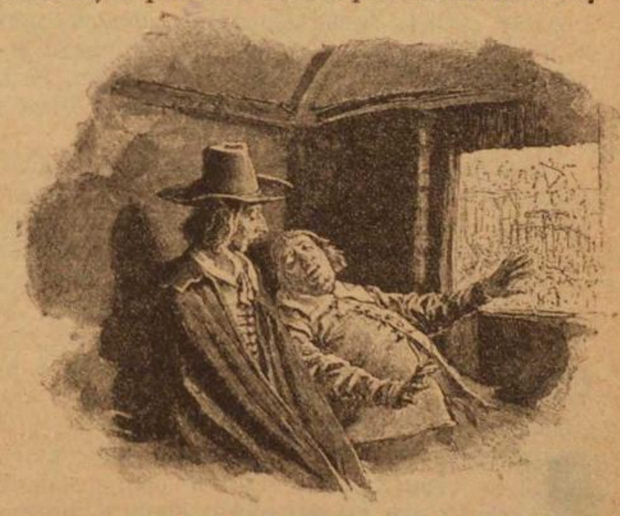
— Какъ! Что такое! О комъ вы говорите? Надѣюсь, что не о моей женѣ?

— Именно вотъ о ней! Славную штуку вы съ ней затѣяли, нечего сказать!

— То-есть какъ это? — вышелъ изъ себя несчастный Бонасье. — Да сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ, ради Бога, какимъ образомъ могу я отвѣчать и платиться за то, что выдѣлываетъ моя жена, пока я сижу въ тюрьмѣ.

— А такимъ образомъ, что она дѣйствуетъ по плану, по адскому плану, придуманному сообща съ вами.

— Да увѣряю же васъ, г-нъ комиссаръ, что вы глубоко заблуждаетесь: я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что за штуку собирается выкинуть моя жена, и рѣшительно непричастенъ ко всему тому, что она тамъ натворила. Если она теперь попалась въ какихъ-нибудь глупостяхъ, такъ я отрекаюсь отъ нея, я обличу ее самъ, я проклинаю ее...

...Его посадили въ эту карету, рядомъ съ нимъ сѣлъ жандармъ, заперли на ключъ дверцы, и колеса темницы загромыхали по мостовой.

— Послушайте, — обратился Атосъ къ комиссару, — если я вамъ больше не нуженъ, такъ прикажите отвести меня куда-нибудь, а то вашъ Бонасье мнѣ ужасно надоѣлъ.

— Уведите арестантовъ въ ихъ камеры, — отдалъ приказаніе комиссаръ, махнувъ рукой въ сторону Атоса и Бонасье, — и стерегите ихъ какъ можно строже!

— Однако, — сказалъ Атосъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ, — я никакъ не могу понять, какимъ образомъ я могу вамъ замѣнить г-на д'Артаньяна, разъ вамъ нуженъ онъ, а не я?

— Дѣлайте, что вамъ приказываютъ, — крикнулъ комиссаръ на сторожей, — и держите все въ строжайшемъ секретѣ! Слышите?

Атосъ пошелъ за полицейскимъ, пожавъ лишь плечами, а Бонасье ревѣлъ такъ отчаянно, что тигръ, вѣроятно, и тотъ сжалился бы надъ нимъ.

Бонасье отвели въ ту же камеру, гдѣ онъ провелъ уже одну ночь, и оставили одного. Цѣлый день онъ проревѣлъ тамъ. Онъ самъ признавался, что въ душѣ онъ былъ настоящій лавочникъ и только; мужества и никакихъ воинственныхъ наклонностей онъ и самъ въ себѣ никогда не замѣчалъ.

Часовъ около девяти вечера, только что онъ было рѣшился лечь въ постель, вдругъ послышались по коридору шаги. Шаги приближались къ его камерѣ, дверь отворилась, и вошелъ сторожъ. За сторожемъ вошелъ полицейскій чиновникъ.

— Ступайте за мною, — обратился къ Бонасье чиновникъ.

— За вами! — изумился Бонасье. — Въ этотъ часъ! Но куда же это, Боже мой?

— Туда, куда приказано васъ отвести.

— Это вовсе не отвѣтъ: туда, куда...

— Больше мы вамъ не можемъ ничего сказать!

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — прошепталъ бѣдный Бонасье. — Ну, на этотъ разъ я погибъ! Навѣрно ужъ!

Покорно, почти безсознательно, пошелъ онъ за своими мучителями. Прошли тотъ же коридоръ, по которому вели уже его въ камеру, прошли дворъ, затѣмъ другой корпусъ дома. Наконецъ, у входныхъ воротъ Бонасье увидѣлъ карету, окруженную четырьмя конными жандармами. Его посадили въ эту карету, рядомъ съ нимъ сѣлъ жандармъ, заперли на ключъ дверцы, и колеса темницы загромыхали по мостовой.

Карета двигалась медленно, точно погребальная колесница. Сквозь рѣшетку, вставленную въ дверцахъ, Бонасье могъ видѣть только мостовую, да нижніе этажи домовъ. Но, какъ настоящій парижанинъ, онъ узнавалъ каждую улицу по тумбамъ, вывѣскамъ и фонарямъ.

Вотъ карета стала подъѣзжать къ площади св. Павла, гдѣ казнили преступниковъ, заключенныхъ въ Бастиліи. Бонасье отъ страха чуть не лишился чувствъ и два раза перекрестился. Онъ думалъ, что карета сейчасъ остановится тутъ. Но карета не останавливалась и катилась все дальше и дальше.

Когда они проѣзжали мимо кладбища св. Іоанна, гдѣ обыкновенно хоронили государственныхъ преступниковъ, Бонасье натерпѣлся тоже не мало страха. Одно только обстоятельство немного успокоивало его — это то, что прежде чѣмъ хоронить преступниковъ на этомъ кладбищѣ, имъ, обыкновенно, отрубали сначала головы, а его собственная голова, онъ чувствовалъ, была еще у него на плечахъ.

Но тутъ карета вдругъ поворотила на Грэвскую дорогу, и когда Бонасье замѣтилъ остроконечную ратушу, когда карета въѣхала подъ сводъ, — онъ потерялъ всякую надежду и сталъ умолять сидѣвшаго съ нимъ жандарма позволить ему исповѣдаться поскорѣе передъ нимъ. Когда же жандармъ отказалъ ему, онъ поднялъ такой жалобный и отчаянный крикъ, что тотъ принужденъ былъ пригрозить ему заткнуть глотку, если онъ не перестанетъ орать.

Эта угроза успокоила немного Бонасье. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли его казнить тутъ, на Грэвской площади, то не зачѣмъ бы тогда было затыкать ему глотку, такъ какъ мѣсто казни было уже недалеко. И дѣйствительно, карета проѣхала роковое мѣсто. Оставалось теперь только еще одно мѣсто, опасное для Бонасье, это — площадь Трауарскаго Креста, и вотъ карета повернула какъ разъ именно на эту площадь.

Сомнѣнія теперь не могло больше быть никакого. На этой площади казнили преступниковъ низшаго разряда. Бонасье сначала могъ льстить

себя надеждой, что удостоится казни на площади св. Павла или, по крайней мѣрѣ, на Грэвской площади, а теперь ему оставалось помириться съ мыслью, что его земное странствіе окончится только у Трауарскаго Креста! Онъ не могъ еще видѣть этого злосчастнаго Креста, но чувствовалъ, что тотъ придвигается къ нему все ближе и ближе. Въ двадцати шагахъ отъ Креста карета остановилась, а кругомъ послышался шумъ и говоръ толпы народа. Это было уже свыше силъ бѣднаго Бонасье, потрясеннаго и безъ того уже столькими треволненіями: онъ издалъ слабый стонъ, похожій на послѣдній вздохъ умирающаго, и лишился чувствъ.

Глава XIV.

Человѣкъ изъ Менга.

Причиной стеченія народа около Трауарскаго креста было не ожиданіе казни преступника, а желаніе полюбоваться зрѣлищемъ уже повѣшеннаго.

Карета, остановившись на минуту, поѣхала дальше, выѣхала на улицу Сентъ-Оноре и повернула потомъ на улицу Добрыхъ Дѣтей, гдѣ и остановилась у низенькой двери какого-то зданія.

Дверь эта распахнулась. Двое какихъ-то людей взяли подъ руки Бонасье, втолкнули его въ какія-то сѣни, потомъ заставили подняться на лѣстницу и, наконецъ, привели въ комнату, похожую на пріемную.

Все это Бонасье продѣлалъ совершенно безсознательно.

Онъ шелъ точно лунатикъ. Всѣ предметы кругомъ себя онъ видѣлъ точно въ туманѣ, слышалъ какіе-то звуки, но не понималъ ихъ. Въ эту минуту, казалось, можно бы было казнить его, и онъ не сдѣлалъ бы ни одного движенія, чтобы защитить себя, не издалъ бы ни звука, чтобы умолять о пощадѣ.

Онъ сидѣлъ теперь на скамейкѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, протянувъ руки плетью, на томъ мѣстѣ и въ томъ положеніи, какъ его посадили.

Мало-по-малу, не видя вокругъ себя никакихъ грозныхъ принадлежностей казни, не замѣчая ничего такого, что бы могло ему внушать дѣйствительный страхъ, а, наоборотъ, чувствуя, что подушка на скамейкѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, была довольно мягкая, что стѣна, къ которой онъ прислонился, обита превосходной Гордуйской кожей; разглядѣвъ, что на окнахъ висѣли длинныя занавѣси изъ краснаго дама, съ золотыми подхватами, онъ сталъ приходить въ себя, сталъ понимать, что страхъ его былъ преувеличенъ, и попробовалъ пошевелить головой.

Видя, что никто ему не запрещаетъ этого, онъ сталъ храбрѣе и рискнулъ двинуть сначала одной ногой, потомъ другой, а затѣмъ, опираясь на обѣ руки, онъ попробовалъ приподняться на скамейкѣ и, наконецъ, всталъ на ноги.

Въ ту самую минуту, какъ онъ всталъ на ноги, портьера приподнялась, и чрезвычайно элегантный офицеръ показался въ дверяхъ, продолжая еще разговаривать съ кѣмъ-то, бывшимъ въ комнатѣ за портьерой. Обернувшись, наконецъ, къ Бонасье, офицеръ сказалъ:

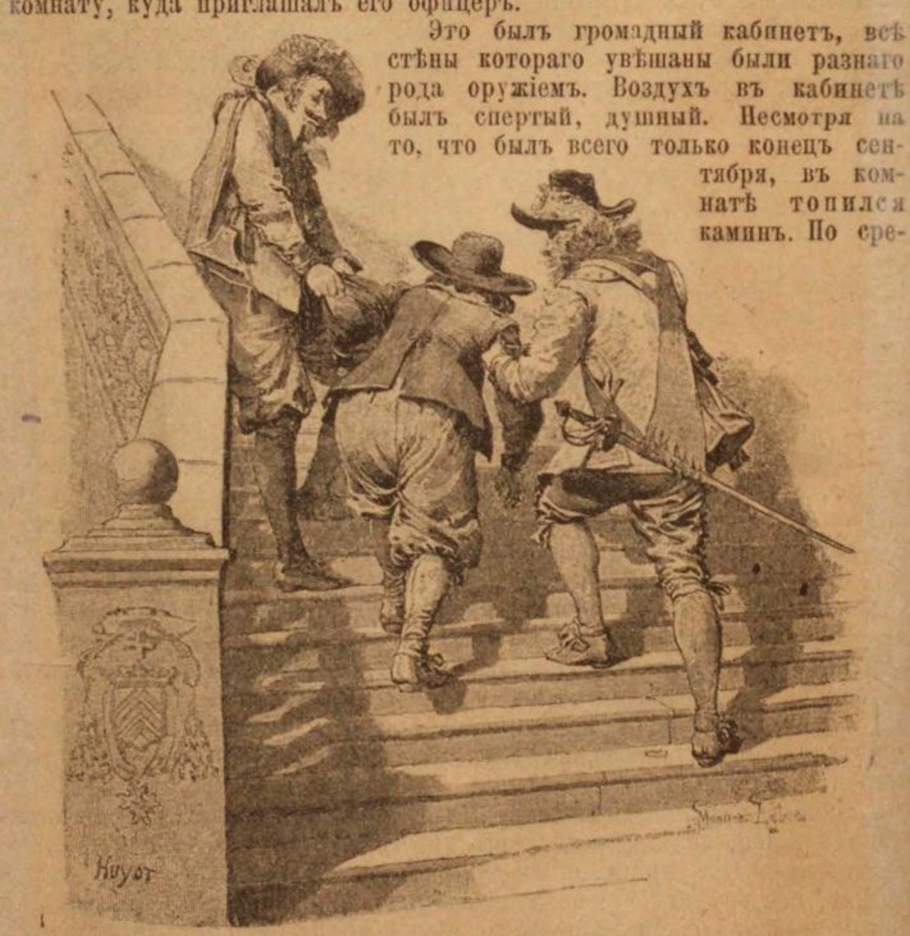
— Это васъ зовутъ г-мъ Бонасье?

— Да, господинъ офицеръ, это я, къ вашимъ услугамъ, — забормоталъ еле живой отъ страха Бонасье.

— Войдите, — сказалъ ему офицеръ.

Съ этими словами онъ посторонился, чтобы пропустить торговца въ дверь. Бонасье безпрекословно повиновался и вошелъ въ комнату, куда приглашалъ его офицеръ.

Это былъ громадный кабинетъ, всѣ стѣны котораго увѣшаны были разнаго рода оружіемъ. Воздухъ въ кабинетѣ былъ спертый, душный. Несмотря на то, что былъ всего только конецъ сентября, въ комнатѣ топился каминъ. По сре-

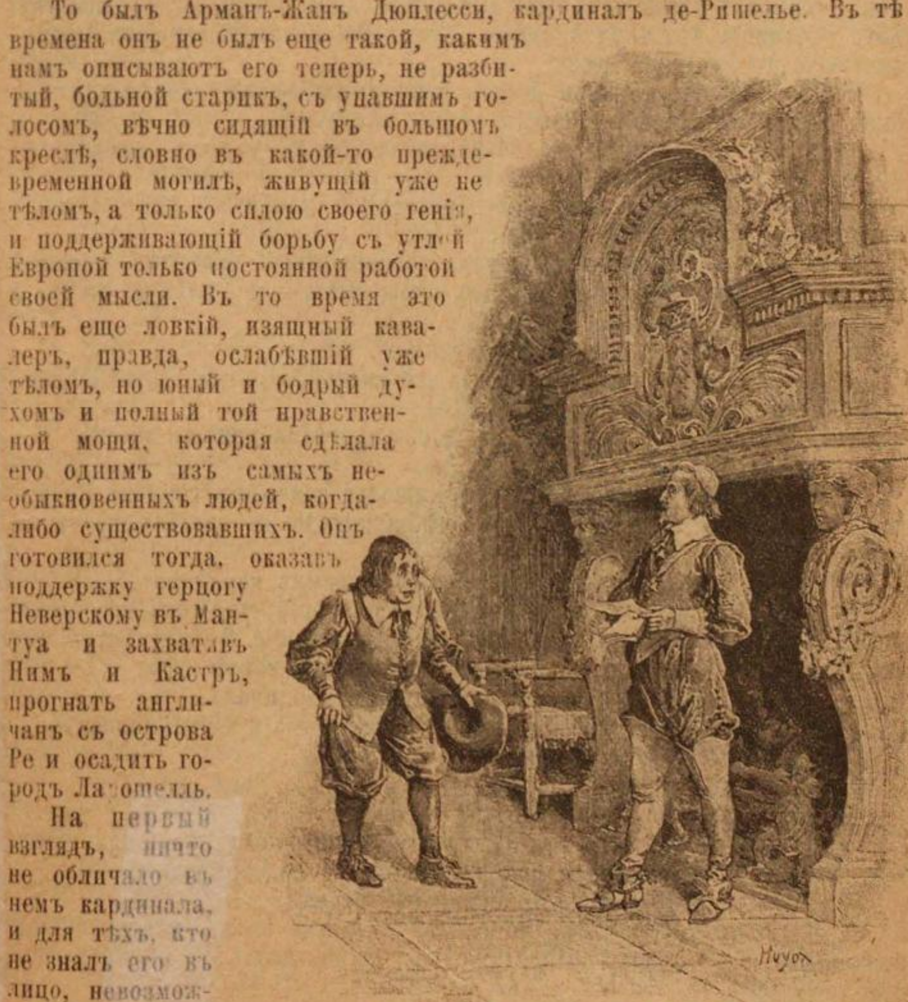
Двое какихъ-то людей взяли подъ руки Б насье, заставили подняться на лѣстницу и, наконецъ, привели въ комнату, похожую на пріемную.

динѣ комнаты стоялъ большой квадратный столъ, заваленный книгами и бумагами, поверхъ которыхъ разложенъ былъ громадный планъ города Ларошелля. Передъ каминомъ стоялъ человѣкъ средняго роста, съ гордымъ, высокомѣрнымъ взглядомъ, съ умными проницательными глазами, съ широкимъ лбомъ и острымъ носомъ, и съ длиннымъ, худощавымъ лицомъ, которое казалось еще длиннѣе, благодаря эспаньолкѣ и усамъ. Хотя на видъ ему нельзя было дать и тридцати шести лѣтъ, въ волосахъ, эспаньолкѣ и усахъ

уже замѣтна была сѣдина. Хотя при немъ и не было никого, но можно было сразу сказать, что это военный человѣкъ. Его высокіе сапоги изъ буйволовой кожи, слегка запыленные, доказывали, что днемъ онъ ѣздилъ верхомъ.

То былъ Арманъ-Жанъ Дюплесси, кардиналъ де-Ришелье. Въ тѣ времена онъ не былъ еще такой, какимъ намъ описываютъ его теперь, не разбитый, больной старикъ, съ упавшимъ голосомъ, вѣчно сидящій въ большомъ креслѣ, словно въ какой-то преждевременной могилѣ, живущій уже не тѣломъ, а только силою своего генія, и поддерживающій борьбу съ утлой Европой только постоянной работой своей мысли. Въ то время это былъ еще ловкій, изящный кавалеръ, правда, ослабѣвшій уже тѣломъ, но юный и бодрый духомъ и полный той нравственной мощи, которая сдѣлала его однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей, когда-либо существовавшихъ. Онъ готовился тогда оказать поддержку герцогу Неверскому въ Мантуа и захвативъ Нимъ и Кастръ, прогнать англичанъ съ острова Ре и осадить городъ Ларошелль.

На первый взглядъ, ничто не обличало въ немъ кардинала, и для тѣхъ, кто не зналъ его въ лицо, невозможно было сразу догадаться, передъ кѣмъ они находятся.

— Вы составили заговоръ съ вашей женой, съ г-жею де-Шеврёзъ и герцогомъ Букингамомъ.

Бѣдный Бонасье остановился въ нерѣшительности около дверей, а человѣкъ, котораго мы только что описали, уставился на него своимъ проницательнымъ взглядомъ, стараясь, повидимому, проникнуть въ его душу.

— Это и есть Бонасье?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, монсеньоръ, — отвѣчалъ офицеръ.

— Хорошо, подайте мнѣ вонъ тѣ бумаги и оставьте насъ.

Офицеръ взялъ со стола какія-то бумаги, передалъ ихъ тому, кто ихъ спрашивалъ, низко поклонился и вышелъ.

Бонасье догадался, что бумаги эти касались его пребыванія въ Бастиліи. Отъ времени до времени человѣкъ, стоявшій передъ каминомъ, отрывалъ глаза отъ бумагъ и устремлялъ такой взглядъ на бѣднаго торговца, что тому казалось, будто два острыхъ кинжала пронизываютъ его душу насквозь.

Десяти минутъ чтенія и десяти секундъ наблюденія для кардинала было достаточно, чтобы вывести вѣрное заключеніе.

„Эта голова никогда не участвовала ни въ какихъ заговорахъ; но это ничего,—сказалъ себѣ онъ, — все-таки посмотримъ!“

— Васъ обвиняютъ въ государственной измѣнѣ, — тихо сказалъ кардиналъ.

— Мнѣ уже говорили это разъ, монсеньоръ, — отвѣчалъ Бонасье, слышавшій, какъ офицеръ назвалъ кардинала, — но, клянусь вамъ, я тутъ ничего не понимаю.

Кардиналъ едва могъ сдержать улыбку.

— Вы составили заговоръ съ вашей женой, съ г-жею де-Шеврёзъ и герцогомъ Букингамомъ.

— Дѣйствительно, монсеньоръ, я слыхалъ отъ нея эти имена.

— По какому случаю?

— Она говорила, что кардиналъ Ришелье заманилъ герцога Букингама въ Парижъ, чтобы погубить его, а вмѣстѣ съ нимъ погубить и королеву.

— Она говорила это? — сердито переспросилъ кардиналъ.

— Да, монсеньоръ, но я говорилъ ей тогда, что она совершенно неосновательно дѣлаетъ подобное предположеніе. Я утверждалъ, что его высокопреосвященство не способенъ сдѣлать такую...

— Замолчите, вы глупы, — перебилъ его кардиналъ.

— Вотъ именно то же самое сказала мнѣ тогда и жена, монсеньоръ.

— Вы знаете, кто похитилъ у васъ жену?

— Нѣтъ, монсеньоръ.

— Но вы кого-то подозрѣваете?

— Да, монсеньоръ, но эти подозрѣнія, повидимому, не понравились г-ну комиссару, а потому я больше никого не подозрѣваю.

— Ваша жена убѣжала. Вы знали объ этомъ?

— Я узналъ объ этомъ, монсеньоръ, только тогда, когда попалъ въ тюрьму, и то только благодаря г-ну комиссару; это очень любезный господинъ.

Кардиналъ снова сдержалъ улыбку.

— Такъ вамъ рѣшительно неизвѣстно, что сталось съ вашей женой послѣ ея бѣгства?

— Рѣшительно ничего неизвѣстно, монсеньоръ.—Должно-быть, она вернулась въ Лувръ.

— Въ часъ пополудни ея еще тамъ не было.

— Ахъ, Боже мой, что же съ ней могло приключиться?

— Объ этомъ узнаютъ, будьте покойны: отъ кардинала ничего не скроется, кардиналъ узнаетъ все.

— А если такъ, монсеньоръ, вы думаете, что кардиналъ согласится сказать мнѣ, что сталось съ моей женой?

— Можетъ-быть! Но прежде всего надобно, чтобы вы чистосердечно разсказали все, что вы знаете про отношенія вашей жены къ г-жѣ де-Шеврёзъ.

— Но, монсеньоръ, я ничего не знаю, я никогда даже не видалъ г-жи де-Шеврёзъ.

— Когда вы провожали жену изъ Лувра домой, она никуда не заходила дорогой?

— Постоянно заходила дорогой. У ней всегда были дѣла съ торговцами полотна, и я всегда провожалъ ее туда самъ.

— А сколько было такихъ торговцевъ полотна?

— Два, монсеньоръ.

— Гдѣ они живутъ?

— Одинъ въ улицѣ Вожираръ, другой въ улицѣ де-ла-Гарпъ.

— Вы къ нимъ заходили съ ней?

— Нѣтъ, никогда, монсеньоръ, я каждый разъ дожидался ее у дверей.

— Ну, а какой же она придумывала предлогъ, чтобы входить туда одной?

— Да никакого! Она просто приказывала мнѣ ждать, и я ждалъ.

— Вы очень любезный мужъ, мой милый г-нъ Бонасье! — сказалъ кардиналъ.

„Онъ называетъ меня милымъ,— сказалъ себѣ Бонасье.— Славно! Дѣла поправляются!“

— Могли бы вы узнать двери тѣхъ торговцевъ полотномъ?

— Это онъ!—вскричалъ тутъ Бонасье.
— Кто онъ?—спросилъ кардиналъ.
— Тотъ, кто похитилъ мою жену!

— Да.

— Вы знаете номера домовъ?

— Да.

— Какіе же?

— Въ улицѣ Вожираръ № 25, а въ улицѣ де-ла-Гарпъ № 75.

— Прекрасно, — сказалъ кардиналъ. Затѣмъ онъ взялъ серебряный колокольчикъ и позвонилъ. Взошелъ офицеръ.

— Подите, — сказалъ ему тихо кардиналъ, — и позовите мнѣ Рошфора. Пусть онъ сейчасъ же придетъ ко мнѣ, если онъ дома.

— Графъ здѣсь, — сказалъ офицеръ, — и убѣдительно проситъ у вашего высокопреосвященства позволенія передать вамъ что-то.

— Въ такомъ случаѣ, пусть войдетъ, пусть войдетъ! — заволновался Ришелье.

Офицеръ бросился исполнять приказаніе кардинала съ той быстротой, съ которой исполнялись всѣ вообще приказанія кардинала.

— „У вашего преосвященства"!—шепталъ между тѣмъ Бонасье, водя кругомъ дикими глазами.

Черезъ нѣсколько секундъ по уходѣ офицера, дверь отворилась снова, и вошло въ кабинетъ новое лицо.

— Это онъ!—вскричалъ тутъ Бонасье.

— Кто онъ?—спросилъ кардиналъ.

— Тотъ, кто похитилъ мою жену!

Кардиналъ позвонилъ. Офицеръ явился.

— Поручите этого человѣка двумъ сторожамъ, пусть онъ подождетъ, я позову ее потомъ.

— Впрочемъ, нѣтъ, монсеньоръ, это не онъ!—вскричалъ Бонасье.—Я ошибся, это совершенно не онъ и не похожъ на того нисколько! Это вполнѣ честный человѣкъ!

— Уведите этого дурака!—приказалъ кардиналъ.

Офицеръ взялъ Бонасье за руку и увелъ его въ пріемную, гдѣ передалъ сторожамъ.

Человѣкъ, вошедшій въ кабинетъ, съ нетерпѣніемъ слѣдилъ, какъ Бонасье уводили изъ комнаты, и только что двери за нимъ захлопнулись, быстро подошелъ къ кардиналу и заговорилъ:

— Они видѣлись!

— Кто?—спросилъ кардиналъ.

— Онъ и она.

— Королева и герцогъ?—вскричалъ Ришелье.

— Да.

— Но гдѣ же?

— Въ Луврѣ.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ.

— Кто же вамъ сказалъ это?

— Г-жа де-Ланнуа, которая, какъ вамъ извѣстно, вполнѣ предана вашему высокопреосвященству.

— Отчего же она не предупредила объ этомъ раньше?

— Случайно или ради предосторожности, но королева приказала г-жѣ де-Сюржисъ спать въ своей комнатѣ и потомъ удержала ее на цѣлый день.

— Хорошо! Насъ побѣдили на этотъ разъ. Постараемся отомстить за это.

— Монсеньоръ, я всей душой готовъ вамъ помочь въ этомъ случаѣ, будьте спокойны!

— Но какъ же все это случилось?

— Въ половинѣ перваго королева сидѣла со своими приближенными дамами.

— Гдѣ это?

— Въ своей спальнѣ...

— Хорошо.

— Ей подали платокъ отъ ея камеристки...

— Дальше?

— Королева тотчасъ же обнаружила сильное волненіе и, несмотря на румяна, покрывавшія ея лицо, она поблѣднѣла.

— Дальше, дальше!

— Затѣмъ она тотчасъ же встала и сказала измѣнившимся голосомъ: „Mesdames, подождите меня минутъ десять, я скоро вернусь“. Отворила дверь алькова и вышла.

— Отчего же г-жа де-Ланнуа въ ту же минуту не пришла васъ предупредить?

— Ничего еще неизвѣстно было навѣрное. Къ тому же королева сказала: „Mesdames, подождите меня“, и она не рѣшилась ослушаться приказанія королевы.

— И долго королева не возвращалась въ комнату?

— Три четверти часа!

— И ни одна изъ дамъ не сопровождала ея?

— Только донна Стефанія.

— И затѣмъ она вернулась?

— Да, взяла маленькій ящичекъ изъ розоваго дерева и опять вышла.

— А затѣмъ, когда вернулась снова, принесла его назадъ?

— Нѣтъ.

— Г-жа де-Ланнуа знаетъ, что было въ этомъ ящичкѣ?

— Да; брильянтовые наконечники эксельбантовъ, подаренные королевѣ его величествомъ.

— Такъ она вернулась безъ ящичка?

— Да.

— Что же, г-жа де-Ланнуа думаетъ, что она ихъ передала тогда Букингаму?

— Она въ этомъ увѣрена.

— Почему?

— На слѣдующій же день г-жа де-Ланнуа, по своей обязанности фрейлины королевы, начала искать этотъ ящичекъ повсюду, сдѣлала видъ, что очень безпокоится, не находя его нигдѣ, и, наконецъ, спросила о немъ у королевы.

— И королева?..

— Королева сильно покраснѣла и отвѣчала, что наканунѣ она сломала одинъ изъ наконечниковъ и послала чинить его къ своему ювелиру.

— Надо сходить къ ювелиру и узнать, правда это, или нѣтъ!

— Я уже былъ тамъ.

— Ну, что же ювелиръ?

— Ювелиръ ничего не получалъ.

— Хорошо, хорошо, Рошфоръ, не все еще потеряно и, можетъ-быть... можетъ-быть даже, все это еще къ лучшему!

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что геній вашего высокопреосвященства...

— Можетъ исправить оплошность своего агента? Не правда ли?

— Это именно то, что я и хотѣлъ сказать, если бы ваше высокопреосвященство дозволили мнѣ кончить фразу.

— Извѣстно вамъ теперь гдѣ прятались герцогиня де-Шеврёзъ и герцогъ Букингамъ?

— Нѣтъ, монсеньоръ, мои люди никакъ не могли достать мнѣ объ этомъ вѣрныхъ свѣдѣній.

— А я знаю.

— Вы, монсеньоръ?

— Да, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Они проживали одинъ въ улицѣ Вожираръ № 25, другой въ улицѣ де-ла-Гарпъ № 75.

— Вашему высокопреосвященству угодно, чтобы я сейчасъ арестовалъ ихъ?

— Теперь уже поздно, они, навѣрно, уѣхали.

— Можно въ этомъ удостовѣриться, это ничего не значитъ.

— Возьмите десять человѣкъ моихъ гвардейцевъ и обыщите оба дома.

— Слушаю-съ, монсеньоръ.

И Рошфоръ поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Оставшись одинъ, кардиналъ задумался на минуту и потомъ позвонилъ.

Явился офицеръ.

— Приведите арестованнаго!

Бонасье снова ввели, и, по знаку кардинала, офицеръ снова удалился.

— До свиданья, господинъ Бонасье, до свиданья.

— Вы меня обманули, — строго сказалъ кардиналъ.

— Я? — вскричалъ Бонасье. — Я обманулъ ваше высокопреосвященство!

— Ваша жена, заходя на улицу Вожираръ и де-ла-Гарпъ, ходила вовсе не къ торговцамъ полотномъ.

— Но, Боже праведный, къ кому же она ходила?

— Она ходила къ герцогинѣ де-Шеврёзъ и къ герцогу Букингаму.

— Да, — сказалъ Бонасье, стараясь припомнить, — да, совершенно такъ. Вы, ваше высокопреосвященство, правы. Я каждый разъ говорилъ женѣ, что очень удивляюсь, какъ это торговцы полотнами живутъ въ такихъ домахъ, гдѣ нѣтъ вывѣсокъ, и каждый разъ жена только посмѣивалась на это. Ахъ, монсеньоръ, — вскричалъ Бонасье, кидаясь къ ногамъ кардинала, — вы, дѣйствительно, великій кардиналъ, человѣкъ геніальный, передъ которымъ благоговѣетъ и цѣлый свѣтъ!

Какъ ни легка была побѣда надъ такимъ простякомъ, какъ Бонасье, все-таки кардиналъ былъ на минуту очень доволенъ. Затѣмъ сейчасъ же какая-то новая мысль явилась у него, на губахъ промелькнула улыбка, и, дотронувшись до руки торгов[illegible], кардиналъ сказалъ:

— Встаньте, мой другъ, вы честный [illegible]алый

— Какъ, самъ кардиналъ дотронулся до моей руки! Моя рука дотронулась до руки такого великаго человѣка! — вскричалъ Бонасье. — Великій человѣкъ назвалъ меня своимъ другомъ!

— Да, мой другъ, да! — сказалъ кардиналъ тѣмъ мягкимъ, отеческимъ тономъ, который онъ такъ хорошо умѣлъ принимать, но которымъ онъ только обманывалъ людей, не знавшихъ его. — Васъ заподозрѣли совершенно несправедливо. Ну, что же! Васъ надо вознаградить за все это: вотъ, возьмите этотъ кошелекъ съ сотнею пистолей и извините меня.

— Мнѣ извинить васъ, монсеньоръ, — забормоталъ Бонасье, не рѣшаясь брать кошелекъ и считая все это лишь за шутку. — Вы, конечно, имѣете полное право арестовать меня, вы можете подвергнуть меня пыткѣ, повѣсить меня! Вы всесильны, и я не смѣю пикнуть передъ вами! И вдругъ, мнѣ извинить васъ, монсеньоръ? Да вы смѣетесь надо мной?

— Ахъ, мой милый Бонасье, я вижу, вы очень великодушны, благодарю васъ. Итакъ, значитъ, вы возьмете этотъ кошелекъ и не будете сердиться не меня?

— Если, монсеньоръ, вы не смѣетесь надо мной, то я въ восторгѣ, монсеньоръ!

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, или вѣрнѣе, до свиданья, такъ какъ я надѣюсь еще увидѣться съ вами.

— Когда вамъ, монсеньоръ, будетъ лишь угодно, я всегда къ услугамъ вашего высокопреосвященства.

— Мы будетъ видѣться часто, будьте покойны, потому что я нахожу необыкновенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ вами.

— О, монсеньоръ!

— До свиданья, господинъ Бонасье, до свиданья.

И кардиналъ сдѣлалъ ему прощальный жестъ рукой, на который Бонасье отвѣтилъ поклономъ чуть не до земли. Затѣмъ, кланяясь и пятясь, онъ сталъ подвигаться къ двери, и когда онъ очутился въ пріемной, кардиналъ услыхалъ, какъ онъ закричалъ въ восторгѣ: „Да здравствуетъ монсеньоръ! Да здравствуетъ его высокопреосвященство, да здравствуетъ великій кардиналъ!“

Кардиналъ улыбнулся, услыхавъ этотъ восторженный крикъ Бонасье, и сказалъ себѣ:

— Прекрасно, теперь онъ готовъ будетъ отдать за меня свою жизнь!

Черезъ минуту кардиналъ уже съ величайшимъ вниманіемъ разглядывалъ карту Ларошелля и отмѣчалъ на ней карандашомъ линію, гдѣ должна была быть заложена знаменитая плотина, благодаря которой восемнадцать мѣсяцевъ спустя была отрѣзана гавань осажденнаго города.

Онъ былъ весь погруженъ въ эти стратегическія соображенія, когда отворилась дверь, и въ кабинетъ вошелъ Рошфоръ.

— Ну, что? — спросилъ кардиналъ, быстро вскакивая со стула, что доказывало важность тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ ожидалъ отъ графа.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ Рошфоръ. — Какая-то молодая женщина, лѣтъ двадцати шести — восьми и мужчина, лѣтъ тридцати пяти — сорока жили, одна четыре, другой пять дней въ домахъ, ука-

занныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ, но только женщина ужъ уѣхала сегодня въ ночь, а мужчина—сегодня утромъ.

— Это были они! — вскричалъ кардиналъ, смотря на часы. — И теперь ужъ намъ не догнать ихъ: герцогиня, должно-быть, уже въ Турѣ, а герцогъ въ Булони. Надо догнать ихъ въ Лондонѣ.

— Какія будутъ приказанія вашего высокопреосвященства?

— Во-первыхъ, не проронить ни одного слова изъ того, что сейчасъ произошло. Пусть королева остается въ пріятной увѣренности, что намъ ея тайна неизвѣстна, пусть она воображаетъ, что мы отыскиваемъ какой-нибудь заговоръ. А теперь пошлите ко мнѣ хранителя государственной печати, Сегье.

— А что ваше высокопреосвященство изволили сдѣлать съ этимъ человѣкомъ?

— Съ какимъ? — спросилъ кардиналъ.

— Съ Бонасье.

— Я сдѣлалъ съ нимъ все, что можно было съ нимъ сдѣлать. Я сдѣлалъ изъ него шпіона его жены.

Графъ Рошфоръ поклонился только, какъ человѣкъ, сознающій превосходство надъ собой своего учителя, и вышелъ.

Оставшись одинъ, кардиналъ сѣлъ, написалъ письмо, запечаталъ его своей печатью и позвонилъ. Офицеръ опять явился на звонокъ.

— Позовите ко мнѣ Витре, да скажите ему, чтобы онъ приготовился въ дорогу.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ кардиналомъ уже стоялъ Витре въ высокихъ сапогахъ со шпорами.

— Витре,—сказалъ кардиналъ, — вы немедленно поѣдете въ Лондонъ. Не останавливайтесь по дорогѣ ни на минуту. Письмо это вы передадите миледи. Вотъ вамъ чекъ на двѣсти пистолей, подите къ моему казначею и велите ему выдать вамъ эту сумму. Если вы вернетесь сюда черезъ шесть дней и исполните порученіе въ точности, то получите еще столько же.

Витре, не отвѣтивъ ни слова, взялъ письмо, чекъ, поклонился и вышелъ.

Вотъ что написано было въ письмѣ.

„Миледи!

Будьте на первомъ же балу, гдѣ будетъ герцогъ Букингамъ. У него на груди будутъ надѣты двѣнадцать брильянтовыхъ наконечниковъ на эксельбантахъ. Подойдите къ нему и отрѣжьте два изъ нихъ.

Какъ только эти наконечники будутъ у васъ въ рукахъ, извѣстите меня“.

Глава XV.

Статскіе и военные.

Атосъ не появлялся и на другой день послѣ описанныхъ только что происшествій. Встревоженные этимъ, д'Артаньянъ и Портосъ предупредили де-Тревиля объ исчезновеніи своего товарища.

Арамисъ тогда отпросился въ пятидневный отпускъ и находился, какъ говорили, въ Руанѣ, по своимъ семейнымъ дѣламъ.

Де-Тревилль былъ настоящимъ отцомъ своихъ мушкетеровъ. Самый молодой и самый неизвѣстный изъ нихъ, разъ онъ носилъ мундиръ мушкетера, могъ быть всегда увѣренъ въ его помощи и поддержкѣ при несчастіи, какъ будто бы онъ былъ ему роднымъ братомъ.

Узнавъ о несчастіи, постигшемъ Атоса, де-Тревилль сію же минуту отправился къ начальнику сыскной полиціи. Позвали офицера, завѣдывавшаго гауптвахтой Краснаго Креста,

Какъ капитанъ мушкетеръ, де-Тревилль во всякое время имѣлъ право входить въ королевскіе апартаменты.

и, наконецъ, по тщательнымъ розыскамъ оказалось, что Атосъ въ настоящую минуту находился въ тюрьмѣ Форъ-Левекъ.

Атосъ испытывалъ совершенно ту же участь, какъ и Бонасье.

Мы уже описали сцены очной ставки между обоими арестованными. До того Атосъ не говорилъ ни слова въ свое оправданіе, желая, чтобы

д'Артаньянъ успѣлъ за это время сдѣлать все, что ему необходимо. Но теперь онъ объявилъ во всеуслышаніе, что онъ — Атосъ, а не д'Артаньянъ.

Онъ прибавилъ также, что совершенно не знаетъ ни г-на ни г-жи Бонасье, что онъ никогда не говорилъ съ ними ни слова, что около десяти часовъ вечера онъ пришелъ навѣстить своего друга, д'Артаньяна, а до того времени онъ былъ въ гостяхъ у г-на де-Тревилля, гдѣ обѣдалъ. Двадцать свидѣтелей,—прибавилъ онъ,—могутъ это удостовѣрить, и онъ назвалъ много извѣстныхъ дворянскихъ фамилій, между прочимъ, герцога де-ля-Тремулля.

Второй комиссаръ былъ огорошенъ не менѣе перваго яснымъ твердымъ показаніемъ мушкетера, хотя ему и очень хотѣлось подставить ножку этому гордому офицеру. Извѣстно, что между статскими и военными существовалъ и существуетъ всегда скрытый антагонизмъ, но тутъ, при всемъ своемъ желаніи, комиссаръ ничего не могъ подѣлать, когда Атосъ своими свидѣтелями назвалъ такихъ лицъ, какъ г-нъ де-Тревилль и герцогъ де-ла-Тремулль. Надъ этими именами стоило призадуматься.

Атосъ, какъ и Бонасье, былъ тоже препровожденъ къ кардиналу, но, къ несчастью, кардиналъ въ то время былъ въ Луврѣ и сидѣлъ у короля.

Какъ разъ въ то же самое время и де-Тревилль, побывавъ у начальника сыскной полиціи и начальника тюрьмы Форъ-Левекъ и не найдя нигдѣ Атоса, пришелъ повидаться съ его величествомъ.

Какъ капитанъ мушкетеръ, де-Тревилль во всякое время имѣлъ право входить въ королевскіе апартаменты.

Извѣстно, какъ сильно король былъ предубѣжденъ противъ королевы и какъ ловко кардиналъ умѣлъ поддерживать въ королѣ это постоянное предубѣжденіе. Кардиналъ во всѣхъ политическихъ и иныхъ интригахъ всегда поддерживалъ больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ постоянной вражды кардинала къ королевѣ, была ея дружба съ герцогинею де-Шеврёзъ. Эти двѣ женщины безпокоили его гораздо больше, чѣмъ всѣ войны въ Испаніи, всѣ недоразумѣнія съ Англіей и всѣ внутреннія финансовыя затрудненія. Кардиналъ былъ твердо убѣжденъ, что г-жа де-Шеврёзъ была союзницей королевы не только во всѣхъ политическихъ интригахъ, но и во всѣхъ ея любовныхъ дѣлахъ, а это волновало его гораздо больше.

Какъ только кардиналъ сказалъ королю, что г-жа де-Шеврёзъ, сосланная въ Туръ, пока всѣ думали, что она находится тамъ, пріѣзжала въ Парижъ, провела здѣсь цѣлыя пять сутокъ и надула полицію, король пришелъ въ страшный гнѣвъ. Капризный и непостоянный король желалъ носить прозваніе „Людовика Справедливаго“ и „Людовика Цѣломудреннаго“. Потомство врядъ ли можетъ хорошенько понять этотъ странный характеръ, который не можетъ объяснить и сама исторія.

Когда же кардиналъ прибавилъ, что г-жа де-Шеврёзъ не просто пріѣзжала въ Парижъ, а пріѣзжала съ цѣлью вступить опять съ королевою въ сношенія при помощи таинственной переписки, которую въ то время называли кабалистикой; когда кардиналъ сказалъ, что онъ уже начиналъ распутывать самыя сложныя и тонкія нити этой интриги, и въ ту самую минуту, какъ все уже готово было, что

накрыть преступницу и изловить съ поличнымъ лазутчика королевы, передававшаго ея переписку съ изгнанницей, — какой-то мушкетеръ осмѣлился со шпагою въ рукѣ напасть на исполнителей правосудія при исполненіи ими своихъ обязанностей и тѣмъ помѣшалъ имъ изслѣдовать все это дѣло и представить на судъ короля; когда кардиналъ произнесъ все это,—король Людовикъ XIII не могъ долѣе сдержать себя и, блѣдный отъ гнѣва, пошелъ къ комнатамъ королевы. Король въ эту минуту былъ въ томъ состояніи злобы, ревности и негодованія, когда онъ совершенно не помнилъ себя и когда былъ способенъ на самую грубую жестокость.

А между тѣмъ, кардиналъ еще не намекнулъ даже ни однимъ словомъ о визитѣ въ Парижъ герцога Букингама.

Какъ разъ въ это самое время и взошелъ де-Тревилль, спокойный, корректный и одѣтый по всей формѣ.

Догадавшись по присутствію кардинала и по разстроенному лицу короля о всемъ, что произошло сейчасъ, де-Тревилль почувствовалъ, что сила все-таки на его сторонѣ, и держалъ себя съ сознаніемъ этой своей силы, какъ Самсонъ передъ филистимлянами.

— А я,—сказалъ хладнокровно де-Тревилль,—пришелъ сообщить вашему величеству возмутительныя вещи про чиновниковъ.

Людовикъ XIII взялся уже было за ручку двери, но, услыхавъ шаги входившаго де-Тревилля, обернулся.

— Ахъ, вы очень кстати, — сказалъ ему король, не умѣвшій притворяться и сдерживать себя, разъ онъ былъ взволнованъ, — я узналъ возмутительныя вещи про вашихъ мушкетеровъ.

— А я, — сказалъ хладнокровно де-Тревилль, — пришелъ сообщить вашему величеству возмутительныя вещи про чиновниковъ.

— Что такое?—высокомѣрно переспросилъ король.

— Я имѣю честь доложить вашему величеству,—продолжалъ тѣмъ же тономъ де-Тревилль,—что цѣлая шайка прокуроровъ, комиссаровъ и

полицейскихъ, людей весьма почтенныхъ, но, какъ кажется, черезчуръ уже озлобленныхъ противъ военнаго мундира, позволила себѣ арестовать въ частномъ домѣ, увести открыто и засадить въ Форъ-Левекъ одного изъ моихъ, или, вѣрнѣе, вашихъ мушкетеровъ, по чьему-то предписанію, которое мнѣ не хотѣли показать; мушкетера безукоризненнаго поведенія, много разъ уже отличавшагося на войнѣ, заслуженнаго, который уже извѣстенъ вашему величеству, именно г-на Атоса.

— Атоса, — повторилъ безсознательно король, — да, мнѣ это имя знакомо.

— Быть-можетъ, его величество потрудится вспомнить, что Атосъ это тотъ самый мушкетеръ, который въ извѣстной вамъ прискорбной дуэли имѣлъ неосторожность такъ тяжело ранить де-Каюзака... Кстати, монсеньоръ,—обратился де-Тревилль къ кардиналу, — не правда ли, де-Каюзакъ теперь совершенно поправился?

— Благодарю!—отвѣчалъ кардиналъ, кусая со злости губы.

— Итакъ, ваше величество, Атосъ пошелъ въ гости къ одному изъ своихъ друзей, молодому беарнцу, служащему въ гвардіи вашего величества, въ ротѣ Дезессара. Пріятеля этого не оказалось въ то время дома, но едва только успѣлъ Атосъ войти въ комнату и взять книгу, чтобы подождать хозяина дома, какъ вдругъ цѣлая туча солдатъ и сыщиковъ налетѣла на домъ, выломала двери...

Кардиналъ въ эту минуту сдѣлалъ королю знакъ, которымъ давалъ понять, что это именно то, о чемъ онъ уже говорилъ ему.

— Мнѣ все это уже извѣстно,—прервалъ де-Тревилля король.—Все это было сдѣлано, чтобы оказать мнѣ же услугу.

— Въ такомъ случаѣ,—заговорилъ де-Тревиль,—неужели же, чтобы оказать услугу вашему величеству, забрали также ни въ чемъ неповиннаго мушкетера и подъ конвоемъ двухъ полицейскихъ, точно какого-то злодѣя, повели его среди наглой черни. Благороднаго мушкетера, десятки разъ проливавшаго свою кровь за ваше величество и готоваго доказать это и теперь!

— Какъ, — сказалъ король, смягчившись, — развѣ все это такъ и было?

— Господинъ де-Тревилль не говоритъ,—затѣтилъ тутъ кардиналъ съ величайшимъ спокойствіемъ, — что этотъ ни въ чемъ неповинный мушкетеръ, этотъ благородный человѣкъ, за часъ передъ тѣмъ, со шпагой въ рукѣ, какъ какой-то разбойникъ, набросился на четырехъ полицейскихъ, уполномоченныхъ мною изслѣдовать дѣло, имѣющее очень важное значеніе.

— Вашему высокопреосвященству не удастся доказать это,—вскричалъ де-Тревилль со своей гасконской откровенностью и вполнѣ военной рѣзкостью,—потому что за часъ до своего ареста, г. Атосъ, который, я открою его величеству, принадлежитъ къ очень знатной фамиліи, г. Атосъ сдѣлалъ мнѣ честь отобѣдать у меня и разговаривалъ въ гостиной моего отеля съ герцогомъ де-ла-Тремуллемъ и графомъ де-Шалю, которые тоже были у меня.

Король вопросительно взглянулъ на кардинала.

— Это можетъ удостовѣрить протоколъ, — сказалъ кардиналъ, отвѣчая на нѣмой вопросъ короля. — Полицейскіе составили протоколъ, который я буду имѣть честь представить его величеству.

— Такъ неужели же ваше величество довѣрите протоколу полицейскихъ больше, чѣмъ слову военнаго?—гордо вскричалъ де-Тревилль.

— Полноте, полноте, де-Тревилль, — остановилъ его король, — не горячитесь!

— Если его высокопреосвященство подозрѣваетъ кого-нибудь изъ моихъ мушкетеровъ, — сказалъ де-Тревилль, — то я просилъ бы его высокопреосвященство, въ видахъ справедливости, лично произвести слѣдствіе.

— Въ домѣ, гдѣ производили обыскъ, — продолжалъ безстрастно кардиналъ, — живетъ, кажется, какой-то беарнецъ, другъ вашего мушкетера?

— Его высокопреосвященство говоритъ, вѣроятно, о г. д'Артаньянѣ?

— Я говорю о молодомъ человѣкѣ, которому вы очень протежируете.

— Это совершенно вѣрно, ваше высокопреосвященство.

— Не можете ли вы предположить, что этотъ молодой человѣкъ могъ давать дурные совѣты...

— Атосу? Человѣку, вдвое его старше? — перебилъ де-Тревилль. — Нѣтъ, монсеньоръ. Къ тому же, д'Артаньянъ провелъ вечеръ у меня.

— Ага! — улыбнулся кардиналъ. — Что же это, у васъ всѣ перебывали въ этотъ вечеръ?

— Ваше высокопреосвященство сомнѣваетесь въ моихъ словахъ?— вскричалъ де-Тревиль, красный отъ гнѣва.

— Нѣтъ, нѣтъ, сохрани меня Боже отъ этого!—сказалъ кардиналъ.— Но только въ которомъ же часу онъ былъ у васъ?

— О, это я могу сказать совершенно точно, ваше высокопреосвященство, потому что, когда онъ вошелъ ко мнѣ, я какъ разъ обратилъ вниманіе на часы, и, помню, еще удивился, что было только половина десятаго, а я считалъ, что гораздо позже.

— А въ которомъ часу онъ вышелъ изъ отеля?

— Черезъ часъ, въ десять съ половиною часовъ.

— Но, однакоже, — возразилъ кардиналъ, который ни на минуту не сомнѣвался въ правдивости словъ де-Тревилля и въ то же время чувствовалъ, что побѣда ускользаетъ отъ него, — но, однакоже, г-нъ Атосъ былъ арестованъ въ домѣ улицы Могильщиковъ?

— А развѣ запрещается другу навѣстить друга? Развѣ мушкетеру моей роты нельзя быть въ братскихъ отношеніяхъ съ гвардейцемъ роты Дезессара?

— Да, запрещается, когда домъ, гдѣ проводятъ время съ этимъ своимъ другомъ, находится въ подозрѣніи.

— Вѣдь этотъ домъ находится въ подозрѣніи, де-Тревилль,—сказалъ король, — можетъ-быть, вы этого не знали?

— Правда, ваше величество, я и не зналъ того. Во всякомъ случаѣ, если этотъ домъ и находится въ подозрѣніи, то не думаю, чтобы это касалось той его части, гдѣ проживаетъ д'Артаньянъ. Я могу положительно удостовѣрить, ваше величество, что д'Артаньянъ — самый преданный слуга вашего величества и глубокій почитатель г-на кардинала.

— Не тотъ ли это д'Артаньянъ, который какъ-то еще ранилъ Жюссака у монастыря Босоногихъ Кармелитовъ?—спросилъ король, взглянувъ на кардинала, покраснѣвшаго отъ досады.

Въ ту минуту, какъ онъ уже собрался уходить, кардиналъ дружески улыбнулся ему и замѣтилъ королю:

— Какое трогательное согласіе, ваше величество, царитъ среди вашихъ мушкетеръ, между начальниками и подчиненными. Это чрезвычайно важно для службы и дѣлаетъ имъ большую честь.

„Навѣрное, онъ скоро сыграетъ со мной какую-нибудь прескверную штуку, подумалъ про себя де-Тревилль. Съ такимъ человѣкомъ нельзя быть ни въ чемъ увѣреннымъ. Но надо торопиться, такъ какъ король каждую минуту можетъ взять назадъ свой приказъ, а посадить снова въ Баситилію или Форъ-Левекъ человѣка, котораго оттуда только что выпустили, гораздо труднѣе, чѣмъ продержать его тамъ, не выпуская".

Де-Тревилль торжественно пріѣхалъ въ Форъ-Левекъ и освободилъ своего мушкетера, который и тутъ былъ попрежнему спокоенъ и равнодушенъ.

При первомъ же свиданіи съ д'Артаньяномъ де-Тревилль сказалъ ему:

— Ловко удалось вамъ, однако, вывернуться. Вотъ вамъ и отплатили за ударъ шпаги Жюссаку. Теперь еще остается за вами Бернажу, будьте же осторожны!

Де-Тревилль имѣлъ полное основаніе не довѣрять кардиналу и ждать отъ него всевозможныхъ непріятностей.

Едва только капитанъ мушкетеровъ затворилъ за собой дверь, какъ его высокопреосвященство сказалъ королю:

— Теперь мы одни и, если будетъ угодно вашему величеству, поговоримъ серіозно. Король! Лордъ Букингамъ провелъ пять сутокъ въ Парижѣ и уѣхалъ только сегодня утромъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.